

Павел АЛЕКСАНДРОВИЧ¹

ЧЁРНЫЕ КОНИ

Новая лениниана / исторический роман

(Журнальный вариант)

Не просивший прощения — да не получит.
(из несказанного Моисеем своему народу)

- Замечали вы, любезный сударь, что игру в карты предпочитают те, кто склонен свои неверные ходы относить на неудачно стасованную колоду?
- Позвольте, но ведь даже из разнородно открывшихся карт должно будет выбрать только одну. В отличие от шахмат.
- Шахмат?! Пожалуй, вам не доводилось встречаться с шахматным шулером.
- Крапленый шахматный конь! Право, к такой партии потребовалось бы подменить всю доску. А впрочем... кто станет ручаться в невозможности одного?
(из путаных черновиков, по небрежности давно утерянных)

Глава 1

Как объяснить, где находится губернский город Пермь?

Вот заложат вам в Петербурге два тяжелых венских дормеза — две огромные дорожные повозки. Взгромоздят на них поклажи не меньше десяти пудов — и на важи на крыше, и сзади на горбок. И в последний раз оглянувшись на ставший уже за эти годы родным, шумный и суетливый, величественный и туманный столичный город, на курьерских тройках (потому что надобность у вас казенная) под бесконечный перезвон колокольчиков помчитесь вы прочь от Петербурга по Сибирскому тракту, меняя на станциях лошадей (по той же казенной причине — почти без задержек) и останавливаясь на ночь где придется. А ехать без остановок нельзя, потому что с вами дети: старший сын — одиннадцати лет, и пятеро девочек, младшей — четыре года, и с ними няня.

Ближе к Вологде весенняя распутица даст о себе знать. А на полпути к Вятке, на вторую неделю дороги, быстрее шести-семи верст в час лошади тянуть уже не смогут. Грязь станет повсеместной, настоящей — русской. И где-то здесь может показаться, что Россия уже заканчивается. Но это далеко не так. Ближе к Уралу — настоящая Россия только начинается, а вековая грязь лишь стережет от чужаков неприступные земли.

Тем временем, до Перми пути еще почти столько же — тысяча верст, а значит, к Вознесению, то есть в две недели, которые было рассчитано занять на переезд, — уже никак не уложиться. Где-то после Дебёсов пойдут хвойные леса — вы сразу почувствуете холодное северное дыхание. По низинам, несмотря на середину мая, здесь все еще будет лежать снег, и чем дальше — тем его будет больше.

¹ Интернет-страница автора:

<https://facebook.com/pavel.alex.russia>

Только на третью неделю, переправившись, наконец, не без хлопот на левый берег Камы, вы окажетесь в Пермском уезде. Дорога на восток вдоль реки сначала пойдет песчаная, но после Юго-Камского завода станет прекрасной гальковой. Дормезы покажутся гораздо легче и мягче. Вдоль тракта замелькают верстовые столбы, а значит — худшее позади, близко губернский город.

Еще немного, и после моста через крошечную речку Данилиху вы остановитесь у заставы. Здесь из черно-белой будки выйдет к вам заспанный караульный. Он проверит документы, впишет ваше имя в толстую книгу, а потом неспешно откроет шлагбаум. Медленным шагом, словно нехотя, лошади тяжело затащат повозки в крутую гору, и вот теперь — откроется вид на саму Пермь. Вот и он, наконец, этот неказистый и неустроенный город промышленников и арестантов, в котором вам предстоит поселиться, и хорошо бы — ненадолго.

— А это больни-ица-с, Алекса-андровская, в честь покойного государя Александра Па-авловича, изво-ольте-с, — сообщил ямщик, когда скрылась из виду Московская застава и Александр Дмитриевич попросил ненадолго остановиться.

Возница сильно «окал» и смешно растягивал слова, как будто вот-вот собирался затянуть из них песню. Еще долго у Александра Дмитриевича не получится привыкнуть к чудному местному говору.

Петербургский врач — на вид ему было лет около сорока, с густой бородой и с усами, с длинными зачесанными назад темными волосами, в пыльном дорожном сюртуке и при этом, однако же, — в начищенных до блеска сапогах, вышел из неуклюжей повозки и с сомнением оглядел роскошное здание, с колоннами и львами у входа, богатую кованую ограду вокруг него. Больница одиноко стояла за городом, среди полей. И хотя сама по себе вид производила вполне достойный, но выглядела — как будто бы неуместно. Во всяком случае — странно.

— Ну что ж, зато... красиво, — подобрал подходящее слово врач, потягивая занемевшие члены. — Только отчего же на пустыре?

— Город растё-ёт-с. Скоро и здесь будет го-ород... — сам того не ведая, напророчил ямщик. — Видать, барин, давно вы не были в дальней доро-оге?

— Пожалуй, давно, — задумался Александр Дмитриевич, о чем-то вдруг вспомнив. — Да, очень давно. Можно даже сказать... с молодости.

— Да-а-а, — протянул возница, — по молодости и дорога-то кажется короче, и жизнь-то длиннее. Токмо отчего-с потом все наоборот перекувыркивается, вот это я ума не приложу-у... Так вам, выходит, к Дому преподава-ателей?

— Да, да, — Александр Дмитриевич закивал, стряхивая с себя все лишнее и прошлое, которое больше ему здесь не пригодится, потер руки и нетерпеливо сел обратно. — Поехали! Недалеко уже отсюда?

— По тот конец, у Сибирской заста-авы.

— Через всю Пермь проедем?

— По южному бульвару мину-уем-с...

— Трогай.

— А вы, милостивый государь, ведь неправильно название города говорите-с, — рассмеялся ямщик в густые усы, неспешно берясь за вожжи.

— Это почему же?

— А здесь говорят: Пе-ерьмь.

— Вот как? — удивился Александр Дмитриевич. — Поедем через всю Пе-ерьмь? — попытался он повторить.

— Город у нас небольшо-ой, сами видите-с, — пожал плечами мужик.

К удивлению, город оказался очень зеленым. Буквально утопал в свежей весенней зелени. По правую руку от березовой аллеи, по которой сейчас катили дормезы, показался загородный сад. В нем Александр Дмитриевич полюбит скоро подолгу гулять. По левую руку пошли дома. Очень мало каменных, больше деревянные, среди них много кособоких. Ближе к Каме возвышались купола церквей.

Да, городишко, в который Александра Дмитриевича определили на службу, после столицы показался крошечным. Даже несерьезным для губернского, шуточным, игрушечным. Но зато дышалось здесь хорошо, легко, по-деревенски. Особенно когда летом в жаркий день северный ветер задувал с реки. Город лежал в ложбине между двумя холмами, и отсюда, с возвышения — виды открывались чудеснейшие. Но хоть Пермь и растянулась сильно вдоль Камы — застроена она была негусто. Нередко весь квартал только и состоял из одного низенького строения с садом. А до чего на улицах оказалось грязно! Ни одной мостовой, дощатые тротуары в мутной жиже. Пешком в непогоду приличным людям здесь ходу не было.

Дальше дорога пошла на южный, Кунгурский выезд, а дормезы свернули налево и покатали вверх по широкой Сибирской улице. Миновали Благородное собрание — в

классическом стиле здание, с колоннами и треугольным фронтоном. После перекрестка остановились у необычного высокого каменного одноэтажного углового дома с большими двусветными — в два ряда друг над другом — окнами под скатной крышей. Это и был Дом преподавателей, в восточном крыле которого Александру Дмитриевичу с семьей предстояло теперь поселиться.

Приехали? Ну что ж, стало быть — выходим.

Пока кухарка хлопотала над весенней ботвиньей с крапивой и щавелем, накрывая стол для уставших с дороги новых жильцов, дворник сносил поклажу и отправился растапливать баню. Александр Дмитриевич осмотрел служебную квартиру. Прошел из гостиной с большим камином через анфиладу из трех просторных комнат с лепниной на высоком потолке и определил устройство в двух первых, белой и синей, — спальни для детей, а в дальней, зеленой, — собственную спальню и одновременно кабинет.

Дети вместе с няней принялись распаковывать вещи, а Александр Дмитриевич перенес к себе оказавшийся единственным во всей квартире столик, а с ним — стул с решетчатой спинкой. Следом, стараясь не поцарапать наборный паркет, — этажерку, на которой решил сегодня же вечером расставить привезенные из Петербурга книги, больше по медицине. С трудом раздвинув тяжелые, пыльные темно-зеленые шторы из вышитого коленкора, доктор выглянул в окно и недовольно покачал головой.

* * *

Да, город действительно был небольшим. Это было замечено верно. Строго расчерченные перпендикулярные улицы выдавали какое-то искусственное его основание. Не было здесь большого пересечения торговых дорог, не было шумных рынков с привозными товарами. Пермь выглядела безлюдно, бедно и нестройно. Больше всего было похоже, что кто-то, устав водить рукою по карте, ткнул в произвольную точку — и основал здесь город, даже не удосужившись предварительно сие место осмотреть. А потом и вовсе позабыл об этом нелепом происшествии, да только Пермь на том странном месте так и осталась.

Ровно в семь утра следующего дня Александр Дмитриевич отправился к губернатору. Весна только начиналась, и врач быстро продрог. После долгой дороги неприветливый Урал решил теперь испытать своего гостя утренним холодом. И конечно же — опять грязью. Дрожки гремели и прыгали по лужам, попадали в ямы и обдавали редких прохожих, а равно и своего пассажира холодной водой. Отглаженный еще с вечера вицмундир теперь снова требовал чистки. И это — одна из центральных улиц, которая от южной заставы поднималась к Каме.

Немного не доезжая до набережной, свернули к главной площади и остановились около большого собора. Рядом с ним, как можно было и предположить, располагались дом губернатора и его канцелярия. Площадь, по обыкновению для межсезонья, была залита лужами. Широко шагая, стараясь в них не ступать, Александр Дмитриевич все равно промочил ноги. Вместе с испорченным мундиром это не в шутку вывело из себя нового инспектора губернской врачебной управы. Досадуя на то, что он вынужден был здесь оказаться, и забыв уже, что сам еще недавно радовался новому назначению, Александр Дмитриевич, терзаемый самыми противоречивыми ожиданиями, отворил тяжелые двери, вздохнул на пороге — и поторопился войти.

Несмотря на раннее утро, в приемной толпились. Служебный день губернатора начинался по военной привычке спозаранку. Назвавшись экзекутору, Александр Дмитриевич присел ждать вызова. Окружавшие его вельможи большей частью суетились и спешили попасть на прием вперед друг друга. И только один человек из всей приемной безропотно и молча стоял в стороне.

Этот смиренно дожидавшийся вызова посетитель — был невысокого роста мужчиной, лет за пятьдесят, суховатым и в очках, в темно-коричневом плаще и в бахилах — уральских широких сапогах. Он не был похож на обычного чиновника. По ожидающему было видно, что в присутственных местах ему не по себе и стеснительно, особенно — среди такого количества мундиров и фраков. Заложив руки за спину, он стоял вполборота к высоким резным дверям, ведущим в кабинет губернатора, и каждый раз, как они открывались, — вздрагивал и вытягивался всем телом, как будто желал, чтобы губернатор заметил хотя бы кончик его носа. Но либо нос его был слишком короток для таких дел, либо губернатор сегодня был слишком занят — посетителя никак не замечали.

«Эхь-эхь-эхь», — каждый раз качал он головой, всем своим видом показывая, что желает только одного — быстрее попасть на прием и покончить с делом. Наконец, экзекутор, словно сжалившись, позвал просителя к себе и указал на Александра Дмитриевича. Мужчина закивал, засуетился и поспешил подойти.

— Кхм... кхм... — откашлялся он, извиняясь за вынужденное беспокойство. — Мое

почтение... разрешите-с представиться. Ардашев Дорофей Федорович, врач Александровской больницы, кхм...

— Здравствуйте! — удивился Александр Дмитриевич и вежливо привстал, чтобы поздороваться со своим будущим подчиненным. — Видел, видел. Александровская больница, это на въезде в город. То бишь — и вовсе за городом.

— Да-с, она самая... кхм... Будем знакомы. С удовольствием буду ждать, чтобы все показать... Знать, мы так и думали, что вы придете со дня на день, да-с... А вот и вы-с, — неловко улыбнулся Ардашев.

— Осмотрю с удовольствием, Дорофей Федорович, — у присланного из столицы чиновника было в привычке сразу же повторять имена своих новых знакомых. — Хорошее впечатление с первого же взгляда, — заверил он. — Я даже попросил остановиться, чтобы разглядеть, так был удивлен. Прекрасное здание. В отличном месте. Так просторно. Должно быть, у вас и в делах полное... благолепие?

— В известном роде благолепие, слава Богу, — не вполне понял иронию Ардашев, обрадовавшись комплименту инспектора. — Вот видели бы вы, как мы раньше работали, но теперь... слава Богу... кхм... Больница наша, знать, не такая большая.

— Сколько же коек? — по-деловому поинтересовался инспектор.

— Шестьдесят. Да-с, шестьдесят коек, да шесть фельдшеров... да я, — развел руками врач, не зная, что еще добавить.

— Так вы один врач?! — изумился Александр Дмитриевич. — Разве только один врач на всю губернию?

— Один на всех, — подтвердил Ардашев. — Сам оперирую, сам хлопочу. Один на всех... кхм... Когда же планируете ревизовать?

— Пока не скажу, сначала к губернатору, — инспектор почтительно кивнул на дверь с орлами и вензелями.

— Ну что ж, тогда рад был знакомству, буду вас ждать... Сами все, как бы вам сказать... сами все и увидите.

— С удовольствием осматриваю, спасибо.

Дорофей Федорович неловко улыбнулся и поспешил отойти в сторону, а рядом с Александром Дмитриевичем присели двое в полицейских мундирах. Они единственные из всей шумной приемной как будто никуда не спешили — обсудили рыбалку, погоду, принялись о чем-то спорить. Наконец, первого из них вызвали.

Оставшийся ожидать своей очереди штабс-капитан с орденом Анны четвертой степени и медалями Отечественной войны на груди, обтянутый тесноватым мундиром, который у пуговиц уже начинал расходиться складочками, что, впрочем, не беспокоило его хозяина, — зазевал, приглаживая усы. То ли он ночь не спал, то ли никакое происшествие для человека в его чине уже не могло показаться достаточно важным — по виду штабс-капитана было совершенно невозможно это угадать. Да и кому, как не полицейским, во все времена и лучше всех было известно, что ни спешить, ни волноваться никогда не стоит, потому как все либо разойдется само, а если нет — так, значит, тому и положено быть. За время службы в полицейском департаменте в Петербурге Александр Дмитриевич быстро обнаружил эту общую черту и научился теперь без ошибок узнавать полицейских даже без мундиров и даже издали, порой по одной только размашистой походке.

— Так и об чем же говорят в Петербурге-с? — пахнув не то квасом, не то щами, вдруг наклонился к Александру Дмитриевичу штабс-капитан, как будто они уже были давно знакомы и теперь только продолжали когда-то начатый разговор.

Совершенно не ожидая подобной фамильярности, врач растерялся и попытался отстраниться.

— Э-м-м... Простите, ваше благородие, не понял вас? — переспросил он.

— Извольте, будем знакомы. Федор Иванович Вайгель, городничий, — назвал штабс-капитан. — Нам часто с вами по службе теперь вместе будет дело иметь.

Мужчины пожали руки.

— Будем знакомы... — еще раз удивился Александр Дмитриевич и внимательно посмотрел на собеседника, чей несерьезный вид как-то не вполне соответствовал названной должности.

— Так научились ли стряпать в Петербурге пельмени из щуки-с? — хитро подмигнув, невозмутимо продолжал городничий. — Или по-прежнему предпочитают давиться трюфлями с ананасами?.. В последний раз, как я был в городе на Неве, нигде пельменей сыскать не сумел.

— Про то, что на Урале стряпают пельмени, я слышал, — ответил врач, все еще смущенный бесцеремонностью полицейского, не вполне понимая, шутит тот или говорит серьезно. — Только позвольте, Федор Иванович, узнать, чем же уральские пельмени могут отличаться, к примеру... от обычных вареников?

— Как это понять, «слышали, что стряпают»? — вдруг опешил штабс-капитан. — Ведь отличие же имеет место самое разительное! Не меньшее, чем, скажем... между устрицей и кулебякой.

Эта новость как будто оказалась для городничего настолько важной, единственно важной за все утро, что он развернулся к Александру Дмитриевичу и нахмурился.

— Так вы, стало быть, сами из Малороссии? — догадался, наконец, Вайгель, внимательно разглядев своего собеседника. — Ах вот оно что! Тогда позвольте пригласить вас к себе в гости на пельмени из щуки, — добродушно положил он руку на плечо инспектору. — Чтобы вы могли убедиться в разнице с варениками, — городничий, наконец, не выдержал и расхохотался. — Ну так что, стало быть?

Под таким напором Александр Дмитриевич и сам не сдержал улыбки.

— Надо полагать, вы и рыбачите? — полюбопытствовал врач.

Что-то в новом знакомом одновременно и отталкивало, и неожиданно располагало к себе.

— А как же-с! — сердечно заверил городничий. — И сам стряпаю, и никого не допускаю до этого дела. Так разрешите вас угостить? Или нет?

— Что ж... если вы уверяете, что пельмени настолько отличаются от вареников... — замешкался Александр Дмитриевич.

— Во-от это во-о-от! — вскинул брови Федор Иванович. — Человек не пробовал пельмени, а сомневается, отличаются ли они от вареников. Во-от это во-о-от!

Александру Дмитриевичу на секунду показалось, что вся приемная обернулась на него, чтобы пристыдить за святотатство на пельмени.

— Да я и вовсе не хотел с вами спорить, — смутился врач.

В этот момент экзекутор вызвал Вайгеля к губернатору.

— Ну а в вист-то вы играете? — с надеждой спросил полицеймейстер, неспешно вставая со своего места.

— Знаете... время от времени...

— Вот и отлично, — панибратски хлопнул инспектора по плечу городничий. — Здесь время идет не так, как в столице. Приглашаю вас на вист и на пельмени из щуки. И наливки у меня по собственному рецепту, обещаю! Сами понимаете, щука — рыба не сухопутная, ее требуется смачивать, хе-хе... Да-с, у нас здесь все просто, люди простые. Быть может, мы и живем здесь — пореже да пожиже, а вот только встречаемся между собой — погуше и почаще. Стало быть, обязательнейше жду, Александр Дмитриевич! — дружелюбно помахал рукой городничий и грузной походкой, расправляя на ходу мундир, отправился на утренний доклад.

Врач достал из кармана платок и вытер лоб. Ни в одном казенном учреждении не заведено было проветривать помещения, а посетители тем временем продолжали прибывать, становилось душно.

* * *

Когда настал черед Александра Дмитриевича, время уже приближалось к обеду.

Губернатор Илья Иванович Огарев, шестидесяти лет, полноватый и с густыми бакенбардами, имел неожиданно добродушный вид. Участник Отечественной войны, за потопление в крови польского восстания десять лет назад он получил статского советника и должность Архангельского губернатора. В Пермь Илья Иванович прибыл уже действительным статским. Причина перевода была веской — крестьянские бунты, и Огарев с ними решительно покончил. Так что судить о своем новом начальнике по первому впечатлению Александр Дмитриевич поостерегся.

— Ваше превосходительство! Александр Дмитриевич Бланк¹, инспектор врачебной управы-с, прибыл в распоряжение, — отчеканил врач.

— Здравствуйте, здравствуйте, — Огарев оторвался от бумаг, поднял глаза на визитера и прищурился, а потом привстал со своего места. — Мое почтение. Присаживайтесь, присаживайтесь. Мне об вас уже доложили. Долго же вы ехали к нам! — покачал он головой. — Мы чуть было не заждались, когда-нито уж вы до нас доедете. Негоже, негоже. Работа-то стоит, а вас все нет и нет.

— Дороги совсем плохие, — смутился Александр Дмитриевич. — А я еще с детьми.

— Я знаю, у вас большая семья. Правда, Алексан-Дмитрич, я думал, что вы сначала придете сами. А потом уже и супруга с детьми могла бы за вами. Было бы благоразумно в интересах службы-то... благоразумно.

— Я вдовец, ваше превосходительство, — попытался объяснить врач, расстроившись, что Огарев сразу взял недовольный оборот. — Пришлось сразу ехать с детьми. Как только мне сообщили о назначении, я тут же принялся за сборы. Прибыл так быс-

¹ Александр Бланк — дед Владимира Ульянова-Ленина по матери (прим. ред.).

тро, как мог... заверяю вас.

— Вот как, вдовец? — как будто смягчился Илья Иванович.

— Да-с... супруга моя скончалась... от чахотки.

— Тогда прошу меня извинить, этого мне почему-то не доложили... — разумеется, Огарев не мог иметь в виду никого иного, кроме как хитреца Вайгеля. — Ну что ж, Вы устроились в Доме преподавателей? — перевел он разговор. — Удобно устроились?

— Благодарю вас, — еще раз поклонился врач.

— Садитесь, садитесь... Ну, это не меня, это директора гимназии благодарите. Впрочем, я ему посоветовал... Вы намерены в одно и то же время работать в гимназии врачом? Будете успевать-то?

— Если это помешает моей службе, я тут же оставляю, — пообещал Александр Дмитриевич, привставая с места.

— Не надо, не надо, — простовато махнул рукой губернатор, — вы лучше скажите, как планируете? Надолго ли к нам, навсурьез ли? Задача-то у вас будет сложная, Александр-Дмитрич. Знаете ли об этом?

— Я понимаю, конечно, ваше превосходительство. Я выставил на продажу свой дом в Петербурге. Пока найду покупателя, намерен подыскать себе дом в Перми и обустроиться.

— То есть вы к нам не на год и не на два? — обрадовался Илья Иванович.

— Конечно, — заверил Бланк.

— Это прекрасная новость. А то у нас была своя кандидатура на эту вакансию. Вы знаете, быть может? Нет? Ну так вот, в министерстве сказали, что пришлют хорошего врача из Петербурга. С опытом противудействия эпидемиям. И к тому же прилежного в отличных медицинских докладах. Так что вас мне отрекомендовали. Ну что ж, расскажите немного о себе-то. Где служили?

— Окончил Императорскую медико-хирургическую академию, ваше превосходительство, — начал доклад Александр Дмитриевич, сам в это время прикидывая, кто бы мог ему дать такую странную рекомендацию. — Служил врачом в Смоленске и в Олоонецкой губернии. Полицейским врачом и ординатором в Петербурге.

— А военная служба? — поинтересовался губернатор, который твердо был уверен, что военная служба — лучшая подготовка к любой профессии.

— Не проходил, — честно ответил Бланк.

— Хм... — Огарев удивленно помолчал, пожал плечами, но ничего не стал переспрашивать, а достал из ящика стола какие-то бумаги и принялся листать их. — Вот, Александр-Дмитрич, послуш-ш-шайте, какая у нас есть в делах-то неисправность... Пермская губерния на третьем месте в империи по смертности. Знали вы? От трети до половины родившихся у нас не доживают до года. Так-то... Средняя продолжительность жизни, значит, составляет-с... — губернатор поводит пальцем по таблице, — вот, двадцать три года. Это выходит, сами понимаете, ежели сложить старых с малыми и поделить больных на здоровых, — кисло улыбнулся Огарев. — Вы это знаете. Ну да, положим-то, неже дворян с мужиками складывать и друг на друга делить. Но цифра-то, цифра... дурная для нас. Можно даже сказать, позорная. Такая из-за нее теперь суматоха... Situation tres difficile. Il faut agir avec determination... Вот такие дела.

— C'est terriblement mauvais, ваше превосходительство! — искренне воскликнул Бланк, снова привставая с места.

— Да-да. Вот с этим-то, ваше благородие, вам и предстоит иметь дело-с. Готовы ли?

— Огарев внимательно посмотрел на врача.

— Непременно, — без сомнений заверил тот.

— До нас тоже добралась холера, как и везде, — продолжал губернатор. — Вы видите, Александр-Дмитрич, до сих пор холерные бараки стоят за городом. Так дошло и до смертоубийства. Крестьяне нападали на фельдшеров. Решили, что они болезнь разносят. Вот кто их мог надоумить-то?

— Я знаю, об чем вы говорите, — слова губернатора отозвались в сердце Александра Дмитриевича. — Мой брат был убит кем-то из толпы во время такого бунта в Петербурге.

— Вот как?! — изумился Огарев. — Прошу меня простить. Он тоже был врачом?

— Да.

Губернатор с уважением поглядел на своего нового подчиненного.

— Тогда вы знаете, — доверительно продолжал Илья Иванович, — что народ у нас не просто темный, а совершенно... дремучий. Очень трудный, большею частью. C'est un travail tres difficile, как я уже сказал. С другой стороны, я понимаю, что современная медицина-то покамест многого не знает о человеке и его природе. Может, и к лучшему, что народ-то врачей близко не подпускает без лишней надобности. Как думаете?

— Так надо просвещать! — уверенно отозвался Александр Дмитриевич.

— Правильно! — подхватил губернатор, радуясь общему взгляду на дело. — Пороть и просвещать, только так можно что-то сделать. Пороть и просвещать! — продолжал Илья Иванович, не замечая недоуменного взгляда Бланка. — Отлично, рад нашему знакомству. Приступайте к службе.

* * *

А в это время дома продолжали распаковывать вещи.

Отправив кухарку на рынок за продуктами к обеду, няня распорядилась обустройством. Покончив с хозяйственными делами, дворник зашел им помочь.

— Не путайтесь под ногами, я вас прошу, сударыни, поосторожнее, — дворник, тяжело пыхтя, с величайшей осторожностью перетаскивал фортепиано из синей комнаты в белую, когда трое младших девочек задумали играть в прятки.

Доктор Бланк надеялся как можно быстрее подыскать дочерям гувернантку и учителя музыки, а главное — устроить сына в гимназию. Еще из Петербурга он написал прошение об этом директору и, узнав, что, во-первых, в гимназию требуется врач, а во-вторых, что гимназия могла бы предоставить такому врачу квартиру, — тут же вызвался на эту внеурочную и неоплачиваемую работу. И это при том, что жалования на должности инспектора врачебной управы — первого лица в губернии по медицине — и так было положено всего четыреста рублей в год. Но выбирать не приходилось. Взвесив pro et contra, Александр Дмитриевич не без оснований рассчитывал, что в провинциальном городе их траты будут меньше и тогда они справятся.

— Катя! Маша! А ну, не мешайтесь, — девятилетняя Анна как старшая из пяти девочек попыталась увести младших.

— Погуляйте, барышни, в саду во дворе, — посоветовал дворник. — Только оденьтесь потеплее.

— Да, да, погуляйте, — скомандовала няня. — Анна Александровна, помогите-ка всем собраться на прогулку.

Дом, в котором выпало поселиться семье Александра Дмитриевича, стоял единственным в квартале. В западном двухэтажном крыле жили еще несколько преподавателей гимназии — одни или с семьями. На заднем дворе была большая конюшня, скотный двор (пустовавший уже давно) и баня, а все остальное место занимал сад.

— Дмитрий Александрович, не подсобите? Экая же она тяжелая, эта штукаенция, — попросил дворник помощи у сына Александра Дмитриевича. Мальчик в это время сидел у окна, разглядывая пустынную улицу, по которой изредка проезжали повозки и еще реже попадались случайные прохожие.

Дмитрий с самым серьезным видом взялся за другую сторону фортепиано и попытался его приподнять.

— Вы тоже играете музыку? — поинтересовался дворник.

— Немного.

— Ну, тогда давайте — и раз! Да вы силач!.. Каждое утро зарядку делаете?

— Папенька сам... делает зарядку... по утрам... и следит... чтобы мы тоже... делали, — запыхтел мальчик.

— На то он и врач, — рассудил дворник, — ему виднее. Оно и правильно... Я вот тоже по утрам зарядку делаю — дрова колю... А то приходите, вместе будем... дрова колоть. Очень полезное занятие... Как говорится, даже одно недоделанное полезное занятие... всегда лучше двух доделанных, но бесполезных... Это давно известное дело.

— Можно и прийти, — согласился Дмитрий.

— Да, можно. Или еще воды натаскать, тоже... отличная зарядка... — продолжал Николай Фомич. — Вот посмотрите на меня. Всю жизнь делаю... зарядку, каждый день — и не болею... Но не такой, конечно, чрезвычайный силач, как вы.

— Еще диету нужно соблюдать, — деловито заметил сын доктора Бланка.

— Какую же?

— Например, молочную. Не пить чаю... или кофию. Молоко только пить, яйца кушать.

— А-а-а... Так и я тоже. Ни чаю, ни кофию, — согласился дворник. — Также правильно. Оба мы с вами будем здоровыми. Как говорится... крепкое тело побороть зело трудно, а только крепкий дух — совсем невозможно... Ну вот, все, готово! Даже не скрипнуло! Ох, любезные барышни, не туда, не туда. Идите через главный вход, а то с черного все заставлено, — замахал дворник дочерям доктора Бланка, которые попытались пробежать мимо него и Дмитрия.

— Спасибо, Николай Фомич, — поблагодарила няня.

Веселой гурьбой пятеро девочек высыпали на улицу и буквально налетели на под-

¹ Мария Бланк — Мария Ульянова в замужестве — мать Владимира Ульянова-Ленина (прим. ред.).

нимавшегося на крыльцо молодого человека в очках, самого строгого вида, в темном сюртуке, в белой рубашке с высоким воротником и с белым галстуком-бабочкой.

— Здравствуйте, барышни, — удивленно поздоровался он.

Те смущенно сделали реверансы и поспешили убежать в сад во дворе.

— Александр Дмитриевич дома? — окликнул их молодой человек.

— Папенька уже уехали на службу, — обернувшись, ответила Анна.

С любопытством оглядев незнакомца, она встряхнула белокурыми локонами, опускавшимися на плечи, расчесанными на прямой пробор по английской моде, и поспешила за сестрами.

— Спасибо... — задумчиво поглядел ей вслед молодой человек, а потом встрепенулся, вспомнив, зачем пришел. В окне он увидел дворника и махнул ему. Тот показал, что сейчас выйдет.

— Здравствуй, Фомич, — поприветствовал его молодой человек.

— Доброе утро, ваше благородие Иван Дмитриевич, — поздоровался дворник с молодым учителем латыни из гимназии, который жил один в этом же доме, но в западном крыле, вход куда был отдельным.

— Как доктор Бланк устроились? Все ли в порядке?

— Устраиваемся, устраиваемся. Вы его ищите?

Молодой человек кивнул.

— Они поехали, должно быть, сперва к губернатору, — предположил дворник. — Долго спите, ваше благородие, — шутя подмигнул он.

— Вот даже и не подумал, — хлопнул себя по лбу Иван Дмитриевич. — Спасибо, Фомич. Quaerimus!

Учитель торопливо сбежал с крыльца и бросился ловить пролетку.

— Qui quaerit inveniet, — заметил дворник, когда молодой учитель уже не смог бы его услышать. — Semper. Semper!

Глава 2

— День добрый, реб Моше¹, день добрый! Да пошлет вам Бог столько богатства, сколько у меня никогда не было, а мне бы только стаканчик мадеры. — Сняв шляпу и подобрав длинные полы сюртука, гость маленького шинка присел за столик.

На улице стояла жара, а внутри за толстыми каменными стенами и массивными ставнями было прохладно.

— Вечер добрый, реб Гершон, — приветствовал своего доброго знакомого старик-хозяин. — Стаканчик мадеры я вам могу налить. Уж за этим-то, не утруждая Господа, можете всегда обращаться напрямую ко мне. Но что-то вы выглядите очень беспокойным. Не случилось ли чего?

Послав работницу за вареной рыбой, шинкарь налил гостю вина.

— Да как же не случилось? — всплеснул руками тот. — Как же не случилось, если кругом мошенники, и кто усерднее всех в синагоге молится, тот из мошенников оказывается самым отъявленным. Как теперь человеку богобоязненному и честному, как я, не роптать и оставаться смиренным? Еле себя сдерживаю, чтобы не зароптать, Бог видит!

С этими словами реб Гершон залпом выпил прохладную мадеру, а пока он вытирал бороду, хозяин успел наполнить второй стакан.

— Уезжать надо отсюда, реб Моше, — продолжал гость, немного отдышавшись от уличного зноя. — Надо уезжать из этого места, будь оно проклято. Клянусь вам, если когда-нибудь разверзнется твердь земная и из-под ног запольхает огонь, то самое жаркое пламя откроется прямо здесь, посреди Житомира. Вот запомните мои слова. Ни одного честного человека в нашем городе скоро не останется, вот к чему все идет.

— Господь с вами, реб Гершон, — изумился хозяин. — Что же это такое могло стрястись?

— Ужасная неприятность, ужасная. Не знаю, как теперь и быть.

Так ничего толком и не объяснив, гость выпил второй стакан и принялся за принесенную закуску. Старик предусмотрительно наполнил третий стакан, прежде чем продолжить расспросы.

— Так что же стряслось? Что за неприятность? Кого-то неужели обманули, реб Гершон? — выждав, попытался выяснить Моше Ицкович.

— Вы сомневаетесь? — всплеснул руками гость. — Как это вы спрашиваете, не обманули ли кого-то в Житомире? Да если бы кто-то сказал, что сегодня в Житомире никого за целый день не обманули, то я бы первым делом показал на этого самого чело-

¹ Мойше Бланк — прадед Владимира Ульянова-Ленина по матери (прим. ред.).

века и сказал бы, что вот он и есть, по меньшей мере, первый обманщик.

— Кого же обманули? Объясните уже по порядку! — потребовал старик и отодвинул тарелку в сторону.

— А как сами думаете? — отвлекся от закуски реб Гершон. — Вы это так спрашиваете, как будто подумали, чтобы это я кого-то обманул. Неужели вы меня заподозрили? Да если бы я кого-то хоть раз в жизни обманул, не сойти мне с этого места, я бы со стыда умер тут же, таки я бы уже с вами не разговаривал. Я бы людям в глаза смотреть не мог. Вы меня знаете... Впрочем, я от своих хлопот и сам скоро на тот свет сойду, и без Божьей помощи. И угадайте, что я тогда сделаю? А вот что — я ко всем мошенникам начну каждую ночь приходить. Так грозно-грозно буду им говорить: «Не обманывай никогда! Кишки выпущу! Не обманывай!» Чтобы все прохиндеи в холодном поту каждую ночь просыпались! Как говорится в Писании: «Тогда вспомните о злых путях ваших и недобрых делах ваших и почувствуете отвращение к самим себе за беззакония ваши и за мерзости ваши»... Да, вот так, вот так... Но я вам не снюсь, сами видите, сижу прямо перед вами. Меня обманули, меня! И не кто иной, как реб Зорах, жулик и прохвост. Кто-нибудь однажды, не такой порядочный человек, как я, — не побоится Господа и выбьет дурь из его пустой головы за все его прегрешения, не дожидаясь кары небесной. Да простит меня Господь за такие слова! Вот увидите, однажды тем и закончится.

С этими словами реб Гершон, тяжело наклонившись вперед, придвинул тарелку обратно.

— Не возьму в толк, про кого это вы говорите? — нахмурился старик Моше. — Который реб Зорах? Не тот ли, который у резника сын?

— Нет же, при чем он здесь? — махнул рукой гость, с осторожностью жуя костлявую рыбу. — Резника сын давно уехал из этого треклятого места и правильно сделал. Не сомневаюсь, что он такой же хитрец и сволочь, как и его отец... и уверен, что он уже хорошо устроился. Но я не про него вам говорю, нет.

— Куда же он уехал? — удивился хозяин. — Я даже ничего об этом и не слышал.

— Как не слышали? — изумился реб Гершон. — Что сын резника уехал, не слышали?! Что же вы, разве не знаете, у кого городские новости спросить? Я думал, вы знаете — а вы сидите и ничего не знаете?

— У кого же мне было спросить?

— Так спросите у меня! — рубанул себя рукой по груди гость. — Я-то все знаю! Вы ведь даже не спросили. А почему вы не спросите у меня: «Какие, мол, новости в Житомире, реб Гершон?» Таки если бы вы у меня сразу спросили, то я бы сразу вам и сказал, что уехал реб Зорах — который сын резника, в Одессу жизнь делать. Надеюсь, что если он и там такие же цены задирать будет, как и здесь, то с ним не станут церемониться и живо вспорют ему брюхо. И поделом. Но я вам не про него говорю сейчас.

— Так про кого же? Что ли про того вдовца, который из Винницы?

— Да вы и вовсе, реб Моше, как будто ослепли и оглохли, — укоризненно покачал головой гость. — Какой же он вдовец, если реб Зорах из Винницы на той неделе женился?

— Как это женился?! — оторопел старик. — Да на ком же?

— Не давеча, как на прошлой неделе, он женился на Минде. Той, что у часовщика старшая дочь. Да-да!

— Которого же часовщика? — совсем запутался шинкарь.

— Часовщик реб Хведор, — терпеливо принялся объяснять реб Гершон. — Как же вы не знаете? Вы же его знаете. Как его можно не знать? Он мне два рубля до сих пор должен за дрова.

— Реб Хведор, который вам два рубля должен? Конечно, знаю. Он и мне должен.

— Ну, а говорите, что не знаете. Зачем же вы говорите, что не знаете? Он всем вокруг должен. Кто же его после этого не знает?

— Ах вот что! — разобрался, наконец, старик. — То-то реб Хведор ко мне заходил довольный. Но ведь он даже ни полслова про то дело не сказал. Вот хитрец!

— Как же ему не быть довольным, когда такая партия удачная, а то он с хлеба на квас перебивается, работы нет никакой. Если он так часы чинит, что они после этого не ломаются, — что ж он будет чинить завтра? Скажите мне — таки что завтра чинить? Как сказано в Писании: «Не надо кланяться низко, если не хочешь, чтобы тебе сели на шею!» А реб Хведор — совершенно непонимающий человек. Сколько я ему говорил, чтобы он брал пример с сапожника Пинеле... Так, постоит. А когда же он к вам заходил?

— Дайте подумать... Да в позапрошлом месяце, кажется.

— Ха! Так то было в позапрошлом месяце! Вот же в чем дело! — догадался реб Гершон. — Тогда и про помолвку-то и разговора еще не было, вот он вам и не сказал. Как

же, вы думаете, он мог вам сказать, когда сам еще тогда о своем счастье не знал? Ну вы шутник, реб Моше... А уже после того, как он заходил к вам, пришел к нему тот реб Зорах, про которого вы сейчас зачем-то заговорили, который бывший вдовец из Винницы, который был женат на покойной Эстер, не к добру ее вспомнили, ведьму. Вот и сосватался теперь за Минду, а старик и рад, что одним ртом в доме меньше стало. Бедняга... А я же вам все это время про портного реб Зораха говорю. Вы и не поняли, что про него? Вот кто плут! Это про него я вам говорю.

— Ах, вот оно что! — хлопнул себя по лбу Моше Ицкович. — Конечно, не понял. Только постойте... я же сам у него брюки шил. Очень хороший портной, прекрасный. Как же он стал плутом?

— Прекрасный портной? Что вы говорите, реб Моше? — возмутился гость. — Что я от вас слышу! Если бы я это слышал не от вас, а от кого-то другого, я бы таки подумал, что это пустомеля, который выжил из ума. Сейчас я вам расскажу, какой он прекрасный портной, и уверен, что вы свои слова тут же возьмете обратно. Послушайте же, какой он прекрасный портной. Вот прихожу я к нему и говорю, что еду в Борисполь в начале таммуза по своим делам. А от этих дел, скажу я вам прямо, чего таить, вся моя торговля — вся жизнь моя дальнейшая может зависеть. Сшей, прошу, мне такой костюм, как подобает, и чтобы в срок. И задаток, дурак, дал ему зачем-то. Зачем дал? Вот дурак!

— И что же?

— Как что? Как что? Вы так спрашиваете, как будто дальше что-то хорошее могло из этого случиться. А ничего хорошего и не могло случиться — вот что. Прихожу я к нему сейчас костюм мерить — а он на мне как мешок висит. Костюм висит. Вы поняли? Костюм на мне висит. Ну, мешок мешком, хоть овес ссыпай и на ярмарку носи. А мне ехать! Ну и как я поеду? Как я принялся его чихвостить! Отдавай, говорю, задаток обратно, обманщик, зараза, или костюм немедленно перешивай!

— А он что?

— А что, по-вашему, может сказать такой подлец? Неужели вы подумали, что он вернул мне задаток? Или перешить без доплаты согласился? Ничего подобного! Да быстреей черти вынут из него душу!

— Как же так могло выйти, что он не по размеру вам костюм сшил, если он столько лет портняжничает? Неужели мерки неправильно снял?

— Вот и я его спрашиваю: «Как же так ты костюм мне мог сшить, если столько лет портняжничает? Неужели мерки неправильно снял?» А он говорит: «Так как же мне было с размером угадать, если вы похудели за то время, что я с вас мерки снимал. Как же еще я мог вам костюм пошить, как не по старым меркам?»

— А вы и вправду как будто похудели, реб Гершон, — с беспокойством заметил хозяин. — Что это с вами?

— Как что? Как что?хлопоты! Все хлопоты и хлопоты! Разве видели вы, чтобы кто-нибудь потолстел от хлопот? Нет? Побегайте с мое! Целыми днями! И что же делать, что делать? Как ехать в Борисполь?... Господи, помоги мне встать на ноги, а упасть-то я и сам смогу... Придется теперь этому мошеннику втридорога доплачивать, чтобы срочно костюм перешивал... А он смеется, подлец. «Что это, — говорит, — вы уж и за грош теперь удавитесь». А что мне еще остается, как не удавиться, если не сегодня-завтра я сам зубы на полку положу. Ведь честным трудом и своим потом заработанный грош — он будет дороже краденого рубля. Что ж с того, если это грош? Украл я его? Если б украл — да разве мне было бы жалко? Но сами видите — я не ворую и не обманываю, а потому каждый грош мне как рубль.

— Выпейте еще мадеры, — ласково предложил Моше Ицкович. — Утро вечера мудренее. Как говорится в Писании: «Кто богат? Тот, кто рад своему уделу». Наверное, реб Зорах еще одумается. Может, это он сгоряча только вам так сказал. Потом цену сбавит. Беречься надо только тех, кто обещает что-нибудь за ничто.

— И правда, — согласился гость, — зайду к нему еще завтра. И то верно. Хоть кто-то еще в Житомире остался, у кого можно доброго совета спросить.

— Знания у меня много места не занимают, — рассмеялся старик.

— Эх, реб Моше, разве так делалось в наше время? Разве так делалось? Все с ног на голову перевернулось, все перевернулось. Как мы кляли польских панов, но разве было при них такое, что сейчас делается при русских исправниках? «Извольте рубль туда, да пожалуйте рубль сюда», — передразнил реб Гершон по-русски, а потом перешел обратно на идиш. — А сейчас что? Бедняки беднеют, богачи богатеют. Сами видите. Если жизнь не меняется к лучшему, то стоит только подождать, и она непременно изменится к худшему.

— Как говорится, когда дует ветер, то выше всего вздымается мусор, — мудро заметил Моше.

— Так и есть, — согласился гость, — так и есть. Пока мы тут за каждый грош переживаем, чем бы своих детей накормить, кто-то в это время миллионами крутит. Миллионами! Что будет после нас, что будет?

* * *

— Александр Дмитриевич! Ну слава Богу, наконец-то вы приняли мое приглашение, — искренне обрадовался городничий, встречая доктора Бланка в своем доме. — Лучше раньше, чем позже! А я уж думал, неужто бы такой занятой человек, как вы, и вовсе не нашли свободного вечера? Или нет? Ведь отдыхать тоже нужно, не только работать-с. Знать, все в трудах и хлопотах? Или вы нашего провинциального общества чураетесь? Ни за что не поверю. Хотя нет — еще немного, и я взаправду бы засумневался.

— Ну что вы, Федор Иванович, вздор, — неловко отвечал Александр Дмитриевич на приветствия многословного хозяина. — Я действительно благодарен вам за приглашение.

К Вайгелю доктор Бланк приехал не один, а вместе с учителем словесности из гимназии Федором Афанасьевичем Прядильщиковым, который со своей семьей — супругой Пелагеей Логиновной и семерыми детьми — жил в том же Доме преподавателей, но только в западном крыле.

Прядильщиков был младше Александра Дмитриевича крепким мужчиной тридцати лет, приятного вида, с крупными чертами лица и в соответственных этому крупных очках. Он давал уроки грамматики и риторики сыну городничего за очень скромную плату и уже успел осведомиться у нового соседа о расценках на частные уроки в Петербурге. Сегодня Федор Афанасьевич решил под рюмку-другую наливки попросить у Вайгеля повышения платы. И доктора Бланка с собой позвал не совсем с бескорыстной целью — а чтобы тот, если потребуется, смог бы подтвердить его слова. Ну а что двигало настойчивым Вайгелем? Пожалуй, это могло быть простое любопытство к новому человеку в маленьком городе.

— Вот, принимайте, доставил гостя, еле уговорил приехать со мной, — улыбался Прядильщиков, здороваясь с полицеймейстером. — Этот несносный сударь пытался сбежать, конечно. Пришлось хватать его за фалды и вязать руки. Извозчик как услышал крики, так во весь опор и повез нас прямо к городничему. То есть прямо к вам, что нам и требовалось. И вот мы здесь, даже чуть раньше назначенного часу... да-с, шучу, шучу, конечно. На самом деле — чуть позже. Все равно — принимайте.

— Да нет же, я и вправду давно собирался, — смущенно оправдывался доктор. — Вы же знаете, после службы в управе я спешу на службу в гимназию, а еще домашние хлопоты...

— Понимаю, понимаю, — дружелюбно закивал Вайгель. — Тем более рад вас видеть. Стало быть, сердечно рад такому случаю! Позвольте, Александр Дмитриевич, я познакомлю вас со своим гостем.

Прошли в уютную солнечно-желтую гостиную. Александр Дмитриевич огляделся. На полу лежал большой пушистый темно-красный восточный ковер с ромбовидными узорами. На нем стоял круглый стол, накрытый вышитой цветастой скатертью. Украшала его ваза со свежими хохлатками — темно-сиреневыми лесными первоцветами. Под потолком ярко горел канделябр с десятком свечей. Их свет отражался в большом зеркале на камине у стены.

Александр Дмитриевич с любопытством посмотрел на бронзовые статуэтки, которые изображали каких-то причудливых зверей, а потом перевел взгляд на стену справа, где над мягким диваном из ореха и двумя такими же креслами висели акварели. Одна изображала берег реки и одинокое старое дерево на нем. На другой парусник прорывался через шторм, и казалось, что морская пена сейчас перельется через раму прямо на пол гостиной. Третья была портретом сановника в мундире екатерининских времен. Трудился ли художник над фамильным портретом или изобразил какого-то случайного вельможу — было не совсем ясно. В любом случае, надо заметить, работы были весьма недурно выполнены.

С дивана навстречу гостям встал мужчина средних лет, в черном фраке и жилете, с таким же черным галстуком-бабочкой, с редкими светлыми волосами в пробор, довольно строгого вида. Вайгель представил его как Николая Михайловича. «Судья», — шепнул Прядильщиков доктору.

— Рад знакомству, — поздоровался с судьей Александр Дмитриевич.

— Как вам живопись? — заметил Федор Иванович интерес доктора к картинам. — Это наш пермский художник.

— Да что вы? — удивился Бланк.

— Да, да, вы же не думали, что мы здесь чужды искусству? Или нет? «Прекрасны

вы, поля земли родной, еще прекрасней ваши непогоды...» — процитировал городничий Лермонтова, чем опять немало удивил доктора.

Из соседней комнаты, вход в которую был задрапирован тяжелой, песочного цвета портьерой, вышла к гостям супруга городничего и пригласила в столовую.

— Прошу вас, будьте как дома, — попросил Вайгель, — сыпьте соль на хлеб, добавляйте сахару, мажьте маслом, словом — ни в чем не стесняйтесь.

Гости весело расселись на расставленные вокруг стола мягкие стулья с резными ножками.

— Вы можете себе представить, Александр Дмитриевич никогда не пробовал настоящих пельменей! — объявил городничий, обращаясь к судье. — Как же я рад, что имею честь первым угостить!

Нахваливая угощение и наливку, мужчины принялись обсуждать городские новости и прежде всего — недавнее дело об убийстве купца Кадильникова, тело которого Александр Дмитриевич лично анатомировал.

— Господа, ну что за тему вы выбрали за ужином, — морщился непривычный к таким беседам Прядильщиков, но для всех остальных интерес был исключительно служебным.

Разгоряченные наливкой, мужчины принялись выдвигать версии и спорить. Вайгель был убежден, что смерть купца, которого загадочным образом обнаружили грузчики утром на городской пристани возле соляных магазинов, связана с его давними спорами с местными промышленниками. Судья выдвигал версию об ограблении, потому что карманы одежды погибшего оказались пусты, а тот вряд ли стал бы выходить из дома, совершенно ничего с собой не взяв. Хуже всего было, что семья купца уже давно жила за границей, не оформляя развода, а сам Кадильников с тех пор пристрастился к горячительному и вел довольно беспорядочный образ жизни, нажив немало врагов. Так что никто не мог объяснить, как тот оказался на пристани ночью и что он там делал. Доктор Бланк аргументировал, что по обнаруженным им признакам купец был убит еще в начале ночи, никак не вечером и не утром. По Перми тем временем распознали самые нелепые слухи, а губернатор накануне уже вызывал Вайгеля и требовал прояснить дело как можно скорее.

Очень быстро обеденный стол превратился в ломберный, появилась колода карт. Доктору выпало играть в паре с Вайгелем против Прядильщикова и судьи. Поменявшись местами за столом согласно жребию, игроки скинули сюртуки и остались в жилетах. Поставили по десять копеек, чтобы проигрыш ни для кого не оказался слишком обременительным. Вытащив из колоды джокеры, Федор Иванович сдал карты.

— Козырь трефы, — объявил он. — Начинаем роббер.

— Пики ведущие, — выложил свою карту на стол судья, севший слева от городничего. — И все-таки я бы посоветовал искать среди беглых крестьян, — продолжил он разговор об убитом купце. — Их в городе становится много, и ни для кого не тайна, что Кадильников нанимал их и обманывал самым бессовестным образом.

— Да, беглые крестьяне, разбойничья порода, — вздохнул городничий.

— Много беглых крестьян? — удивился Александр Дмитриевич. — Что ж они бегут?

— Уж не от хорошей жизни, — стукнул по столу козырем Прядильщиков.

— В позапрошлом году после недорода совсем беда была, — ответил Вайгель на вопрос доктора. — «Бардадым» берет взятку! — показал он на своего трефового короля и забрал карты.

— Так и сажали бы картофель, — скинул пиковую десятку судья. — Чего бунтуют? В тех уездах, где в прошлом году посадили картофель, никакого недорода не было и никаких бунтов.

— Как же-с бунтов не было? — снова забрал взятку Вайгель. — А в Осинском уезде?

— Впрочем, верно, верно...

— А что было в Осинском уезде? — поинтересовался доктор, который сам был недавно с ревизией в амбулатории в Осе, но ничего об этом происшествии не слышал.

— Расскажите для Александра Дмитриевича, — повернулся судья к Федору Ивановичу.

— Охотно. А было вот как. Привезли крестьянам в том году, стало быть, по весне картофель на посадку. Заметьте, без платы, государственный... Сейчас вы раздающий?.. Ну так вот, те поворчали, но посадили. А потом, не дожидаясь, пока придет время, выкопали зеленым и принялись варить, ну и полегли.

— Вы думаете, крестьянам об этом сказали? — досадно пробурчал Прядильщиков. — Уверен, что те, кто им картофель раздавал, сами представления не имели, как его употреблять. Культура-то новая. Почему никто не подумал предупредить?

— Наверное, полагали, что мужики сами поймут, — предположил судья. — Они же крестьяне, должны были разбираться.

— Ну конечно. Федор Афанасьевич может нам подтвердить, как крестьяне разбираются... Как бы мне вас угробить? Вот вам! — кинул городничий на стол даму. — Ну так вот, Александр Дмитриевич, рассказываю для вас, — продолжил он. — Пошли по осени бунты. А началось дело со слухов, что писари подкуплены не то немцами, не то кем-то еще и спрятали настоящую царскую грамоту, а заставляют сажать отраву, чтобы русский народ уморить. Представляете, какие глупости?.. И кончилась эта оказия только тем, что пришлось отправлять войска на усмирение. А крестьяне уж и расходиться не желают. Знать, ничего больше не оставалось, как бить картечью по толпе, а потом имать зачинщиков. Кого в остроги отправили, кого в солдаты. Остальных розгами отлупцевали — кого и до смерти, а кого для остратки. И в этом году опять картофель садить предписано. Пока мужики молча сажают, но что будет по осени?.. Бог весть.

— Вы опять крестьян во всех беспорядках виноватыми делаете? — вдруг рассердился Прядильщиков. — Вам удобно, только когда они молчат. Ловко вы голод «недородом» называете.

— Так это для них же лучше, — с искренним непониманием возразил Вайгель. — Мужики в нынешний просвещенный век все такие же дремучие, как сто лет назад. Еще и разбойничают, как только окажутся без присмотра. В нашем уральском климате картофель — самый лучший овощ, от любого недорода... голода, тьфу, как хотите. Самая высокая плодородность среди всех культур, вот что я хотел сказать. Панацея! Так, Александр Дмитриевич? — городничий повернулся к врачу. — Панацея? Правильно я говорю?

— Я вам про крестьян, а вы мне про овощи! — Прядильщиков бросил карты на стол и вскочил. — Ежели крестьяне дремучие, так просветите их! Ваш просвещенный век уже на пятый десяток переваливает, а мужиков все еще без земли продают. Сколько об этом говорено!

— С этого года запретили, — строго заметил судья.

— Так проследите, чтобы исполнялось, — парировал Прядильщиков.

Судья нахмурился, но промолчал.

— А я еще помню, — продолжал учитель, которого уже было не остановить, — как продавали крестьян без семей. Мужиков, баб, девок. А что вы конфузитесь? Как рабов в Древнем Риме. Нет — как поросят на рынке. Вот так просвещенный век! А у вас один метод на все случаи — картечью.

— Вы так говорите, как будто это я сам стрелял, — не выдержал и тоже вскочил со своего места городничий.

— А мне показалось, что вы одобряете, — распалился Прядильщиков.

— И вовсе нет! С чего это вы взяли, сударь?

— Да с мундира с вашего-с!

— Я за свою службу столько смертоубийств насмотрелся, что вовсе никогда этого не одобряю! Не одобряю!

— Это у вас память, видимо, коротка.

— О, как можно! Да разве ж я такое сказал? Разве я сказал такое? Я же про бунты только рассказываю. Как было, так и, стало быть, рассказываю... или нет? — растерялся городничий.

— Нет, не про то вы сейчас говорили! — настаивал учитель.

— Милостивые судари! — судья поднялся со своего места и подошел к спорящим.

— Вы еще кулаками друг дружку тузить начните. Ну, право!

— Я понимаю, что вы заступаетесь за крестьян, коль скоро сами из крепостных и все это прекрасно видели и знаете, — махнул рукой полицеймейстер.

— Да уж, видел и знаю! — распалившись, не останавливался Прядильщиков. — Правильно сказали. И не пытайтесь меня позлить. Видел и знаю. Как бурмистры с крестьян взятки берут и нарушают очередь на сдачу в солдаты. Как...

— А это-то здесь при чем? Скажите на милость! При чем это здесь?

— А при том, что у народа память длинная, в отличие от вас. И как бы это потом не аукнулось!

— От кого это — «от нас»? — побелел городничий.

— Надеюсь, вы не станете революционных речей сейчас произносить? — поспешил предостеречь судья. — Федор Афанасьевич, мы разве вас оскорбили чем-то?

— Вот именно! — воскликнул Вайгель. — Я принимаю вас в своем доме, угощаю. Разве я вас чем-то умаляю? Чем-то оскорбил вас? Или нет? Стало быть, что за коленкор? Я вам толкую, чтобы вы и с другой стороны посмотрели. А вы все перевернули... Прядильщиков осекся.

— Милостиво прошу меня простить, Федор Иванович, если я чем-то вас обидел, —

выговорил он, наконец, почувствовав себя смущенным.

- Ну, вот и славно, — обрадовался судья и вернулся за стол.
- Я прошу меня извинить.
- И вы меня простите.
- Не держите на меня зла, если я что не так сказал.
- И я вас о том же прошу.

Вайгель и Прядильщиков обнялись, похлопали друг друга по спинам и сели обратно за карты, но игра уже как-то не шла. Разговор о повышении платы, само собой, не состоялся.

Уже к полуночи, заметно пошатываясь, гости вышли из дома Вайгеля. Распрощавшись с судьей, учитель и врач сели в пролетку.

— А я и не знал, что вы из крепостных, — обратился доктор к Прядильщикову. — Вы об этом и не рассказывали.

— Мой отец был заводским приказчиком, занимался модерацией фактории, — объяснил учитель. — За его заслуги владелица нашего имения Софья Строганова дала вольную мне и моим братьям и оплатила нам обучение в гимназии и в Казанском университете. Такая история... Я пишу в свободное время очерки о заводчиках. Хотите, покажу?

— Конечно, непременно... покажите, — зевнул Бланк. Он вдруг почувствовал себя смертельно уставшим, как если бы всю ночь оперировал тяжелораненых.

На Прядильщикова наливки тоже подействовали, и он задремал, навалившись Бланку на плечо, несмотря на то, что пролетка подсакивала на ухабах, словно Господь собирался сегодня вытряхнуть душу из своих рабов. Зеленоватые отблески уличных масляных фонарей прыгали по лицу.

— И заметьте, — вдруг сонно пробормотал Прядильщиков, приподняв голову и подружески прижавшись к доктору близко-близко, почти щекой к щеке, — это не я произнес сегодня слово «революция». Вот так вот. Оно у всех на устах, но все его боятся. Все молчат. И делают вид, что над нашим Отечеством нет никакого дыма.

* * *

Со вчерашнего дня у восьмилетней Любушки поднялся жар. Няня боялась, что могут заболеть и остальные дети, тем более что она заметила, как Катя, средняя дочь Александра Дмитриевича, тоже к вечеру закашляла. Кухарка похлопотала, чтобы раздобыть мед, и девочек стали отпаивать им с молоком. Поглядев на происходящее, Александр Дмитриевич командовал всем, кроме Любы, отправляться на водные процедуры.

В легких белых рубашках Дмитрий и девочки высыпали в сад, куда дворник принес несколько ведер холодной воды. Только шестилетняя Маша закапризничала и отказывалась идти на обливания. Она убежала от отца, залезла на свою кровать и укрылась с головой одеялом, жалуясь, что тоже больна. Рассердившись, Александр Дмитриевич пошел за ней, откинул одеяло, стащил дочь на пол, а потом за руку вывел на улицу. Пришлось немало накричать.

Младшая, четырехлетняя Софья, испугалась и заплакала.

— Хотите быть здоровыми, слушайте, что я вам говорю. Вставайте в ряд, неженки! Кто будет обливаться, тому лимонад!

— Лимонад?!

— Готовы? — и врач поочередно окатил детей ледяной водой. Девочки завизжали. — Все, бегом в дом! — командовал отец. — Бегом, бегом! Скорее! Опоздаете на лимонад, на всех не хватит.

Няня приготовила простыни, и хотя она не вполне одобряла такое закаливание, но своего мнения никогда не высказывала. Александр Дмитриевич смочил простыни в холодной воде, обмотал ими детей и уложил в кровати под теплые одеяла.

— Не хочу опять спать в сыром, — попыталась протестовать Маша, но Александр Дмитриевич даже и не думал ее слушать.

— Не говори глупостей, это для твоего здоровья. Всё, спать! — командовал он. — Нет ничего полезнее водолечения, запомните!

— А как же лимонад? — не поняла Маша.

Александр Дмитриевич вышел из комнаты и вернулся с кружкой, которую протянул дочери.

— Это что, правда лимонад?! — удивились девочки.

— Папа, это же простая вода! — скривилась Маша, отпив из кружки.

— А ты что думала? — расхохотался врач. — Что я тебе лимонаду принесу? Все, я сказал — спать!

— Папенька, а сказка будет? — попросила Софья.

— Няня расскажет. Мне еще нужно работать.

— А что ты будешь делать? — спросил Дмитрий.
— Работать.
— Ну а что ты делаешь?
— Работаю! — раздражился отец, уставший сегодня на службе.
— Папенька, а ты посидишь с нами? — никак не хотела отпускать отца Софья.
— Спать! — Александр Дмитриевич плотно захлопнул дверь своей комнаты, зажег на столе свечи и опустил на стул.

Он совсем забросил медицинский труд, который надеялся уже дописать, но с новым назначением и домашними хлопотами, а их оказалось неожиданно много, такое важное дело опять откладывалось. Александр Дмитриевич придвинулся к столу, торопливыми движениями открыл чернильницу и взял за перо в намерении написать хотя бы пару страниц. Соображения вертелись в голове, нужно было только стройно изложить их на бумагу. Однако вместо этого врач просидел не меньше получаса, перечитывая и исправляя старое, но так и не добавил ни строчки нового. А потом и вовсе отложил работу и взял чистый лист.

«Здравствуй, милая Катенька, — перо забегало по бумаге быстро-быстро. — Вот уже почти месяц, как мы в Перми. Получила ли ты мое первое письмо? Я ведь жду от тебя ответа. Не может быть, чтобы ты все еще на меня сердилась.

Я ничего не написал тебе о том, как мы устроились. Ты уж прости меня, голубушка, за мою несносность. Первое письмо вышло как будто совсем коротким — уж очень много было забот, я спешил. Но я хочу тебя заверить, что вполне справляюсь.

Поселили нас здесь в крошечной квартирке в трех комнатах, но недурной. Две комнаты я отвел детям, третью оставил себе. Тесновато, конечно. Сибаритствовать не приходится, и я даже не знаю, право, сколько я здесь вынесу. Что слышно о продаже дома? Я понимаю, что запросил дорого. Но дешевле я наш дом продавать не хочу. А сказать по правде — совсем не хочу. Попробую на будущий год приехать в отпуск в Петербург и похлопотать о переводе на другое место. Может быть, к тому времени моя служба мне поможет. Поэтому я стараюсь служить безукоризненно.

Анна Карловна обо мне что-нибудь спрашивала?

Разложил книги, наконец. Теперь буду продолжать рукопись. Времени ужасно не хватает. Еще узнал, что в городе есть две библиотеки — в гимназии и публичная. Очень хочу сходить. Боюсь, правда, что не найду там всего нужного. Если нет — попрошу тебя кое-что привезти из Петербурга. Ты ведь приедешь?

Милая моя! Ты приедешь? Ведь я буду ждать тебя. Не поверю, что не приедешь. Я употреблю все усилия, чтобы ты стала спокойна рядом со мной. И дети по тебе скучают и спрашивают о тебе. Что мне им сказать?

Приезжай.

А знаешь, я сошелся со врачом местной больницы. Зовут его Дорофей Федорович. Он уже почти старик, но вполне бодр, а главное — рассказывает много интересного о своей практике. И на больных никогда не смотрит свысока. Мне это немало импонирует. Сегодня много с ним разговаривали, что в губернии может начаться эпидемия холеры. Дорофей Федорович говорит, что лучше бы опасаться чахотки, но я с ним не согласен. Одна эпидемия холеры уже была здесь несколько лет назад. Мы долго спорили сегодня о том, что же это такое. Он говорит — грибок, а я думаю — миазмы и дефицит озона. Печально понимать, что, как будто тысячу лет назад, мы все еще очень мало знаем о человеке и природе его болезней. Как горестно мне это понимать...

Так вот, я собираюсь продолжить свою работу о водолечении, но только времени ни на что не хватает. Снова отправляюсь на четыре дня по уездам на ревизию — и не знаю, как оставить детей. Какая у нас замечательная няня, спасибо тебе за твою помощь еще раз. Я очень на нее полагаюсь. Но лучше было бы, если бы здесь была — ты.

И да, Любушка как будто приболела, но ты только не волнуйся. Думаю, что она быстро поправится. Она очень здоровая девочка, ты не беспокойся.

Катенька, напиши мне ответ, а лучше — привези мне его сама. Ведь ты приедешь ко мне?

Кротко жду. Помнишь — mit Spannung aun Spannung. Помнишь?

Не смею целовать твою руку, но все же целую.

А.Д.Б.»

— Где же ты простыла, милая? — склонилась няня над кроватью Любушки. — Неужели пока в саду гуляли?

— Няня! — позвала Катюша. — А нам девочки из нашего дома больше не разрешают в саду играть.

— Как не разрешают? — не поняла няня.

— Да-да, — подтвердила Анна, старшая из дочерей. — Я слышала, как одна девочка вчера подошла к Любушке и, знаешь, как ее настрашала?

- Как же?
- Она сказала, что мы все барыньки столичные и чтобы уезжали отсюда.
- И что скоро никаких барышек не станет, — добавила Катюша, — и нас тоже не станет. Вот так и сказала, я тоже слышала.
- Святая Дева, что это за девчонка такая дрянная! — возмутилась няня. — Это из нашего дома?
- Да, с той стороны.
- Вы кому-то сказали об этом?
- Только Ивану Дмитриевичу, — призналась Анна.
- Кто это? — не поняла няня.
- Это учитель из гимназии, который тоже в нашем доме живет.
- Все равно не пойму, кто это?
- Который еще в первое утро приходил папеньку спрашивать.
- И где вы с ним разговаривали? — продолжала удивляться няня.
- В саду.
- Да, он иногда приходит... играть с нами, — объяснила Катюша.
- Надо же, какой веселый сударь... хм.
- Няня! — приподнялась с кровати Софья, младшая из девочек. — А бывает, что люди возвращаются с небес?
- Как это может быть?
- Христос же вернулся?
- Прекрати болтать глупости! — попросила Анна.
- Христос не был простым человеком... — попробовала объяснить няня.
- А наша мама была простым человеком? — всхлипнула Софья.
- Пока папенька ее не уморил, — заметила Маша.
- Как тебе, Машка, не совестно! — вскочила с кровати Анна и бросила в сестру подушкой. — Это неправда!
- А это не я сказала! — Маша кинула подушку обратно, по комнате полетели перья.
- Кто же такое мог сказать? — спросила няня.
- Это бабушка Анна Карловна говорит!
- Конечно, это неправда, — попыталась успокоить девочек няня. — Такое говорить нельзя! А мама сейчас смотрит на вас и все слышит.
- Она слышит нас сейчас? — удивилась маленькая Софья.
- Конечно!.. Так какую вам рассказать сказку?
- Новую! Новую! Про попа и Балду!
- Я эту сказку не знаю. Давайте я расскажу вам свою, старую...

* * *

С началом лета городская набережная ожила. Безжизненная и пустая в другое время, теперь пристань была похожа на огромный муравейник. Десятки судов грузились китайским чаем и сибирскими товарами, привезенными до Перми сухим путем, и отправлялись на Нижегородскую ярмарку. Толпы рабочих носили тюки и катили бочки. Женщины из окружных селений носили кулями соль. Пегие лошади тащили обозы к пристани и гостиному ряду. Речные караваны следовали один за другим. С трудом лавируя между ними, тяжело нагруженные утварью лодки переправляли горожан на «заимки» — дачи на противоположном берегу Камы.

Вдоль набережной возвышались каменные дома местных промышленников. Каждое из зданий было построено на свой лад, тогда как простым горожанам, вздумавшим строиться, дозволялось выбрать фасад только из специального альбома. Он бережно хранился в городской канцелярии, и чтобы получить высочайшее разрешение отступить от образца, нужно было быть если не князем — то хотя бы графом. Правда, большую часть года украшавшие набережную дома пустовали, постепенно ветшая, пока их хозяева жили в столице или за границей. Лишь летом некоторые из владельцев ненадолго навещали свои имения.

Был выходной день, но работа на берегу не останавливалась ни на минуту. С пристани доносились гудки пароходов и окрики рабочих. Александр Дмитриевич вместе с Федором Афанасьевичем сидели в ротонде над рекою. Правый берег Камы был низким. Бесконечный лес живописно уходил далеко за горизонт. Александр Дмитриевич, прислонив руку к лицу, смотрел сейчас куда-то вдаль. Он вспоминал детство в Малороссии, родной городок на берегу трех рек. Вспоминал мельницы и старую крепость. Дом, из которого его семье после страшного пожара когда-то пришлось бежать.

Пелагея Логиновна, супруга Федора Афанасьевича, занималась детьми — и тремя своими дочерьми, и пятерыми доктора Бланка. Дочери Прядильщиковых вышли на

прогулку в пышных платьях «колокольчиком» — со сборками на боках, с рельефным жаккардовым цветным рисунком. В длинных — таких, что из-под подола были видны лишь кончики туфель; с узкими рукавами и белыми манжетами на запястьях. Дочери доктора Бланка, наоборот, одеты были в простые легкие ситцевые платья без рукавов.

Дети затеяли игры на мягкой траве на склоне возле ротонды, но сын Александра Дмитриевича, как взрослый, сидел рядом с отцом и слушал его беседу с Прядильщиковым. А тот рассказывал об обращении раскольников в православие. Учитель гимназии писал на эту тему свой новый очерк и торопился поделиться с Александром Дмитриевичем соображениями и интересными находками.

— Есть у нас вверх по Каме село Ильинское, — увлеченно повествовал учитель, — и в нем вместе с православными поселились кержаки. В году восемьдесят восьмом прошлого столетия вятский епископ Лаврентий, вельможа очень известный в свое время, надумал это село посетить. Да... К его приезду дубинками и пинками усердные десятские собрали отступников вместе с крещеными к храму и заперли там на проповедь. И вот всю литургию несчастные простояли зажмурившись и закрыв уши руками, но православными так и не стали почему-то... А самые бедовые расковыряли себе носы до крови, чтобы полицейские их поскорее из храма вытурили... Били потом раскольников, мутузили, лупили, но так ни одна заблудшая душа почему-то не обратилась на путь истинный, ничего не помогло владыке...

Доктор слушал невнимательно и почти не задавал вопросов. Перед его глазами опять вставала речушка, мельница на ней... Заставив себя, наконец, отвлечься, он перевел взгляд на небольшой песчаный остров, который протянулся напротив медеплавильного завода, коптившего за городом выше по течению Камы. Это место было излюбленным для рыбаков.

— Пожалуй, наш городничий сейчас тоже там удит, — улыбнулся Александр Дмитриевич, кивнув Прядильщикову в сторону острова.

— А то как же. И не сомневайтесь. Все знают, что ежели что стряется, то его именно на противоположном берегу и следует искать в такой день.

— Презабавный человек. Я рад, что вы с ним помирились.

— Слава Богу... Благодаря ему и новому городскому голове у нас теперь должен наставить порядок. Ну и благодаря губернатору.

— А был беспорядок? — полюбопытствовал доктор.

— Как бы вам сказать? Дела, конечно, у нас и сейчас тоже неважные. Скажем так: был у нас в казне рубль, да куда-то закатился; кто его найдет — тому тотчас обещали дать два, да где их взять — пока никто не знает. Вот такие у нас дела. А вы еще не слышали про Ломтева?

— Нет, расскажите, — Бланк пообещал себе внимательно слушать и гнать из головы всякую чепуху.

— Ага, история была интересная, — с необычайной горячностью, радуясь заинтересованному слушателю, принялся за новый рассказ Прядильщиков. — Был у нас городской голова по фамилии Ломтев. Сам из кушцов третьей гильдии, но по правде — из приписных крестьян. Хотя это здесь ни при чем, — спохватился Федор Афанасьевич.

— Так вот. И есть у нас городское кладбище, но не было на нем каменной церкви, только деревянная и очень старая. Ломтев и предложил приискать пожертвования на ее строительство. Дело нужное, всем миром стали собирать и десять тысяч собрали.

— Немало, — заметил доктор.

— Да, проходит год, два, три проходит. Ждут чуда православные, а никакого строительства как не было, так и нет. Стали тогда у Ломтева спрашивать, где же деньги. «А как же, — говорит он, — будки для городских кто же подладил? Вот на эти самые деньги». Но помилуйте, какие будки, когда собрано было на церковь. Да и будки, как выяснилось, строились и чинились на городские деньги. «Ну а как же, — говорит тогда Ломтев, — а тротуары деревянные новые? Кто построил?» Но помилуйте, к чему тут тротуары? Да и тротуары, как скоро оказалось, тоже на городские деньги латаны.

— И чем же дело кончилось?

— Как чем? Лишили прав состояния — и в Сибирь. Туда же, куда предыдущего губернатора.

— А с ним-то что приключилось?

— Пожалуйте, и это расскажу. Был у нас до Ильи Ивановича губернатор по фамилии Селастенник. Строили при нем Александровскую больницу. Ту самую, которую вы ревизуете. Начали-то ее еще строить при губернаторе Тюфяеве, после посещения Перми Императором Александром...

— Посещения Перми? — удивился Бланк.

— Да, в двадцать четвертом году, за год до своей кончины, Его Величество посетили наш город и осмотрели, среди прочего, старое здание больницы. А помещалась она тог-

да в доме Приказа у Черного рынка. И вот Его Величество на нашу больницу-то старую посмотрели и только одно и сказали: «Экие руины!» Ха! И этого слова, сошедшего с самых высоких уст, как у нас и водится, было вполне достаточно, чтобы тут же началось строительство. А поскольку денег на это не было вовсе, а слово — сами понимаете — не поймаете, то стали собирать пожертвований... Видели вы львов на входе? А заметили, что это копилки для пожертвований? Ну так вот... Тюфяева потом очень быстро перевели в Тверь... ох и франт же он был! И уже при Селастеннике, которого прислали к нам из Нижнего Новгорода, больницу достроили и торжественно открыли, очень чинно и благородно. Вы уже запутались, я смотрю?

— Продолжайте, продолжайте.

— Да. И никто во всей губернии не ведал, сколько денег было собрано и сколько потрачено. Так бы все и забылось, если бы не крестьянские бунты под Кунгуром. Ох и чрезвычайная была суматоха, до самого Петербурга! Бунты разогнали, зачинщиков казнили, — Прядильщиков понял, что опять сбился, и поспешил вернуться к тому, с чего начал. — Так вот, проверять Селастенника приехала комиссия, которая и выяснила, что пожертвований на строительство больницы было собрано чуть ли не вдвое больше, чем потрачено. И в какое дело употребили остальные деньги — так и не выяснилось. И уехал Селастенник в Сибирь.

— Вот так порядки у вас, — расхохотался доктор. — Всех в Сибирь! Хорошо, что отсюда недалеко!.. Ну а что же Илья Иванович? — спросил он про нынешнего губернатора. — Он не похож, думаю, на казнокрада?

— Вот ничего дурного не скажу. Я полагаю, он человек честный, очень прямолинейный. Глуповат — ну так время такое, военщина. Главное, сами видите, приказы исполнять и не думать лишнего. А что касается Сибири — так здесь много ссыльных. Даже Герцен успел побывать в нашем городе, а до него — Радищев.

— Как это?! — изумился доктор.

— Ха-ха, — рассмеялся Прядильщиков. — Вы изумлены? Тогда позвольте удивить вас вдвойне и сказать, что и тот, и другой жили ровно в той же квартире, в которой живете и вы сейчас. И, кстати сказать, Его Величество останавливались на ночь в этом же доме. Непростой дом, в котором вы сейчас живете, с историей!

— Не может быть! Вы шутите, должно быть?

— А вот и нет. Мне показалось, вы интересуетесь Герценом?

— Читал, — поосторожничал Александр Дмитриевич.

— Тогда могу вас познакомить с человеком, который лично был с ним знаком. Вместе с ним был послан сюда к нам в Пермь. Только Герцена потом переслали в Вятку, а этот человек, о котором я говорю, так у нас и остался. Вы слышали, что к нашей губернской газете Огарев планирует делать прибавление? Чтобы после казенных указов печатать что-нибудь для чтения. Так вот, человек, о котором я вам говорю, станет в будущем заведовать типографией. Я уже разговаривал с ним о печати своих очерков. Он обещал переговорить с Огаревым. Думаю, мои очерки там могут выйти уже в этом году.

— Так этот человек... он ссыльный? — уточнил доктор Бланк.

— Да, но губернатор хлопочет о нем. И даже стал крестным у его сына.

— Кто?

— Губернатор.

— Помилуйте, Федор Афанасьевич. Наш губернатор? Который зовет лупцевать крестьян — крестный у ссыльного?!

— Тише, тише! Крестный его сына, — поправил Прядильщиков. — Да, в нашем городе многое смешалось. В удивительные времена мы живем и в удивительном месте... Говорить принято одно, делать другое, а думать при этом третье. Да-с... Хотите, познакомлю?

Федор Афанасьевич довольно откинулся на скамейке, подставляя свое лицо теплому солнцу.

«Здравствуйте, Александр Дмитриевич, — письмо было на немецком. — Вы правильно поняли, что слова Ваши я величайшей дерзостью и бесстыдством сочту. Мнение мое не переменилось. Теперь Вы про матушку спрашиваете? Да будет Вам известно, что она до сих пор после смерти Анны оправиться не может. Вы понимаете, что произошло что-то ужасное? Вы этого не чувствуете? В Петербурге Вам не место теперь. Послушайте меня, Александр Дмитриевич. Представьте, что мы с Вами оба опять на берегу Невы стоим, как в тот вечер, про который мы с такой печалью помним. И представьте, что эти слова я Вам говорю, глядя прямо в глаза, боязливо и нерешительно, как и в тот раз. Я приеду к детям, Александр Дмитриевич, но ни в коем случае не

подумайте, что к Вам...»

* * *

На закате ребяшня возвращалась из хедера.

В стоявшей на окраине Житомира крестьянской хатке с соломенной крышей, которая и была школой для всей окрестной бедноты, окна были заклеены бумагой. С утра, пока еще было прохладно, мальчишки, помолвившись, расселись по лавкам вдоль длинного стола и принялись за Пятикнижие. Но учение продвигалось худо: то сбегут куры и всей гурьбой мальчуганы бросятся ловить глупую птицу, то заплачет ребенок и жена меламеда реб Юделя выгонит всех из хаты на целый час.

Поняв к обеду, что это не иначе как знак свыше, учитель захлопнул книгу и объявил, что сегодня Господу угодно замесить глину и обмазать пол в его хате. Радуюсь неожиданному окончанию учения, которое только и состояло, что из зубрежки, мальчуганы заложили пейсы за уши, скинули капоты и, оставшись в одних талескотнах, дружно принялись за работу. Так и прошел оставшийся день.

К вечеру, оглядев результаты, довольный реб Юдель напомнил мальчишкам, что в бедности именно потому нет позора, что Господь бережет свою паству от дорогостоящих грехов, и с этими словами отпустил восвояси.

А дорога домой шла мимо сада реб Моше Ицковича.

— Наберем черешни? — предложил Шимеле, младший из ребят.

— Да ну, — схватил его за руку десятилетний Лифшиц, — ты разве не знаешь, что здесь все травленое?

— Это еще почему? — удивился мальчик.

— А разве не слышал?

— А что же?

— А то, что к старику по ночам в погреб черти ходят. И он их вином поит, чтобы они его не забрали. А если не напоит — так сразу и заберут.

— А зачем он им? — не понял Шимеле.

— Затем, что жена его покойница сама ведьмой была, — объяснил Лифшиц.

— А ты откуда знаешь?

— Это все знают.

— А ты ее видел?

— Видел один раз, как раз перед смертью.

— И какая она была?

— Сразу было видно, что ведьма. Такая старуха, волосы длинные-длинные и белые, как твое лицо сейчас. Колдовала по ночам. Кто с ней днем повздорит, у того наутро или весь урожай погибнет, или умрет кто-нибудь. Все ее боялись. А прожила она двести лет, — Шимеле раскрыл рот от удивления. — А потом пришли черти и сказали, что с нее достаточно, и утащили за ноги с собой в ад... А этому хрычу, знаешь, сколько лет? — продолжал Лифшиц.

— Сколько?

— Двести пятьдесят! А знаешь, почему он хромает?

— И почему же?

— А ты хоть раз его босиком видел?

— Нет, и что?

— А вот и то, дурак ты, Шимеле, что у него копыта вместо пальцев, потому он и хромает. Понял теперь? Вот, знай!

— Так ведь он нас тогда не догонит, если у него копыта?

— Он, может, и не догонят, а вот если черти погонятся за тобой, то не унесешь своих ног.

Несмотря на предупреждения Лифшица, спелая, почти черного цвета черешня все равно манила к себе, и, наконец, соблазн поборол голос разума.

Побросав книги, разбойники перескочили через худой забор, перебежали взапуски через поляну с цикорием, прокрались в сад и принялись за воровство. Впрочем — почему же это было воровство? Во-первых, если старик и в самом деле водится с чертями, то это им и не зачтется за грех. А во-вторых, в саване нет карманов — так куда же старик будет девать свой урожай, тогда как ему все равно скоро помирать?

Увлеченные нехитрым занятием, ребята и не заметили подошедшего к ним хозяина.

— Вот негодники! — без злобы возмутился старик. — У вас же на землю больше падает, чем вы собираете.

— Бежим, бежим! — мальчишки бросились наутек.

Вскочив на изгородь, Лифшиц плюнул в сторону старика.

— Когда тебя черти заберут, вот тогда мы к тебе снова придем, — пообещал он.

— Да стойте, куда же вы? — Реб Моше Ицкович расхохотался.

Другой на его месте давно бы уже с тысячами проклятий принялся ловить прохиндеев, чтобы хорошенько их отлупить, а наутро непременно отправился бы с жалобой к меламеду, и не миновать бы тогда розог. Но чудак реб Моше Ицкович вместо этого набрал полную пригоршню ягод и подошел к Шимеле, который с перепугу свалился на землю и растерянно теперь озирался по сторонам.

— Подставляй шляпу, — и старик насыпал сорванцу гору спелой черешни. — Что надо сказать?

— Спасибо.

— Слава Господу, хороший урожай. Бери еще, сколько хочешь.

— А вы разве в Господа верите? — Шимеле немало удивился словам старика после всего, что Лифшиц ему только что рассказал.

— А как же! — удивился старик. — Ты что думал?

— А у вас и дети тоже есть?

— Хо-хо! — снова рассмеялся Моше Ицкович. — Есть, конечно. А как же!

— А где они?

— Ну а что им здесь делать?.. Вот и уехали.

— А почему вы бороду сбрили? — не унимался шельма.

— Вот тебе все интересно. Уж больно много вопросов задаешь... Я так тебе скажу, проказник. К старости начинаешь видеть хоть и хуже, но зато больше. Понятно? Нет? Ну, потом поймешь.

Шимеле набрал еще несколько горстей ягод, поблагодарил старика и торопливо перебрался обратно через забор.

— Пошли скорей! — скомандовал Лифшиц. — Что тебе наговорил этот хрыч?

— Да так...

Уплетая спелую сочную черешню, ученики отправились дальше.

— Только никому не говорить, что мы здесь были! — предупредил Лифшиц. — Слышишь, Шимеле? Тебя особенно это касается!

— Почему это меня? — не понял тот.

— Почему-почему. Потому!

— А почему потому? Что ты, не можешь толком объяснить?

— Да потому, что ты дурак! — и Лифшиц дал Шимеле подзатыльник.

— Эй, за что? — обиделся тот.

— Все тебе надо объяснять! Тебе в лицо плюнешь, а ты и не поймешь. Подумаешь, что дождь пошел... Старик — поганый. Понятно? Ясно теперь? Он выкрест. Если твой отец узнает, что ты у него ягоды брал, то тебя так высекут, что неделю потом будешь стоя псалмы читать.

— И что с того? Сам-то за девками в бане подглядываешь. Думаешь, никто не знает?

Лифшиц не ответил, а вместо этого дал Шимеле вторую затрепину, да такую, что тот повалился на землю, а черешня рассыпалась во все стороны.

Глава 3

В великий праздник — день Святого Иоанна и Аугсбургского вероисповедания — шествуя с зажженными факелами в руках, несмотря на моросивший мелкий дождь, лютеране Васильевского острова стекались к приходу Святого Михаила, теснившемуся во флигеле бывшего Меншиковского дворца. На алтаре горели четыре свечи. Пел хор общины. Пастор читал Писания — Псалмы, Ветхий и Новый Завет.

Когда-то для Готтлибов этот день был особым. Большая семья собиралась вместе, чтобы после службы устроить праздничный ужин в родительском доме — просторном двухэтажном особняке на набережной Большой Невы напротив Нового Адмиралтейства. И тогда свечи горели до самого утра и текли разговоры. Но после смерти старого Иоганна что-то разорвалось. Исчезла какая-то нить. Опустились руки у Атланта, державшего семейный небосвод — и несчастья посыпались на Готтлибов, умножаясь с каждым годом.

Ярко освещенный дом, в котором раньше было весело и шумно, теперь был почти пуст. Здесь не смеялись, теперь здесь было тихо. В большой гостиной, с фамильными портретами на стенах, был жарко натоплен камин и горели несколько десятков свечей в жирандолях вдоль длинного и широкого обеденного стола из красного дерева, накрытого белоснежной накрахмаленной скатертью. Зеркала отражали пламя свечей, и оно ярко заливало всю просторную комнату. Но свет казался чрезмерным для такого пустого дома, а потому напоминал о чем-то ушедшем, расплескавшемся из когда-то наполненной до краев чаши, с которой обращались без должной бережности. Никто

больше не собирался по вечерам у камина, не бегали дети, не праздновались дни рождения.

Анна Карловна, несмотря на почтенный возраст, ровно в половине девятого вышла из своей комнаты к ужину в вечернем палевом платье с корсетом, нарумянившись и взбив волосы. В такой праздничный день предстать в ином виде, даже перед своими домашними, для нее было немислимым. Высокое кресло во главе стола пустовало, но приборы все равно ставили — так было заведено. Как будто по-девичьи, робко, Анна Карловна, как и обычно, села по правую руку от того места, которое всегда и неизменно занимал глава семьи, и положила на стол руку. Ее супруг всегда брал ее руку в свою и целовал.

Младшая сестра хозяйки дома — Каролина Карловна — высокая, нескладная, с грубыми, как будто мужицкими чертами лица, всю жизнь пробывшая гувернанткой в купеческих домах, схоронила своего мужа вслед за Анной Карловной в прошлом году. Теперь она жила вместе со своей старшей сестрой в ее доме. За праздничный стол та села напротив Анны Карловны.

Третьим жильцом был сын хозяйки дома — Карл. Семьи у него никогда не было, да и к семейной жизни по некоторым причинам он нисколько не стремился. Он был стройным, подтянутым, всегда жизнерадостным, служил в Департаменте внешней торговли на значимой должности и, несмотря на испещренное оспинами лицо, пользовался большим вниманием у женщин — однако безответно для них.

Единственным гостем в этот вечер была младшая дочь Анны Карловны — Катерина.

Принесли красное вино и разлили по бокалам. Помолвившись, семья принялась за ужин, пытаясь начать беседу — но общей темы не находилось. Карл пытался что-то рассказать о петербургской жизни, потом заспорили о Лермонтове. Разговор шел на немецком. Впрочем, все понимали, что Анна Карловна хотела услышать сегодня только одно — едет ее дочь за Бланком в Пермь или нет. Но та молчала. Деликатная хозяйка ждала, когда Катерина заговорит первой, но, наконец, не выдержала сама.

— Почему же Печорин несчастен? — обратилась она к Карлу, продолжая разговор о Лермонтове. — Такой смелый, решительный офицер. Мог бы карьере сделать, свое призвание найти, любовь... Чем же он так истомлен, что все вокруг себя губит?

— Невольно, невольно... Свежего воздуха для него нет, — ответил сын. — Воздуха, матушка. Слишком густой воздух вокруг для него.

— А я думаю, что он лицемер и эгоист. Самовлюбленный циник и злодей, — не согласилась Анна Карловна.

— Ложь в наше время уже бесчестьем не считается, матушка. Не надо сейчас иметь своего мнения, это теперь опасно. Выгоднее не иметь.

— Ложь в любое время постыдна, Карл, — нравоучительно возразила мать. — А не иметь своего мнения — это к совершаемому злу быть причастным. Так было и будет во все времена. Разве можно вздумать свои мерзкие поступки каким-то временем объяснять? Разве может быть какое-то особое время, для пакостных дел пригодное?.. Лермонтов мне противен, Карл.

— Полноте! А кто же тогда вам симпатичен, матушка?

— А вот, пожалуй, мог бы быть Тарас Шевченко.

— Вот как? Чем темнее ночь, тем ярче маяки...

— К слову, Карл. Александр Дмитриевич тебе рассказывал, что ему довелось Тараса Шевченко в Петербурге лечить? — хозяйка по-прежнему вела разговор с сыном, даже не глядя на Катерину.

— Правда? — удивился тот. — Я об этом не слышал.

— Александр Дмитриевич спас ему жизнь и, кажется, имел удовольствие завести с ним известное знакомство... Катерина, а тебе он рассказывал? — повернулась мать.

— Я об этом от Анны что-то слышала, — припомнила дочь. — Кажется, она мне говорила.

— Как же, Александр Дмитриевич тебе об этом сам не рассказал?

— Когда бы он мне мог об этом рассказать? — не поняла Катерина.

— О чем же вы так подолгу разговаривали, пока твоя сестра задыхалась от кашля при смерти?

Дочь вскочила из-за стола и растерянно замерла.

— Какой бес тебя опять мучает? — по-шведски проворчала Каролина Карловна (волнуясь, она всегда переходила на шведский). — Зачем ты поминаешь старые обиняки? Не вернуть того, чего нет.

— Какое же это старое? — возразила хозяйка. — Это вполне себе новое. Во всяком случае, для меня.

Катерина часто-часто заморгала и, не найдясь, что сказать, — быстрым шагом на-

правилась прочь из комнаты.

— Беги, Екатерина Элеонора! Беги в Пермь, к своему крестьянину, еще дальше, с наших глаз подальше, — бросила ей вслед мать. — Обманывала ради кого? Ради чего? За спиной у собственной сестры! Бесчестная! Беги к своему Печорину! У таких, как он, — ни чести, ни совести.

— А ну замолчи! — заступилась за племянницу Каролина Карловна. — Ты же собственную дочь из дому спроваживаешь! Что же ты делаешь?

— Хороший отец выпорол бы такую дочь! — не слушала ее Анна Карловна. — А Сашеньку нашего милого — повесил бы прямо у нас во дворе!

— Я не обманывала! И с Александром Дмитриевичем у нас ничего не было! А вас я ненавижу, маменька! Ненавижу! — обернулась Катерина, а потом, хлопнув дверь, выбежала из гостиной на лестницу.

Брат отставил бокал с вином и поспешил за ней.

— Да чтоб отсох твой язык, — принялась ругать сестру Каролина Карловна, когда они остались вдвоем. — Хоть перед Господом постыдись в такой праздник.

— Кто-то в нашем доме вспомнил о Господе? — властно положила обе руки на стол Анна Карловна. — Так я тебе скажу, дорогая Каролина. Человек без голоса совести — не боится Господа и людей не стыдится. А твой любимый доктор Бланк не заслуживает ни справедливости, ни милости. А знаешь, почему? Потому что сам на них не способен! Он только льстит себе и выдает желаемое за действительное. Можно было нашу дворовую собаку Александром Дмитриевичем назвать. Пес остается псом, а жид — жидом.

— Господь с тобой, — перекрестилась Каролина Карловна.

— Лишь ты одна за него заступаешься и еще Катерине голову морочишь!

— Я только одно говорила Катерине, чтобы она не воображала про вечную любовь, — с терпеливым спокойствием попыталась объяснить сестра. — Но и ты не забывай, что правда Господа — в милости. Он распространяет ее от земли до небес и даже к тем, кто заслуживает гнева и казни, — Каролина Карловна встала из-за стола, подошла к сестре и приобняла ее. — Правосудие Его не в том, чтобы вешать обманщиков и притворцев, а в том, чтобы каждый грешник мог раскаяться.

— Почему же Господь не слышит мои молитвы, Каролина? Сколько слез я пролила! — не понимала Анна Карловна.

— Господь нашей воли не творит и желаний не исполняет. Ты пытаешься в своих молитвах напомнить Ему о том, что Он забыл сделать? Нет, так ты ничего не получишь, Господь творит только свою волю.

— Чем же я прогневала Господа? Скажи, сестра, ну скажи мне? Чем я могла Его прогневать?

— Потому что ты делаешь различия между теми, кто сидит за столом во время Его Трапезы, а Он — нет... Пошли тебе Господь благоразумия и терпения, — Каролина перекрестила свою сестру и вышла в свою комнату.

Праздничный ужин был, кажется, окончен.

Сбежав вниз по лестнице, Катерина схватила накидку, второпях небрежно подвезла капор и, навалившись на тяжелые двери, вышла на улицу. Не глядя под ноги, девушка спустилась к берегу реки и только тогда остановилась. Холодный ветер бросал в лицо мелкие капли дождя.

Схватив зонт, Карл поспешил за ней.

— Для чего матушка так жестока? — всхлипывала Катерина, прислоняясь к плечу брата.

— Она не жестока, не жестока, — пытался успокоить ее Карл. — Наша матушка несчастна. Но не жестока.

— Да, я завидовала Анне. Завидовала, это правда... не перед кем это отрицать... — сквозь слезы призналась брату Катерина. — Теперь она там, за рекой, — кивнула она в сторону кладбища, — а я здесь... Но я-то — здесь! Здесь, понимаешь?... Здесь! А помнишь ты, как Александр Дмитриевич впервые вошел в наш дом? Он так на меня посмотрел. Я сразу все поняла. О, это не было... невинно. Да, с самого первого дня это не было невинно. И я в этом каюсь... Но я никогда не хотела, чтобы все вышло так... Видит Бог, клянусь, такого — я не хотела!

— Поезжай, — посоветовал Карл. — Если ты чувствуешь, что должна быть там, — тотчас поезжай.

* * *

— Попались, Анна Александровна! — и Веретенников окатил девушку водой из кадки.

— И меня, меня! — радостно завизжала Любушка.

Дважды просить не пришлось, вторая кадка опрокинулась следом за первой. Учитель латыни поспешил в баню набрать теплой воды, но добежать не успел, потому что Дмитрий его уже там поджидал с ведром.

— Получайте, сударь! — вылил он поток воды на злодея.

— Дмитрий Александрович! — притворно замахал руками Веретенников. — И вам не совестно-с! Что это вы вздумали?

— Лей, Митька, лей еще! — кричали девушки. — А теперь беги, беги! Ой, Митька, не успеешь!

Накануне Ивана Купалы в саду во дворе Дома преподавателей было шумно и весело. Днем девушки с няней ходили в поле за Загородным садом. Нарвали трав и цветов и сплели изумительные венки. А сейчас, пока дети доктора Бланка вместе с Иваном Дмитриевичем тешились обливаниями, дворник отправился за хворостом, чтобы после бани разжечь большой костер. Вечером Веретенников твердо был намерен прыгать через огонь, чем всех немало развеселил. А еще подговаривал в полночь отправиться на поиски папоротника. Он уверял, что точно знает место, где папоротник растет, и обещался в случае, если тот сыщется, — непременно подарить прекрасный цветок маленькой Софуске, которой завтра исполнялось пять лет. Доктор Бланк покачал головой, но все же пообещал, что закажет ко дню рождения огромный яблочный пирог.

Солнце поворачивалось к закату, но даже в тени старых деревьев стоял зной. Доктор Бланк сидел на лавочке в саду во дворе Дома преподавателей вдвоем с врачом Александровской больницы Ардашевым, которого пригласил сегодня вместе попариться в бане. Расстегнув воротники рубашек, мужчины, с милыми цветочными венками на головах, потягивали прохладный квас.

— Поступил к нам намедни унтер-офицер с чахоткой, — рассказывал Дорофей Федорович. — Покамест его осматривал, он все говорил мне про Отечественную войну.

— Интересно говорил?

— Да-с, много говорил. Как бы вам сказать, Александр Дмитриевич... бывают такие пациенты, которые ежели с доктором поговорят — им уже легче... И доктору легче. Особливо ежели ничем другим помочь уже не сможешь... Кхм... Умрет, наверное. Очень запущенная чахотка... Знаете, кашлем заходится, а все рассказывает. Да-с... И я все сидел подле него и слушал, слушал...

— Вы бы поостереглись, все же то чахотка. Уж я-то знаю... к несчастью. Поверьте.

— Господь бережет. А чураться своих больных — врачом не работать.

— Так что же он вам успел рассказать интересного? — любопытствовал Александр Дмитриевич.

— Что?... А вот рассказывал, как в Париже они пытались баню разыскать, а французы понять их не могли. Очень его удивило, что благонравные европейцы шоркались скребками в бочках вместо того, чтобы париться в бане, хех. А наши мужики — народ простой. Да-с, деревья на ихнем бульваре нарубили и баню из них затопили. А потом еще пошли в Сене голышом купаться, как бы вам сказать... барышень парижских пугать, — мужчины рассмеялись. — Да, вот, говорит, нерусские баню не понимают. Впечатление на него, знать, произвело.

— Напрасно совершенно нам Европу сиятся в пример приводить, когда говорят про гигиену, — рассудил доктор Бланк. — Русский народ сам знает лучшие способы гигиены. Баня с венником, да потом в снег или в воду ледяную, да еще водки с хреном.

— Верно, верно, — закивал Ардашев, опять закашлявшись, — водки с хреном.

— Лучше тысячи аптек! — продолжал Александр Дмитриевич. — Главная задача врача — гигиену развивать. А закаленный организм и сам с болезнями справится. Еще у Руссо говорится, что потому древний человек не был тщедушным, как нынешний, а был здоров и хвори не знал... Вы знаете, мой покойный тесть, лютеранин, никогда не принимал никаких лекарств, а в первое число каждого месяца выпивал одну ложку касторового масла. Говорил, что смазывает свой организм. И был здоров, прожил семь десятков. Богатырского был здоровья.

— Да, да. Пожалуй, так... — Дорофей Федорович не читал Руссо, но согласился. — А вы знаете, как в прежние времена делали дезинфекцию инструментов?

— Как же?

— Проводили их через огонь, а потом поливали березовым соком.

— Ах да, слышал, знаю.

— И это помогает! Да-с, сам практиковал, когда ничего другого не было... Кхм...

Народные знания — это мудрость. Ежели мы толкуем о современной медицине, надобно всегда задаваться вопросом... о житейском опыте, да-с. Когда врач предлагает новое средство, он должен... как бы вам сказать... сначала должен проверить, нет ли в нем противуречий с уже известными в народе средствами. Да-с... Как вы считаете, Алек-

сандр Дмитриевич?

— А вот тут можно поспорить, — удивился Бланк. — Когда народ к гангрене фунт теста прикладывает на ночь и ждет, что пройдет... или еще что хуже — капусту квашеную. Я бы такую медицину не поддержал.

— Знать, в капусте тоже есть полезные вещества, — рассмеялся Ардашев.

— От гангрены-то? Решительно не понимаю!

— Кхм... Народ есть народ, в известном роде, — развел руками Дорофей Федорович. — Такой он и есть, суеверный. И хорошее в нем сплетено, и глупое. А все же — есть мудрость коренная.

— Чтобы глупого не было — нужно, чтобы в каждой деревне был земский доктор, — хлопнул Бланк ладонью по скамье. — Наука прежде всего! Это придется сделать обязательно. И не шарлатан чтобы, а врач с образованием. Это надо делать!

— Недоверие к врачам в народе большое-с, — усомнился Ардашев. — А к священникам — доверие. Я полагаю, нужно обучать священников врачебному делу... — не смело предложил он свою теорию, которую уже давно обдумывал.

— Раз недоверие, значит — нам всем, врачам, нужно отворять перед народом к себе доверие своим трудом ежедневным, — перебил его Бланк. — Только так. И никаких священников к вопросам медицины допускать нельзя. От них одно невежество.

— А как же деревенской повитухе тогда объяснить, что для того, чтобы не было-с родовой горячки, надобно мыть руки до принятия родов, а не после? Вот как это объяснить, ежели... ежели она всегда делала ровно наоборот? Разве не будет гораздо лучше, ежели священник ей это скажет?

— Много и много раз объяснять и объяснять, больше никак, — настаивал Бланк. — Никаких священников!

— Кхм... — Ардашев призадумался. — Так кто это будет делать?

— Образованное меньшинство. Только образованное меньшинство ведет к прогрессу! То, что я увидел здесь в деревнях, меня ужаснуло, Дорофей Федорович. Ужаснуло! — пожаловался доктор Бланк. — Ни один врач не переступал порог крестьянского дома! Нам нужны родильные отделения, среди них нужны секретные для незаконнорожденных, которых можно было бы там оставлять. Нужны сиротские дома. Непременно нужно привести в порядок холерные бараки для изоляции больных на случай новой эпидемии. Нужны учреждения общественного призрения, чтобы врачи могли помогать немущим. А главное — нужно образование, потому что суть врачевания — это излечение самого больного, а не его болезни.

— Да-с, все мы в руках Господа. Только как это все сделать? Кто это будет делать? Да и наш мужик смекалист в вопросах житейских, но в вопросах сложных... кхм... глуповат, в известном роде... Глуповат, хоть сто раз ему объясняй, — не поверил Дорофей Федорович. — Какое образование может быть для мужика? Пускай бы он со своими вопросами приходил к священнику. А вот священник — да-с, он должен быть не только духовен, но и образован.

— Никак с вами не соглашусь, — категорично возразил Бланк. — Крестьян нужно, прежде всего, учить. Вы удивитесь, когда обнаружите, как мужик может быть умен, если его научить. Я соглашусь только в том, что русский народ вороват и анархичен — да, это нужно понимать. Но никак не глуповат! Его делают глуповатым, хотят видеть таким, но он — не такой!

Дорофей Федорович, чей жизненный опыт подсказывал совершенно противоположное, предпочел об этом не спорить и перевел тему.

— А вот что вы скажете об кликушестве? — спросил он инспектора.

— Об чем, об чем? — не понял Бланк.

— Как же-с? Кликушество. Вот был случай в позатом году на Чусовой, — принялся за рассказ Ардашев. — Заголосили бабы. То есть... кхм... принялись кричать... м-м-м... в припадках.

— Как?

— Без всякой причины, да-с, кхм... — Ардашев откашлялся. — Начинает баба беспрестанно кричать. Громко, пронзительно, и в это же время у нее начинается судорога и, как бы вам сказать, что-то... навроде икоты. И ничем это невозможно остановить. Потом приступ проходит, а через какое-то время начинается заново. В народе это и называется кликушество.

— И в чем причина?

— Причина? А вот и поехали мы, чтобы выяснить. Взяли с собой иерея...

— Иерея?! — опять поразился Бланк. — Зачем?

— Ну как же-с, бесов изгонять.

— Что?! Дорофей Федорович! Возмутительно.

— Как бы вам сказать, началось это все с одной знахарки, — как ни в чем не бывало

продолжал Ардашев. — Народ был уверен, что это-с была дьявольская сила, колдовство и чародейство... Сначала одна баба забесновалась, потом две, а потом и всем селом. И девки стали кликушничать, а всего мы насчитали больше сорока страдалиц. Мужики нас, правда... м-м-м... не дождались, вывели своих баб на улицу, раздели прилюдно и стали водой ледяной обливать до потери сознания. Знать, чтобы нечистый дух обнаружился, в известном роде. А было это в апреле, снег лежал, да-с. Хорошо, что мы вовремя подоспели.

— И что это было?

— А не знаю. Одни полагают, что отравление какими-то травами или мухомором.

Народ по-другому, конечно, считает...

— И обливание помогло? — Александр Дмитриевич благоразумно не стал спрашивать, что об этом полагает сам Ардашев.

— Кхм... не вполне, знать... не сразу... — внезапный приступ кашля не дал Дорофею Федоровичу закончить свою мысль.

— Очень много суеверий, очень много, — развел руками доктор Бланк. — А хорошо, что вы об этом заговорили. Я же хотел с вами обязательно обсудить посадку лекарственных растений во дворе нашей городской аптеки. Вот я совершенно не одобряю того, как это здесь делается...

* * *

Отстояв службу в православном храме, Моше Ицкович дождался, пока церковь опустеет, и только тогда подошел к священнику.

— Здравствуйте, отец Сергей, — обратился он к батюшке по-русски.

— Здравствуй, Дмитрий, — отвечал тот, назвав своего новообращенного по данному тому при крещении имени.

— Благословите меня, я хочу исповедаться, — попросил старик.

— Говел?

— Да, батюшка. Хочу покаяться.

Перед началом Таинства священник прочел молитвы и положил Евангелие на аналой. Стоя перед крестом, Моше Ицкович осенил себя, приготовился к исповеди, но вдруг совершенно растерялся, не зная, с чего начать.

— Имел ли ты недовольство на свою жизнь и на людей? — подсказал отец Сергей.

— Ах да, батюшка, имел, еще как, — вспомнил Моше Ицкович. — Роптал я долгие годы на свою жизнь, и на людей роптал. Думал, что Господь ко мне несправедлив, да-да...

— В чем же несправедлив, ты думал?

— Я думал, что Господь обделил меня.

— В чем?

— Вот никак не мог я взять в толк, вот почему кто-то становится богатым, а я всю жизнь прожил в бедности... Еще и склочничал, судился из-за денег.

— И что же, стал ты богатым? — назидательно спросил отец Сергей.

— Нет, не стал, — помотал головой Моше. — А ведь всю жизнь пытался стать богатым.

— И что же ты понял?

— Что понял? — задумался старик. — Понял я, что брожу во мраке и потратил жизнь свою, как там говорится... Можно мне по-простому сказать? Вот ежели сейчас бы у меня были деньги — к чему бы они мне стали нужны? Это я думаю так иногда, представляю, да, как ежели бы у меня много денег, — с этими словами старик закрыл глаза. — Может быть даже, я живу в купеческом особняке или даже стал дворянином, у меня есть слуги, на столе лежат яства, в конюшне стоят скакуны, у меня большая карета и я выезжаю с фореитором... — священник кашлянул. — Да, да, — опомнился Моше. — И что? К чему это? Что мне с этим делать? — с этими словами карета, которую Моше себе уже так ясно представил, тут же рассыпалась в труху, лошади разбежались, а фореитор навсегда оставил свое занятие и ушел куда глаза глядят. — Зачем это, если душа моя будет при этом пуста? — продолжал старик. — Ежели я один? С кем мне поделиться?

— Ты теперь понял, что земное благо не нужно, если поделиться им не с кем?

— Да, да! Я понял, что нет никакой радости его иметь. Ни в чем ее нет. А напротив — теперь, когда я чувствую себя как будто... родившимся сызнова, я понимаю, что все это время на самом деле был... богатым. Душой, сыновьями, супругой, своим домом. Да-да. И я понял это, только когда потерял и сына, и жену, а теперь и наш старый дом... А мой второй сын давно уехал и не желает меня знать. Так и выходит, что и его я тоже потерял. А я бы очень хотел увидеть его и попросить прощения. Клянусь, я бы встал на колени. Ежели бы вернуться назад — о, как я был тогда богат, как я был богат! — старик

заплакал.

— В чем ты чувствуешь себя виноватым перед сыном? — спросил священник.

Моше Ицкович нерешительно замялся.

— Говори так, как ты думаешь, ничего не скрывая, — подсказал отец Сергей.

— Однажды я совершил большую ошибку. И тогда сын ушел... и больше я его не видел.

— Что произошло? — нахмурился священник.

— Э-э-эх... — взялся за голову Моше. — История это давняя. Неужели рассказывать?

— Ты же пришел исповедаться. Говори.

— Давно это было. Сыну было-то — сколько? Наверное, шестнадцать или семнадцать. Вот, и полюбилась ему девушка... Как же ее звали... Кажется, Лея? Да, точно, Лейка. Помню ее еще босоногой девчушкой. А потом выросла — такая красавица... Ну, полюбилась. И что я мог сказать как отец? Только одно — чтобы он не мечтал о том, чего не может быть. Что нужно ему уезжать отсюда и мысли все свои направлять только на это. Что он гораздо большего достоин, что у него другая судьба должна быть, что он найдет потом себе тысячу других Леек. Ведь я ему это сказал из любви, по-отцовски. Ведь я больше него пожил, и он должен был меня послушать. А я так хотел, чтобы он вырвался из нашей трясины в настоящие люди... Он заупрямился, конечно. Это понятно. Юнец, кровь кипит. «Мы, — говорит, — сбежим вместе». — «Куда? — я ему говорю. — Безумный, если сбежишь вместе со своей Лейкой, тебя найдут рано или поздно. Да и куда вам бежать? И понимаешь, что тогда будет с тобой? А подумай о своих стариках, что будет с нами? И куда мы подадимся, если кагал нас опять погонит с нашего места на старости? Какая может быть любовь, когда ты должен думать вначале! Тебе же еще целую жизнь жить». Он мне в ноги кинулся: «Прости, отец, но благослови. Дай мне самому решить». Я кулаком по столу. Супруга моя, покойница Марьям, земля ей пухом, кричит еще пуще: «Не смей бежать! Женись тогда по иудейскому обычаю и оставайся»... Она же так и отказалась креститься, даже перед смертью, сколько я ее не просил. Чуть не поколотил ее за это на самом одре... Ну так вот, я сыну и говорю тогда: «Нет уж, какая может быть женитьба, крестись в православие и уезжай один в Петербург к брату, а свою Лею забудь. А ежели нет — так я тебе помогу». Что было делать?..

Моше замолчал.

— Так что же? — спросил отец Сергей. — Чем тогда кончилось дело?

— Что?.. Э-э-х... Тем и кончилось. Пошел я к отцу этой девушки и все ему рассказал как есть, чтобы тот помог предотвратить несчастье. Чтобы свою дочь, как это подобает, пристыдил. Сын, видимо, об этом и прознал. Хлопнул дверью — больше их обоих никто и не видел. Вместе, думаю, так и сбежали. А куда... Где они сейчас, что с ними?..

Старик заплакал.

Батюшка озадаченно молчал.

— Я знаю, что мне осталось недолго, — наконец, тяжело вздохнул Моше Ицкович, — и теперь мне бы очень хотелось успеть попросить прощения перед Израилем. Но я боюсь, что он отвергнет меня, даже если мы каким-то чудом встретимся. А больше всего — я боюсь за то, как теперь сложится его судьба.

— Ведь твой сын тоже крещен? — заметил священник.

— Да, теперь он православный.

— Какое же ему дано имя?

— Александр.

— Почему же ты не называешь его православным именем?

— Простите, батюшка, — опустил голову старик, — в своих мыслях я по-прежнему обращаюсь к нему по старому имени.

— Это неправильно.

— Знаю. Я часто вспоминаю, каким он был когда-то... раньше.

— Ты его любишь?

— Люблю! — горячо ответил Моше Ицкович. — Я никогда ему этого не говорил. Даже наоборот, пытался быть всегда с ним строгим. И порол нередко. По-отцовски, конечно. Но всегда любил. И если бы мы теперь встретились, пожалуй, я первый бы покаялся перед ним и попросил бы меня простить.

— Так почему бы не попробовать его разыскать? — предложил отец Сергей.

— Уж нет, — отказался старик, — ежели ему самому станет угодно, то он знает, где меня найти. А вот ежели он своего отца теперь и знать не желает — так и я его сам разыскивать тоже не стану.

— Но ведь... — попытался возразить священник. Моше категорично помотал головой. — Что ж... — вздохнул отец Сергей, — тогда верь в то, что он тебя не отвергнет, если вы вдруг все же встретитесь. Ты молишься за него?

— Каждый день.
 — Проси за него у Господа в своих молитвах, и Он тебя услышит... А любил ли ты свою жену?
 — Любил, — ухмыльнулся Моше.
 — Не в этом смысле!
 — Любил, любил, конечно, любил. А вы о чем спрашиваете, батюшка?
 — Прости меня, Господи, — перекрестился священник. — Каешься ли ты сам?
 — Каюсь! Искренне каюсь!
 Священник торопливо положил епитрахиль, прочел молитву и отпустил старику Моше все его многочисленные прегрешения, о которых тот успел рассказать и о которых еще не успел, пока не пришлось их выслушивать.

* * *

Две недели жары сменились дождями.
 Через всю Пермь вели арестантов к пересыльной тюрьме у заставы. Босоногие мальчишки, игравшие в бабки на улице под деревьями, разбежались по сторонам. Не вовремя оказавшийся на пути колонны случайный мужик в спешке наехал телегою на тротуар и, ругая свою лошадь, прыгнул в грязь, пытаясь развернуться.

Партию из полтора сотен насквозь промокших душ сопровождали конные казаки. На ногах невольников были надеты колодки, на руках — кандалы. Люди были прикованы друг к другу длинными прутьями по несколько человек в ряд. Серые суконные куртки у них были грязными, у многих — рваными. Заключение медленно шагали по городской улице, склонив головы, и старались не смотреть по сторонам. Некоторые тянули заунывные песни. Горожане выходили на улицы и старались сунуть в руки несчастных свертки с едой. Другие подходят не решались, но бросали из окон калачи. Казаки разрешали тогда ненадолго останавливаться и подбирать милостыню. Большую часть потом отнимали на пересылке, однако на людях конвой вел себя благочинно и вполне милосердно.

В Доме преподавателей Иван Дмитриевич Веретенников давал дочерям доктора Бланка уроки фортепиано. А может быть, это они ему давали уроки — словом, они вместе музицировали, готовясь к литературно-музыкальному вечеру, который скоро должен был состояться в Благородном собрании в пользу городской школы для слепых детей. Услышав топот ног и лязг металла, дети прервали свое занятие и прильнули к окнам.

— Отойдите, не смотрите, — попросила няня, но ее не послушали.

Кухарка выбежала под дождь и стала что-то расталкивать в руки арестантам. Те в благодарности кланялись. По лицам многих стекали ручейки дождя. Вспомнив, что сегодня после завтрака оставалась выпечка, Дмитрий ринулся на кухню и тоже выбежал на дорогу.

— Куда, куда! — хватилась за ним няня.

Выскочив, мальчик растерянно замер, не зная, как подойти к колонне. Неизвестно откуда взявшийся перед ним дворник, улыбнувшись, взял булки из его рук, подошел к заключенным и стал раздавать еду.

— Спаси тебя Господь, — благодарили его.

— Идите, сынки, идите, окаянные, — отвечал дворник. — Куда ведут-то вас? Совсем задохлись.

— В Иркутск, отец.

— Сторонись! — прикрикнул конвоир. — Разговоры!

— Погуторь мне тут, — схамил Фомич. — Думаешь, ежели выдали лошадь, так сразу стал атаманом?

Казак замахнулся нагайкой для острастки, но молча проехал мимо.

— А далеко до Иркутска? — спросил у дворника Дмитрий, когда колонна миновала.

— Далеко-о, — ответил Фомич. — Еще год.

— Год?! — изумился мальчик. — Они что, будут идти еще год? И зимой?

— Да, и что такого? — не вполне понял его удивление Фомич. — Год идут, еще год идти. Что вам в этом кажется странным, Дмитрий Александрович?

Они поднялись на крыльцо, чтобы спрятаться от проливного дождя под навесом.

— И они все это время будут вот так брести?

— От пересылки до пересылки. А когда и в чистом поле заночуют... Это беговые головы, Дмитрий Александрович, не стоит их жалеть... Знаете, когда наш город посещал покойный государь Александр Павлович, он осматривал городскую тюрьму, и перед ним построили заключенных. Александр Павлович стал спрашивать, кто здесь и за какие преступления. И вот все отвечали, разумеется, что невиновны. А один упал на колени и стал со слезами каяться. И знаете, что сделал Государь?

— Что же?
 — Приказал отпустить его.
 — Почему? — удивился Дмитрий.
 — А чтобы виноватый не томился в одном месте с невиновными, — дворник рас-
 смеялся.

Мальчик задумался.

— Почему же они все одеты одинаково? — все еще пытался он осмыслить увиден-
 ное. — Они же не солдаты.

— А как же-с? Казнь дело государственное, — рассудил Фомич. — Как говорится,
 ежели однажды приговоренные начнут приходить со своими веревками, то назавтра
 юристы начнут приходить со своими законами. А там и до беды недалеко. Сами пони-
 маете, ваше благородие. Вы это должны лучше меня знать... Вы же собирались, кажет-
 ся, учиться на юриста?

— Не знаю, — ответил Дмитрий. — Отец говорит, чтобы я учился или на врача, или
 на юриста.

— А вы сами что хотите-с?

— Не знаю. Как папенька решит.

— Как это? Вы-то сами должны что-то хотеть?

Мальчик растерялся и ничего не ответил.

— Чуть в грязи не потонула, — подошла к ним кухарка, — пока на Черный рынок
 ходила. Зело болото, полные калоши жулькают.

— А ты ходи на Гостиный двор, — посоветовал дворник.

— Да как же, буду я туда ходить, когда там втридорога дерут, — проворчала женщи-
 на. — Говорено, говорено, что рынок сушить надо, а как дождь, так опять потоп, прости
 Господи, — кухарка перекрестилась. — Опять разливается курейка и все округ затоп-
 ляет. Никак скоро уже конец света, все к одному идет. Только хуже и хуже житье ста-
 новится.

— Ты напиши петицию, — посоветовал дворник, — на тот свет.

— Чаво?! Иметь тебя, придурошного, — всплеснув руками, женщина зашла в дом.

Фомич ухмыльнулся.

— Быстрее бы уже в университет, — вдруг пожаловался Дмитрий, который не знал,
 с кем еще можно об этом поговорить.

— Отчего же? — Фомич внимательно посмотрел на мальчика.

— Не знаю... Быстрее уехать куда-нибудь.

— Хм.

— Или бы хоть тетушка Катерина быстрее приехала.

— Что же именно вам невмоготу, Дмитрий Александрович? — заботливо спросил
 дворник.

— Не знаю... Как будто мы все... неприкаянные.

— Хм... пойдете, Дмитрий Александрович. Не хватало еще простудиться.

— Я закаленный, — ответил мальчик. — Если этих людей в любую непогоду в Си-
 бирь пешком ведут, то и со мной точно ничего не станет, если я под дождиком немного
 постою.

— То арестанты, мужики, — возразил Николай Фомич. — Какие с ними нежности?
 Их хоть сейчас на виселицу. Еще раз вам говорю, Дмитрий Александрович, жалеть не
 надо. Ежели у жандармов не будет сил повесить своих арестантов, то у тех, как гово-
 рится, очень быстро найдутся силы поднять на вилы своих жандармов... Пушай идут
 себе, хучь в Иркутск, хучь в Омерику, хе-хе. А вот вы бы не мокли, право... зайдите в
 дом, я не шучу.

Веретенников позвал девочек вернуться за уроки.

— Страсть какая! — Анне впервые довелось увидеть заключенных так близко, и на
 нее это произвело большое впечатление. — Почему они через весь город их водят, Иван
 Дмитриевич?

— Скорее всего, это не их через город водят, — хмыкнул Веретенников, — а так уж
 вышло, что это город вдоль Сибирского тракта стоит.

— Кому-то сейчас опять кошмары будут сниться, — заметила Любушка, показав на
 маленькую Софью. — Сказали тебе не смотреть. Чего лезешь?

— А ты чего толкаешься? — закапризничала та.

— Потому что ты еще маленькая!

— Если папенька узнает... — погрозила Анна.

— И что? — фыркнула Маша.

— Тише, девочки, тише!.. Нужно выписать новые ноты, — прервал их Веретенни-
 ков. — Эти вам уже надоели... а эти для вас еще слишком сложные, — вздохнув, он

отложил в сторону сборник с полонезами и мазурками Шопена.

— Не переживайте, Иван Дмитриевич, — успокоила его Маша. — Вот скоро к нам придет тетушка Катерина. Вы попросите, она вас обязательно научит хорошо играть.

Веретенников поправил тугой накрахмаленный воротник. Присев к фортепиано, Анна обхватила свое лицо руками и внимательно посмотрела на стеснительного учителя.

* * *

После дождя к вечеру опять стало душно.

Хотелось стряхнуть с себя мысли о служебных делах, а заодно принести пользу здоровью. Александр Дмитриевич надел высокие сапоги, чтобы не потонуть в раскисшей уличной грязи, и после вечерней работы в гимназии пешком отправился домой. Каково же было его удивление, когда подле своего крыльца он обнаружил ожидавшего его Вайгеля в сером в клетку партикулярном костюме и вдобавок еще и с тростью.

— Федор Иванович? — не сдержал изумления доктор.

— Здравствуйте, здравствуйте, уважаемый Александр Дмитриевич, — подался ему навстречу городничий, приветливо приподнимая с головы цилиндр. — Что же вы, разве не ожидали меня здесь увидеть? — улыбнулся он из-под усов.

— Уж никак нет, — честно признался Бланк. — Не ожидал вашего визита, конечно... Что же вы здесь, давно?

— Нет, нет, я только приехал, не извольте тревожиться, — упредил Вайгель беспокойство доктора.

— Видите ли, я решил сегодня пройтись пешком...

— Прекрасное время для моциона, очень замечательное, — одобрил городничий.

— Я тоже, честно сказать, порой люблю вернуться летом пешком со службы. Очень приятно бывает. Так что не тревожьтесь... Я и вправду приехал буквально пять минут назад. Даже не успел об вас спросить, как заметил, что вы, так сказать, уже и сами идете, — поздоровавшись за руку с полицеймейстером, Бланк пригласил его в дом, но тот наотрез отказался: — Уж очень душно бывает в наших местах порой, — объяснил он. — Не хотите ли лучше пройтись до Загородного сада? Коль скоро вы в таких отменных для этого случая бахилах. Или нет? — Бланк засовестился, глянув на свои перепачканные сапоги. — Впрочем, что это я? — замахал руками Вайгель, сам себя перебивая. — Должно быть, вы торопитесь домой? Ведь вас же ждут.

— Напротив, я с удовольствием еще немного прогуляюсь в вашей компании, — заверил Александр Дмитриевич, не без причины подозревая, что Вайгель не приехал бы просто так.

— Так пройдемся?

— Конечно же.

Мужчины направились вниз по Сибирской.

— Этот год очень жаркий, — пожаловался Вайгель. — Такое в наших краях нечасто бывает.

— Действительно?

— Да-с. А вот в позапрошедшем году, как помню, супротив — все лето дождало. Так затопило полгорода. На лодках по улицам передвигались, вы не поверите. А кто и вплавь.

— Ну почему же, вполне верю. В Петербурге в иной год тоже без весел из дому не выйдешь.

— Столичные жители, должно быть, к этому привычны. Известно дело, то город настоящих адмиралов, никак не меньше. А вот для нас превращаться в Венецию не свойственно. Иные ловкачи и рыбу посереде городских улиц умудрялись в тот год удить. И еще какую!

— Ну надо же, — рассмеялся Бланк.

— Да-да, я не шучу, — серьезно подтвердил Вайгель.

— Уж вам-то я вполне верю.

— А как же. В известной мере, дожди все нужны. Ведь даже лошадь без корма, как вы знаете, может прожить три недели, — продолжая болтовню, Вайгель, не доходя до заставы, свернул на тропинку в сад. — А вот без питья лишь пять дней. И то не каждая. Какая другая и падет, не дожидаясь намеченного срока. Что уж говорить про нас, про пермяков. Да-с. Нам тоже дожди летом приятны. Но желательно, конечно, всего иметь в меру. А то ведь, знаете, Александр Дмитриевич, как оно бывает. Сначала от жажды измучаешься, а потом — с жадности-то и глотком воды захлебнешься. Каких только случаев не бывает. Стало быть, всего в меру должно быть, всего в меру.

— Что ж, верно, — кивнул Бланк, не догадываясь пока, к чему это сказано.

— Да-с, — повторил Вайгель. — Стало быть, с этим вы согласны?

— Так и есть.

— А хуже всего, ежели зима бесснежная, — продолжал Федор Иванович. — Вот тогда точно жди недорода. Ну или, как можно по-другому сказать... да-с, кстати, что-то я Федора Афанасьевича давно не видел, — остановился вдруг городничий, вспомнив о Прядильщикове. — Вы ведь с ним, как я знаю, хорошо сошлись?

— Можно сказать и так, — неопределенно повел руками Бланк.

— Так что же он? Неужто все это время серчает на меня? — нахмурился Вайгель. — Я думал, право, что мы окончательно примирились.

— Нет, что вы, Федор Иванович, — взялся переубедить его доктор. — Думаю, что давно уже не серчает, вовсе нет.

— А то... знаете ли... теперь он старается давать уроки только в то время, когда я на службе. Отчего бы? Разве это невзначай?

— Я думаю, он сейчас занят в гимназии, — смутился Александр Дмитриевич, — потому и старается выбирать свободное время, как уж выходит... Уверен, что невзначай.

— Вы думаете?

— Уверяю вас, Федор Иванович.

— То есть, стало быть, точно невзначай?

— Конечно! Уж я-то знаю.

— Значит, мне показалось. Тогда я рад.

— Вот станет хлопот поменьше... А впрочем, я могу у него спросить, ежели сами желаете, — предложил Александр Дмитриевич.

— Не нужно, не нужно, — отказался сначала Вайгель, но потом передумал. — А впрочем, ежели зайдет речь, вы уж тогда и спросите. Почему бы и нет? Я бы не хотел, чтобы между нами какое-то было недопонимание... Да-с...

— Ведь говорят, он хотел повысить плату за уроки? — спросил городничий.

— Право, я этого в точности не знаю, — соврал доктор.

— Так ведь ежели так — это же я и сам понимаю. А как же? Неужто не понимаю? И даже сам думал ему предложить. Так что... вы уж ему передайте. Как будет удобный случай.

— Безусловно, — пообещал Бланк.

— Вот за это спасибо, — обрадовался городничий. — Да-с... Я сразу вам так и сказал, что город у нас маленький, а потому держать кулаки друг у друга за спиной — не нужно... А вот можете ли себе представить, любезнейший Александр Дмитриевич, — продолжил полицеймейстер, — как мы раньше жили и совсем не знали ничего об истории своего родного края. Вот вы из Малороссии — хорошо ли вы знаете свою родную историю?

— Право, как бы и сказать... и да, и нет.

— Вот-вот, — подхватил Вайгель, — думаешь порой, что все знаешь и ничем тебя пронять невозможно. А потом как выяснится что-нибудь этакое... Вот губернатор наш, Илья Иванович, к примеру, как приехал в Пермь, так стал сразу расспрашивать про историю. Мол, а как у вас было с тем или вот с этим. И еще такие вопросы любознательные задаст порой... что и краснеешь, и бледнеешь, а не знаешь, что и отвечать. А когда и соврешь от неприличия.

— Сурьезно?

Мужчины подошли к ротонде в саду и встали в ее тени.

— Да, и такое бывало. Вот спросил он у меня как-то, по каким рекам через Пермь проходил Ермак. Да-с, вот на что ему, спрашивалось бы, про это знать? Какое это может иметь отношение-с к делам текущим, ежели это было едва ли не на следующий год после сотворения мира? Бог весть когда. Ну что ж... Подумал я, пораскинул так и эдак и отвечаю: «По Каме, известно. А как же еще могло быть?» А Илья Иванович дальше спрашивает: «И потом куда?» А теперь, думаю, что ответить? «Дальше по Каме», — отвечаю. «Ну а потом?» Вот тут я и призадумался. Стало быть, куда дальше-то, ежели Кама на том и оканчивается. «Должно быть, потом обратно повернул, — говорю ему, — или нет?» Он меня по плечу хлопнул. Ничего не сказал. А я чуть сквозь землю не провалился, ей-богу, — Александр Дмитриевич расхохотался, вполне себе представив такую сцену. — Вот-вот, — подтвердил Вайгель, — хоть про что Илья Иванович может спросить. Как недавно, к тому же самому примеру, он недоумевал... отчего это у нас в последнее время такое множество идет нововведений по части медицины.

Вот теперь Бланк насторожился.

— По медицине? — переспросил он.

— Ну да, ну да.

— Недоумевал? Огарев?

— Стало быть, да. Недоумевал.

— И что же нашему губернатору в моих нововведениях может не нравиться, ежели они все исключительно своевременные и нужные? — Бланк осерчал. — И к чему имен-

но он это, любезнейший Федор Иванович, спрашивал?

— А вот, говорит он, можно подумать, Александр Дмитриевич, что до этого у нас был только сплошной разлад. Что вдруг потребовалось столько нововведений. Нет ведь, жили как-то и до этого? А то, любезнейший Александр Дмитриевич, вот взять вас. Хае-те всех. Кругом все не по-вашему. А ежели какая-нибудь комиссия приедет? Что могут об этом подумать? К чему это?

Доктор остолбенел.

— Вот что, — грубо отрезал он, наконец, — Федор Иванович! Я занимаюсь вопросами медицинскими и отчитываюсь по ним в министерство. Губернатору стоило бы больше заниматься вопросами по своему ведомству. Вместо того чтобы мне препятствовать да вас подсылать.

— Упаси Господь, — перекрестился Вайгель, — никто меня к вам не подсылал! Вот, право, как эдак!

— Ну а как же вас еще понимать?

— А так только, что я по-дружески к вам приехал. Так сказать, предупредительно.

— Не нужно этого, оставьте! — не поверил врач. — Я свою работу знаю не хуже, чем вы свою.

— Безусловно, безусловно... — замахал тростью Вайгель. — Но все же... Александр Дмитриевич, городок у нас, я вам уже говорил... не такой и большой. Можно сказать даже — маленький, местами даже — тесный.

— А я ни с кем, право, и не толкаюсь!

— А вот и заблуждаетесь, — возразил полицеймейстер. — Сами же и не замечаете, как недовольство вокруг вас растет. Ропщут на вас. А хуже всего, что к Илье Ивановичу сразу идут. И что ему делать? Как прикажете отвечать?

— А так и отвечать, что недовольство — оно может быть только среди тех, кто дальше собственного носу не видит, — Бланк был категоричен. — Вот и весь ответ. Сейчас такое время, что подходы к медицине требуют значительных перемен! И в скорейший термин!

— Но вы же не станете поучать губернатора, как ему нести свою службу? — не согласился Вайгель.

— А я разве про это? — не понял его Бланк.

— Вот что, — осадил Федор Иванович доктора, — не нужно горячиться, уважаемый Александр Дмитриевич. Это я вам советую. И торопить события не нужно. Безусловно.

— Что же... мои хлопоты, выходит... выглядят непонятными? — растерялся Бланк.

— Ваше рвение служебное очень даже одобряется, — мягко заметил полицеймейстер. — Это прекрасно и замечательно, что вы добросовестно и бескорыстно желаете служить... общественному благу, так сказать. Но придержите коней. Вот именно здесь нужно полегче. А то ведь они у вас не напоенные еще. Кони-то. А что мы знаем про не напоенного коня? Ведь ежели перемены требуются, как вы говорите, самые решительные — к ним надобно вначале подготовиться. Настолько же обстоятельно, насколько они решительные. Понимаете?

— Значит, так? — скривился Бланк.

— А как же! — Вайгель осторожно взял его под руку и повел обратно из сада. — Обдумать все основательно. Поглядеть, быть может, как в других губерниях то же самое делается. И только тогда уже — потихоньку, помаленьку...

Бланк глубоко вздохнул.

— Хорошо, — согласился он. — Я вас понял, Федор Иванович. Спасибо. Но я по-прежнему буду решителен в своих начинаниях. Я от них не отступлюсь, поскольку я здесь, и мне держать потом самый высокий ответ. В этом вы меня переубедить не пытайтесь... Но постараюсь быть... не так критичен.

— Вот-вот, — одобрил городничий. — Это вы очень точно самую суть ухватили. Не так критичны. Вот об этом-то всего я и приехал потолковать. Стало быть, прекрасно, что мы друг друга поняли, по-дружески.

— Хорошо, Федор Иванович.

— Отлично, Александр Дмитриевич.

Глава 4

Хоть служба отставного поручика Льва Константиновича Ибраева уже десять лет как закончилась, но он по-прежнему был человеком военной выправки, с прямыми и строгими чертами лица, с густыми бровями и бакенбардами. И даже «бессрочное» заточение в одиночном каземате Шлиссельбургской крепости, продлившееся в итоге долгих и изнурительных четыре года, — его не уничтожило. Но оставило неизгладимый след. За все это время священник был единственным, кто навещал холодную и темную

камеру, по стенам которой в любое время года стекала вода. Более частыми визитерами были гигантские тараканы и крысы. Из книг иметь разрешалось только Библию, и Ибраев перечел ее много раз. Неведение — вот что должно было его сломить. Заточение без назначенного срока. Бессрочное.

Художник Уткин, арестованный вместе с ним, не выдержал и умер в крепости от чахотки через два года. Поэт Соколовский, тоже заболевший чахоткой, был выпущен через три года — и умер уже в своем доме. Тогда Ибраева помиловали и отправили в ссылку. Но даже пройдя через все это — он остался русским офицером. На смотрителя захудалой провинциальной типографии он точно похож не был.

Своих гостей воскресным утром Ибраев встретил в щегольском черном костюме, в темной рубашке и во франтском галстуке в белую крапинку. Хозяин провел Бланка и Прядильщикова в небольшую и уютную гостиную, окрашенную в темно-красный. Солнечный свет заливал комнату через высокие окна. Ибраев познакомил гостей со своей супругой — румяной и круглолицей молодой девушкой. Непривычная к визитам, та выглядела смущенной, а когда в комнату вдруг вбежал их двухлетний малыш — кудрявый пухляк, — супруга Ибраева поспешила увести его обратно и к гостям возвращалась потом только дважды: сначала вынести самовар и чашки, а потом забрать приборы.

— Работа местного художника? — показал Александр Дмитриевич на портрет над роялем, где был изображен сам Лев Константинович с супругой. Картина, судя по всему, была написана недавно.

— Да, — кивнул Ибраев. — Как вам?

— Очень неплохо, — похвалил Бланк. — Уже не первый раз замечаю здесь хорошую живопись.

— Нам тоже нравится.

Утро выходного дня настраивало на неторопливую беседу за чашечкой чая. Присели за стол. Бланк стал разглядывать расставленные по полкам книги, больше — духовные. Прядильщиков, все это время державший под мышкой принесенную с собой толстую папку с рукописями, теперь выложил бумаги на стол и стал расспрашивать Ибраева о его разговоре с губернатором по поводу публикации краеведческих очерков. Мужчины принялись перебирать испещренные мелким, но очень разборчивым учительским почерком листы. Бланк тоже взял себе черновик. Это был рассказ о посещении Перми несколько лет тому назад Государем Наследником Александром Николаевичем.

— Кажется, придется сокращать, — вскоре сокрушенно заметил Ибраев. — Сами понимаете, иначе не подладить.

— Может, выпустить несколькими частями? — не терял надежды Прядильщиков, который и сам уже понимал, что здесь слишком много для колонки в губернской газете.

— Даже если несколькими частями, все равно резать.

— Вы уж тогда выберите сами, Лев Константинович, что здесь можно сократить и как, — попросил Прядильщиков. — Для меня каждая строчка дорога. Вам со стороны виднее будет.

— Ваш бы труд отдельно издать, ничего не переменяя, — заметил Ибраев, снова углубившись в чтение. — Очень уж занимательно. Не пробовали отправить в литературный журнал?

— Нет, нет, — замахал руками учитель. — Разве кто будет там читать? На смех поднимут.

— Да, это они могут, — свел брови хозяин, вспомнив пакостный отзыв в «Отечественных записках» на собственную работу. — Вы правы, лучше и не пробуйте. Сейчас не время. Я думаю, что настоящий интерес к нашей истории и культуре должен обнаружиться изнутри, снизу, с нас. А петербургские журналы могут только все опозлить.

— Это почему? — не понял его Бланк, который тоже с любопытством перебирал рукописи Прядильщикова. — Вы очень досконально все исследуете, Федор Афанасьевич. Я бы вполне предложил ваши очерки для большой публикации.

— Нет, нет, даже пробовать не стану, только конфузиться, — учитель гимназии отказывался наотрез.

— Тогда и не надо, — согласился Ибраев. — Столичная публика избалована и не готова к разговору. А вот, вот, посмотрите сами.

В подтверждение Лев Константинович встал из-за стола и принес толстый журнал, раскрыв его на закладке. Похоже было, что критическую статью, которую Ибраев показывал сейчас гостям, он сам перечитывал уже много раз и она больно его задевала.

Бланк взял журнал и принялся читать. Автором рецензии был Герцен.

— Вот, вот, посмотрите, — пренебрежительно ткнул пальцем в журнал Ибраев. — Он пишет, что я помешался! Выжил из ума, сбрендил, свихнулся! Тронулся!

Поймав себя на том, что начинает горячиться, Ибраев прикусил губу и сел обратно за стол. Бланк перевел глаза на Прядильщикова, но тот пожал плечами, и доктор продолжил чтение.

— Почему же они публикуют критику на Вашу работу, а саму работу не приводят, хотя бы в отрывке? — резонно заметил, наконец, доктор. — Как же читатель сможет составить собственное мнение?

— А им этого не надо! — поднял указательный палец Ибраев. — Не надо! Либералы теперь взяли себе право сами решать, что белое, а что черное. Если великий Герцен говорит, что Ибраев выжил из ума — так оно и есть, без сомнений, как отрезано. Вот так у них теперь заведено. Такие порядки.

— Так ваша работа не связана с медициной? — все никак не мог понять Бланк, потому что труд Ибраева, о котором шла речь, назывался «Анатомический нож». Однако ни слова об анатомии Александр Дмитриевич не нашел, хоть и пытался поначалу.

— Нет, медицина здесь ни при чем, — объяснил Ибраев. — Я анатомирую ум человека. Понимаете? Ум!

— Вот как?! — удивился доктор.

— Да. В наш век науки тело человека не представляет уже большой загадки — а вот его ум! Вот загадка.

— Так вот оно что! — сообразил, наконец, Бланк. — Так вы анатомируете не мозг?

— Нет.

— И не душу?

— Нет, и не душу.

— Ум?

— Да!

— И что же вы думаете найти, анатомируя человеческий ум?

— Когда наш ум в состоянии различать правду и истину, мы ведаем Истинного, — с важностью ответил Ибраев. — Вот что я хочу понять. Способ познать Истину.

— И сделать это собственным умом? — попытался уточнить Бланк, потому что ответ ему показался смутным.

— Не вполне, — замахал руками Лев Константинович. — Я долго не мог постичь, почему наше общество устроено так нелепо. И только здесь, в ссылке, я осознал, что все время до этого обманывался.

Прядильщиков отвлекся от своих рукописей и принялся внимательно слушать.

— Посудите сами, — продолжал Ибраев, но уже вполголоса, хотя никто посторонний, конечно, и не смог бы их услышать, — почему нам насаждаются ложные постулаты и нет места для воли человека?

— А что есть «воля»? — переспросил Бланк.

— Воля — это то, что движет человечеством. Воля одного твердого человека страшно велика. А что делает человека твердым в своей воле? Вот вы считаете свою волю твердой? — обратился отставной офицер к Александру Дмитриевичу.

— Вполне, — отозвался доктор.

— И что же сделало ее твердой?

Врач задумался, но никак не мог себе позволить ответить честно на этот вопрос.

— Так почему же вы здесь? — переспросил вместо этого Бланк Ибраева.

— По правде сказать? По правде сказать? — вскипел Лев Константинович, уже забыв, о чем только что сам спрашивал. — Все вышло глупо. Более чем глупо. Ни с Герценом, ни с Огаревым я коротко знаком никогда не был. Мы были в компании общих друзей. Да, мы читали вольнодумные стихи, какие-то пустяшные. Нас было много равнодушных, и вот надо же... Представьте, при обыске у меня не нашли ничего, кроме моего труда по лесопользованию, который я так и не успел кончить. И ничего революционного, — Ибраев еще раз обернулся по сторонам, прежде чем продолжить. — Кстати, его мне так и не вернули, тоже — почему? Зачем он им? Да. Сплошной абсурд. И никакого тайного общества между нами не нашли, потому что его никогда и не было, разумеется. Пели глупые песни — и все преступление, из-за которого его величество так страшно оскорбилось. Какие глупости! Вы понимаете, какая нелепость, фарс, вздор, несуразица! Но не случайная — а нелепость... всеобщая! Самодержавие себя исчерпало, потому что абсурдно!

— И чем вы предлагаете его заменить? — наивно спросил Прядильщиков, не вполне осведомленный в вопросах политических.

— Конфедерацией! — уверенно ответил Ибраев.

— Чем?! — поразился Бланк. — Конфедерацией чего?

— Наша крестьянская община — готовая ячейка для будущего общества, — Лев Константинович умышленно пропустил здесь слово «социалистического». — Ликвидировать крепостное право и наделить крестьян землей, дать им самоуправление и объе-

динить артели в самоуправляемую конфедерацию, где каждый депутат будет подотчетен... Беспредельная власть всегда стремится к тому, чтобы сделать человека ничтожным, всегда, потому что в этом ее суть, в этом ее суть, такой власти. По-иному она существовать не может. Пока на ее пути не встанет воля более сильного человека. Да, нескольких первых она сомнет, да. Но если на их место встанут новые — воли одного сильного человека в какой-то момент окажется достаточно, чтобы разрушить все то, что сегодня кажется... незыблемым. Как только такой человек появится, то время самодержавия закончится, потому что все остальное для этого уже готово... Вот что думают некоторые, — на всякий случай добавил он, наученный предыдущим опытом, хотя нетрудно было понять, кто эти — «некоторые».

— А как же дворяне? — силится понять Бланк.

— А дворяне и сами хотят революции. А кто не хочет, тех упразднить, — рубанул Ибраев.

От неожиданности Александр Дмитриевич осекся. Прядильщиков откинулся на спинку стула и принялся усиленно тереть нос.

— Кто ж будет управлять? — после некоторого молчания все же спросил Бланк.

— Философы. Которые постигли чистый смысл, — предложил Ибраев. — Кто имеет высшую способность мышления необлыжно.

— И для этого вы анатомируете ум? — догадался теперь Бланк. — Философы будут решать, что белое, а что черное? А себя вы к ним относите? Или к либералам?

— Да, и знаете, к какому выводу я пришел? — пропустив вопрос, продолжал Ибраев. — Источник чистого смысла — это не ум человека, не ум, а — Святой Дух, который через ум человека возвещает ему. Самодержавие мешает нам действовать!

— Эм-м-м... я знавал многих, кто бездельничал и отговаривался, что ему что-то мешает, — заметил Бланк. — Но готовы ли вы действовать в самых трудных обстоятельствах? Потому что других никогда не будет.

— Да, я в крепости много об этом думал, очень много! — поддержал его Ибраев. — Я отведал на себе много жестокости, много — и это сильно изменило меня.

Прядильщиков огляделся по сторонам и изал прикидывать, как бы повежливее намекнуть Бланку, что надо бы откланиваться из этого дома.

* * *

Пыльно и сутолочно было на сельской площади Дебёсов, затерявшихся среди лесов и полей, где Московская и Петербургская дороги сходятся в великий Сибирский тракт. Не меньше сотни проезжих скопились в душный летний день посреди вотякского придорожного села в ожидании лошадей — но транспорта, как и всегда, был недостаток. Катерина замечала, конечно, что если вместе с подорожной положить на стол пару монет, то лошади обычно находятся гораздо быстрее — но сама так делать не умела и стеснялась.

Когда Катерина зашла в контору, смотритель станции был занят препирательством с еще одним несчастным пассажиром, приехавшим, судя по всему, вчера вечером.

— Что же ты мне вздумал голову морочить! — ругался мужчина в пыльном сюртуке. — Я только что видел, как привели свежих лошадей. Вчера ты мне, дурень, сказал, что с утра можно будет отправиться. Сегодня что стряслось?

— Полноте! — смотритель неспешно достал платочек и вытер им пот со лба. — Я понимаю, что вы досадуете. Ну так и не вы один уехать сейчас не можете. Что же я теперь сделаю-с?

— Подавай лошадей! — потребовал пассажир.

— Как же-с я могу подать, если те, которых привели, предназначены для казенной надобности? — развел руками смотритель.

— Ты что, не понимаешь, что я уже за двести верст отсюда должен быть, а вместо этого стою подле тебя и объясняю одно и то же в сотый раз, осел ты!

— Поверьте, любезный, не могу я ничего сделать. Вы в жалобной книге-с написали замечание?

— Написал, не сомневайся. И еще напишу. Знаешь ты Коротаева?

— Какого-с Коротаева? — не понял смотритель.

— Семена Павловича. Знаешь ты его? А знаешь, что он сват мне? Так знай! Дойдет до него жалоба, что ты спекуляцией занимаешься, — и взашей тебя отсюда погонят, сразу от должности откажут. Подавай тройку!

— Ума не приложу, об ком вы мне говорите, что за Коротаев? У нас никого с этой фамилией.

— Не знаешь? Тебе же хуже. Скоро узнаешь, вот погоди. А так ты понимаешь? — мужчина расвирепел и махнул кулаком, но смотритель увернулся, так что удар пришелся по уху. — Понял теперь? Вели запрягать, пока цела физиономия! Или еще хо-

чешь?

— Ну, сударь, — возмутился смотритель, — и вы у меня тоже узнаете, руками махаете тут. Вот доложу становому приставу, придется вам штраф платить. И кипятку у меня больше не получите. До свиданья!

— Что?! Штраф?! Вот тебе штраф, получи-ка, вот тебе еще один, — и пассажир опять накинулся на смотрителя. Благо в это время на станцию зашли еще несколько мужчин, которые, увидев начавшуюся драку, поспешили ее разнять. — Я ворочусь! — буян продолжал выкрикивать угрозы и оскорбления, даже когда его под руки выводили на улицу.

Хмыкнув, властитель станции еще раз вытерся платочком и бережно сложил старенькую тряпочку обратно в карман.

— Простите. Я так понимаю, что лошадей пока нет? — робко подошла к столу Катерина.

Обнаружив, что барыня наблюдала за всей произошедшей сценой, смотритель сконфузился.

— Вы по преискуранту? — ласково спросил он.

— Конечно.

Служащий вздохнул, щелкнул лежавшими на столе счетами, глянул на настенные часы и принялся с ангельским терпением (хотя и в сотый раз за день) объяснять сударыне, что отправиться сегодня уже никак не получится, потому как на станции, помимо приехавших утром, есть еще те, кто ожидает со вчерашнего и даже с позавчерашнего дня.

— Неужели ничего нельзя сделать? — расстроилась Катерина.

— Сожалею, барыня. Извольте, совершенно ничего невозможно, — смотритель хлопнул станционной книгой и убрал ее в ящик с квитанциями.

— Ну а почтовый экипаж сегодня будет?

— Извольте, почта будет-с вечером.

— Можно передать письмо?

— Пожалуйте-с.

Слезы вставали в глазах. Уставшая, измотанная от долгой и изнурительной дороги, грубостей и повсеместного вымогательства «на чай» и «на водку», от скабрёзных взглядов и разговоров, Катерина отправилась в гостиницу и взяла себе номер, отказавшись даже от помощи «ванек», которые наперебой предлагали донести поклажу. Такой от них стоял запах перегара и кислого «русского духа» — что Катерина побрезговала.

Конечно, ожидать столичной гостиницы посреди придорожного села не приходилось. Но крошечная комната, которую Катерине отвели на постоялом дворе, совершенно ввела в расстройство. Только потому пришлось согласиться, что уже прибывали новые экипажи и можно было лишиться последнего, что удалось найти. Катерина видела, как во дворе застрявшие на станции купцы и мещане стаскивали в одну кучу тюки сена, обустроивая ночлег под открытым небом. Выхлопывая щетками пыль из своей дорожной одежды, они разворачивали салфетки с припасенным обедом. Другие путники расходились по домам местных крестьян в поисках крыши над головой. Все, кто не мог ткнуть носом в казенную бумагу или положить перед смотрителем рубль, — были между собой равны.

На старой железной кровати в углу комнаты лежал соломенный матрас времен войны, с пятнами крови от давленных клопов. Поморщившись, Катерина присела на обшарпанный стул у окна. Со стены на нее глядел выцветший портрет императора. Катерина усмехнулась (мол, как вам такое, Ваше Величество?), достала конверт, последний оставшийся лист бумаги (и тот измялся) и походный набор — перо и чернильницу. Облокотившись на подоконник, второпях написала адрес в Перми и несколько строчек о том, где она и почему задерживается. Конечно, хотелось добавить: «Сделай что-нибудь, Сашенька, заberi меня отсюда», — и отправить это письмо с волшебной жар-птицей, да так, чтобы шепнуть ей пару слов — и она полетела бы с попутным ветром и донесла эти строки как можно скорее. Чтобы ее письмо не трогали руки почтальонов и курьеров, чтобы оно не тряслось в засаленных возках среди прошлогодней соломы. Но что можно было сделать?

— Молоко-о! Молоко-о! — раздавалось с улицы. — Хле-еб! Калачи-и!

Катерина вдруг поняла, как страшно голодна. Она решительно скомкала письмо и, ругая себя за слабость, вышла на улицу.

Пройдя двухэтажное бревенчатое здание станции, обшитое по углам калеванной — строганной узорчатой доской, с фигурными наличниками на окнах, Катерина оказалась в торговых рядах. Вдоль площади стояли крытые прилавки, а за ними лошади с телегами, с которых сельчане торговали, чем сами были богаты — хлебом, медом, вареным горохом, квашеной капустой. Спросив у какой-то крестьянки молока и яиц, Кате-

рина хотела было вернуться в гостиницу, как зазвонили колокола на церкви. Православные стали креститься. Катерина хоть и была лютеранкой — но перекрестилась вместе со всеми.

— Барыня, а, барыня, — вдруг позвали ее. Катерина обернулась и увидела босоногого и чумазого паренька лет десяти со связкой калачей на шее. — Купите калач? — улыбался малец.

— Почему же?

— А сколько дадите? Копейку дадите?

— Ой да!

— Берите, барыня.

Катерина протянула мальчугану медную монетку.

— Куда едете, барыня? — продолжал тот.

— В Пермь.

— К кому-то?

— К мужу, — соврала она.

— Пермь? Знаю, знаю, — закивал оборванец, как будто сто раз ездил до Тихого океана и обратно, повидал все на свете и, конечно, прекрасно знал, где находится Пермь. — Что ж, разве лошадей на станции нет?

— Нету, — грустно пожаловалась Катерина.

— Что ж делать-то?.. А вот у меня же брат ямщик! — хлопнул пройдоха себя по лбу, как будто только что это сообразил. — У него же и лошади есть, и тарантас готов. Хотите, отведу?

— Спасибо. Я уже устроилась на ночь. Уеду завтра, — отказалась Катерина.

— Завтра лошадей на станции тоже не будет. Точно-точно. А у меня брат хоть и полтора прогона берет, но и скачет — у-ух! В кратчайший термин!

Прогон — был казенной платой, рассчитанной за версту на одного человека и одну лошадь.

— Что же, он одну меня повезет? — засомневалась Катерина.

— Почему одну? Еще барыня согласна поехать. Вдвоем вас и повезет.

Прекрасно понимая, что хитрец занимается поиском пассажиров для вольных извозчиков, которых становилось все больше — казенные уже не справлялись с растущим числом путешественников, — Катерина колебалась.

— К утру в Соснове будете, — пообещал мальчуган. — Ей-богу! Там лошадей смените, послезавтра в Перми будете.

— Да что ты! — Катерина, конечно, не поверила, но желание быстрее уехать перевешивало.

— Ну, барыня, я не навеливаюсь, — и мальчик сделал вид, что уходит.

— Ах ты, чертенок! Скажи, чтобы через полчаса приезжал.

— Так поедете? — обрадовался паренек.

— Поеду, поеду.

— Ну так я скажу, чтобы закладывал коляску?

— Иди, иди, скажи.

— Полтора прогона! И половину вперед, — выдвинул вымогатель новое условие.

— Еще чего! — фыркнула Катерина. — Иди уже давай.

— Хорошо, хорошо, барыня. Вы только будьте здесь, повыждите немного! — и мальчик радостно убежал сверкая пятками.

Катерина вернулась в номер, выпила молока, подхватила вещи и спустилась на улицу.

— Тпру-у! Кто в Пермь? — «дружок» оказался рослым вотяком, крепким и румяным, с такой же хитрецей и удалью в глазах, как и у мальчугана-зазывалы. В тарантасе сидела женщина, чуть старше Катерины.

— Вы тоже в Пермь? — спросила Катерина у нее.

— Oui, asseyez-vous. S'il vous plait, — ответила та по-французски.

Мальчуган закинул вещи. «Н-но!» — и пара лошадей рванула вперед.

— Как думаете, — спросила Катерина у попутчицы, — мы и правда послезавтра в Перми будем?

— Милая моя, — вздохнула та, — если мы хотя бы дня через три будем в Перми, я буду благодарить Господа.

Экипаж покидал село, лошади перешли с рыси на галоп. Катерина открыла было книгу, но буквы прыгали перед глазами. Мальчик не обманул — вотяк гнал что было мочи. Тарантас прыгал на ухабах. Клубилась дорожная пыль. Когда застава осталась далеко позади, возница вдруг остановился и вытащил холщовый мешочек, в котором оказался десяток бронзовых колокольчиков.

— Аттенде, мадам!

Старательно развесив под дугой узорчатые колокольчики с забавными надписями навроде «Звону много — веселей дорога», извозчик довольно цокнул языком и лихо запрыгнул обратно на свое место. «Дружкам», то есть вольным повозкам, позволялось иметь только бубенцы на упряжи. Но какая может быть дорога без «малинового», на-строенного на терцию и квинту звона колокольчиков. «Н-но!» И лошади понеслись дальше, а вотяк затянул песню — про дороги и про любимую, которая то ли ждет его, то ли уже не ждет.

Да, всех дорожных песен не перескажешь, ни конца у них нет, ни начала, как и у самих дорог. А уральские летние ночи — светлые. Тарантас лихо обгонял растянувшиеся по тракту обозы с товарами. Один только раз перешли на шаг, когда переходили вброд небольшой ручей. Вотяк вытащил мешочек и, что-то приговаривая, высыпал его содержимое в воду. Было ли это какое-то местное суеверие или что-то иное — кто его знает. Второй раз останавливались, чтобы пропустить вперед фельдъегерскую тройку. Почтовая повозка пролетела мимо, не сбавляя скорости. Курьер в ней спал, лежа на соломе, а извозчик в красном клетчатом кафтане что-то крикнул, но Катерина не разобрала, что именно.

— Шайтан! — весело выругался белокурый вотяк и снова погнал лошадей взапуски.

* * *

Готовясь к благотворительному балу, девочки мерили свои петербургские платья. Кремовое у старшей Аннушки, песочное у послушной Любушки, бирюзовое у зас-тенчивой Катюши и фиалковое у капризной Машеньки. А у младшей Софьи — кашта-новое. Наряды были по моде — длинными в пол, с плотно облегающими руку, но не доходящими до кисти пышными рукавами, с белыми подрукавниками, с отворотами рюшами и кружевом, с крахмальными нижними юбками. У каждой девочки к платью была подобрана шляпка-кибитка, перчатки и бальная сумочка-кисет с бисером и узо-рами. Туалеты были тщательно составлены еще заботами любимой мамы и потому — были особенно дороги. Но девочки за год подросли, и няне пришлось немало похлопо-тать.

— Нужно бы вот это отнести к швее, — беспокоилась она.

Александр Дмитриевич все балы считал «вздором» и «бездельем», а потому не со-бирался тратить на починку платьев дочерей, не говоря о том, чтобы выписать но-вые. Он искренне и с удивлением не понимал, чем плохи для такого случая обычные ситцевые наряды, в которых девочки выходили на прогулку. Ведь это был несерьезный бал, благотворительный, да и девочки еще слишком малы, чтобы шить им настоящие бальные наряды. Замуж выдавать их было рано, а сплясать польку и вернуться домой — для чего столько хлопот?

Сам доктор Бланк в тот вечер в Благородное собрание идти и не думал, пусть даже для этого и было достаточно только перейти через дорогу. И дочерей-то он сперва от-пускать тоже не хотел, но потом поддался уговорам Веретенникова с условием, что тот не спустит с них глаз. Иван Дмитриевич вызвался с удовольствием. Сам же Александр Дмитриевич в свободный вечер собирался в тишине и в спокойствии продолжить рабо-ту над своим медицинским сочинением, которое пора было уже заканчивать. Глядя на отца, Дмитрий сообщил, что тоже останется заниматься уроками.

Около семи вечера к Благородному собранию начали прибывать первые экипажи. Заиграл оркестр, на улице стало шумно и многолюдно. Вечер стоял теплый и распола-гал к прогулкам.

В половину восьмого в дверь Дома преподавателей позвонил городничий. В новом капитанском мундире, с начищенными орденами на груди — с самым важным видом Вайгель держал под руку супругу в бальном платье с широким круглым вырезом, от-крывавшим плечи. Каково же было изумление Федора Ивановича, когда отворивший им доктор Бланк предстал перед ними в турецком цветастом халате и в босовиках.

— Батюшки мои! — только и вымолвил Вайгель, почесывая затылок. — Ей-богу, Александр Дмитриевич, и в нашем городе тоже бывают занимательные маскарады, но не в этот раз.

— Здравствуйте, доктор Бланк, — улыбнувшись, поприветствовала Александра Дмитриевича супруга Вайгеля. — Разве ж вы забыли об городском бале?

— Я и не собирался, — пожал плечами Александр Дмитриевич. — Хотел поработать дома.

— То есть я утром выехал с заимок, чтобы быть тут непременно. Наряжался, плыл на веслах. Отказался от рыбалки, в конце концов! А между прочим, белуга в Каму при-шла! Мой сосед по даче взял в сети одну на двадцать пудов, вот так! Вы бы видели, какая сразу же сделалась суматоха... а вы все это время просто были-с дома? — подивился

городничий.

- Пусть молодежь ходит на балы, мне как-то...
 - Как скучно, Александр Дмитриевич! — расстроилась супруга Вайгеля.
 - Полноте, доктор! — назидательно отчитал Бланка городничий. — Вот вы когда-нибудь вздумаете уехать от нас и будете всем рассказывать, как тоскливо вам было в провинции, что никаких не было ни развлечений, ни увеселений, сплошная доюка. А мы здесь останемся конфузиться за вас и так и войдем в историю как маленький скучный городок... А сегодня, стало быть, все общество собирается и губернатор будет!
 - Я знаю, — отмахнулся Александр Дмитриевич.
 - Впрочем, если угодно, вы можете изволить и в халате пойти... Как думаешь, та *chere*, — обратился Вайгель к своей супруге, — это не сочтут канальством?
 - Я изволю дома остаться, — отказался доктор Бланк.
 - Вот так домосед наш Александр Дмитриевич! — усмехнулась супруга полицеймейстера.
 - Да, кстати, — спохватился Бланк, — разрешите поздравить вас со званием капитана! Мое почтение!
 - Спасибо, Александр Дмитриевич, спасибо, — Бланк пожал руку Вайгелю. — Ну так пойдете-с? Или нет?
 - Или нет. Спасибо, любезный Федор Иванович.
- К крыльцу подошел Веретенников, в сюртуке с белоснежным воротничком, и вежливо поздоровался с городничим и его супругой. Увидев учителя, доктор Бланк зашел в дом и позвал дочерей. Те уже давно и с волнением поджидали и тут же вскочили.
- Только недолго! — предупредил доктор Бланк старшую дочь Анну. — Я буду смотреть из окна.
 - Конечно, папенька!
 - Я за ними пригляжу, — вызвалась супруга городничего. — Здравствуйте, девочки! Какие вы все очаровательные! Какие у вас наряды-то, батюшки! Столичные красоти!
 - Дмитрий разве не идет? — удивился Веретенников.
 - Ему задан урок по словесности, — ответил доктор Бланк.
 - Какая словесность, когда бал?! — не понял Вайгель.
 - Я его спрашивал, он отказывается.
 - Александр Дмитриевич, может, надумаете после бала сыграть в карты? — предложил городничий.
 - Спасибо, у меня сегодня много работы.
 - Ну что ж... ну что ж...

* * *

Веселая шуточная полька всегда открывала вечер, а старшее поколение начинало собираться в зале только к середине вальса, который, впрочем, тоже считался занятием не вполне серьезным и даже в какой-то мере — неприличным. Ни при каких других условиях кавалер больше не мог позволить себе прикоснуться к талии молодой девушки. Именно для этого и был задуман вальс. После него молодежь, как правило, начинала расходиться, а вот господа и дамы, наоборот, только собирались на кадрили. В это же время обычно приезжал и сам губернатор. Заканчивала вечер мазурка, которая считалась главным танцем, ради которого все затевалось.

Станцевав задорную польку поочередно с младшими дочерьми доктора Бланка, Веретенников ангажировать Анну на дурашливый и взбалмошный танец, конечно, не стал, а дождался начала вальса. Только тогда он поклонился своей спутнице, на что Анна ответила грациозным реверансом. Выйдя на середину зала к другим, становящимся на романтический танец парам, рукой в белой перчатке Иван Дмитриевич приобнял Анну, а та положила свою руку ему на плечо. Выяснилось вскоре, что Веретенников знал вальс не очень хорошо и постоянно сбивался. Может быть, не все фигуры получались у него правильно из-за разницы в росте между ним и девятилетней девушкой. Та каждый раз смеялась и подбадривала своего кавалера.

- Вы уж меня простите, Анна Александровна, — смущенно извинялся учитель латыни. — Вот опять я... *caetera desiderantur*.
 - Вы обязательно научитесь, Иван Дмитриевич, — улыбалась девушка, — Вы только не волнуйтесь.
 - Я очень редко бываю на балах, на самом деле, — признавался Веретенников.
 - Отчего?
 - Право, не знаю, Анна Александровна... Да и с кем мне танцевать?
 - Отчего же вы до сих пор не женаты?
- Этот вопрос почему-то заставил Веретенникова бесповоротно покраснеть. Он со-

всем не нашелся, что ответить, а вместо этого снова сбился с такта.

* * *

Подсчитав кассу и торжественно объявив, что вся собранная сумма пожертвованной будет завтра же передана в школу для слепых детей, губернатор пригласил гостей на большой фуршет, а сам попрощался и отъехал домой. Через час, как и условились, в его особняке собрались вечером губернские военные и гражданские чины, и среди них, конечно, — главный пермский рыбак и картежник Вайгель.

Вдоль стен кабинета, обклеенных роскошными французскими лакированными обоями, стояли добротные стеллажи из березы работы крепостных мастеров. Среди многочисленных книг в глаза бросались ряды из редких и подарочных изданий. Но более внимательный взгляд обязательно заметил бы еще несколько десятков весьма старинных корешков. Что это были за книги — в точности никто не знал, но те купцы, что желали обратиться к губернатору со своими ходатайствами, нередко вначале заезжали к букинистам, и тогда их челобитные разрешались значительно быстрее. Огарев был крупным помещиком и в деньгах не нуждался, а вот от коллекционных подарков — отказывался редко.

Принесли настойки. Гости расселись в кабинете.

— Ну что, как подвигаются дела с рабочими в Ревде? — спросил Огарев у губернского прокурора, разливая гостям напитки.

— Почти успокоилось, — кивая, отвечал тот, — всё почти успокоилось.

— Почти? — переспросил Илья Иванович. — Хорошо... Так о скольких погибших то окончательно доложили Государю Императору? Пятьдесят пять? Так и оставили?

— Э-э-м... насколько мне известно, доложили про двадцать шесть, — замялся прокурор.

Губернатор так и замер с вытянутой рукой.

— Это почему двадцать шесть? — опешил он.

— Двадцать шесть, двадцать шесть, — подтвердил прокурор. — Я помню относительно разговора давеча про пятьдесят пять, помню. Но признаюсь... я единона переговорил с горным прокурором, и мы доложили в министерство про тридцать пять... для успокоения. Ну а там, судя по всему, тоже перепугались... я так думаю. То бишь, не знаю в точности, о чем доложили графу Панину, но, насколько мне известно, до Государя дошла цифра двадцать шесть. Да, двадцать шесть, точно...

— Зачем это?! — не понял губернатор.

— Так ведь и граф вступил в должность совсем недавно. Его тоже можно понять, — предположил прокурор. — Обрезали немного нашу цифру, обкорнали-с...

— А ты-то сам понимаешь, что теперь это значит? — Илья Иванович прожег прокурора тяжелым взглядом.

— Понимаю, понимаю, а как же... понимаю-с, конечно, — отводя глаза, тот принялся собирать со своего мундира несуществующие ворсинки.

— Все понимаешь? — еще раз строго переспросил губернатор.

— Конечно...

— Ежели теперь Государь узнает, что только в первый день убитых было сто пятьдесят... то я стану сто пятьдесят первым, а ты сто пятьдесят вторым, — без сомнений пообещал Илья Иванович. — Так-то!

— Понимаю, понимаю... — забормотал прокурор, — то бишь знаю, знаю...

Губернатор опустил в кресло и замолчал. Потом достал трубку и принялся ее раскуривать. В тишине было слышно, как потрескивают свечи.

— А всего по последним известиям-то сколько? — наконец, спросил Огарев.

— Сколько? Всего сколько?.. — задумался прокурор. — Это сложно сказать, после шпицрутенов, может быть, еще пятьдесят, наверное... может шестьдесят... посчитать очень сложно. Вот придет завтра к вечеру донесеньеце...

Губернатор обхватил голову.

— Илья Иванович, — вмешался Вайгель, — Глинку уже с «орлом» на приеме видели. Стало быть, не переживайте, все замнется.

Речь шла о директоре Уральского горного правления в Екатеринбурге и о врученном ему ордене «Белого орла».

— Дали всё же? — невесело усмехнулся Огарев.

— Ну да, — пожал плечами Вайгель. — Почему бы не дать? Или нет?.. Это же Демидовы. Всегда так было. Главное — металл, а рабочих с крепостными — что теперь? Металла мало, а люди что?.. Зачем, извольте, было бунтовать?

— Возможно, возможно, — подтвердил прокурор. — Скорее всего, почти точно.

— За веру, царя и закон? — усмехнулся Огарев, потом поднялся и принялся ходить по кабинету.

— И что? — пожал плечами невозмутимый Вайгель. — Стало быть, что теперь? Раз уж затесалось сюда слово «закон» вместе с «верой» и «царем» — пусть там и остается. Оно вас смущает? Так не давать же теперь орлов без одного крыла в таких случаях? Хе-хе. Ежели рассудить, так и со всей империи столько крыльев с орлов можно пощелкать, что лучше, право... и не начинать сие поползновение. Или нет? Пусть все так и остается...

— Раненых-то сейчас сколько? — прервал Огарев опасную болтовню городничего.

— Так, бишь, около ста, — ответил прокурор, — это почти точно.

— И еще умершие будут?

— Э-м-м...

— Да они привы-ы-ычные, — подхватил разговор присутствовавший в кабинете генерал, командовавший стоявшим в Перми артиллерийским полком. — На Демидовских заводах норма всегда-а-а была выше казенной. И работы сверхокладные всегда были. А то кто же будет лес сплавать, а сено готовить, а дороги чинить? Неужто теперь бунтовать из-за этого? Надо будет — и еще один полк придет. Если хоть раз такое спустить — то завтра и рекруты уже вздумают бунтовать. Мол, не хотим себе кашу варить да портки стирать, домой хотим. Чем тогда дело кончится?

— Вполне может быть, — кивнул прокурор, — очень возможно.

— Они им так и не снизили норму-то? — спросил Огарев у генерала. — Через год снова линейные туда будем отправлять?

— Горное правление сказала снизить на одну пятаю, — пробасил тот, — но только кто их слушать станет? Вот говорят, что это заводской исправник скрыл предписание. Но я не думаю, что это могло быть без ведома Демидовой. Ника-а-ак не могло быть.

— Надо было оставить в Перми горное правление, — посетовал губернатор.

— Зачем? — поморщился прокурор. — Пусть сами хлопочут, а мы от них будем держаться подальше.

— Я думаю, — предположил Вайгель, — Мария Денисовна своим рабочим еще и Пугачева тем самым припоминает. Уж Демидовы хорошо знают, как народ Пугачевскую шайку встречал с хлебом-солью да с колокольным звоном. Еще не одно поколение за эту дерзость ответ держать будет.

— *C'est dangereux, dangereux*, — рассердился Огарев. — Пугачевщина всем показала, что народ способен на бунт. Зачем накалять?

— Все-е-е заводы стоят только на крепостных, — генерал подошел к разволнованному Огареву и дружески положил ему руку на плечо. — Так было и так будет. А если вдруг не станет этого — так не станет и Демидовых. А не будет таких, как Демидовы, — там и... все остальное... Такая особенность страны. Очевидно разумное основание.

— Откуда он вообще тогда взялся, этот Пугачев? — возмутился прокурор. — Как, бишь, из ниоткуда!

Вопрос был явно риторическим, но Илья Иванович решил на него ответить.

— Пугачев не выскочил из ниоткуда-ниги, — губернатор зажег риторическую свечу, обращаясь ко всем присутствовавшим. — Вы не забыли, что из-за Пугачева пришлось отзывать войска с русско-турецкой войны? *Cherchez qui profite*. Все ответы можно найти в прошлом. Если бы мы это помнили, то не наделали бы опять столько глупостей-то.

— Ве-е-ерно, ве-е-ерно. Без денег и без советчиков из Оттоманской империи Пугачева бы не было, — поддержал генерал. — Вот только без турецкой войны не было бы России. Так как же теперь быть? Что выбрать?

— Спорить не стану, не стану, — согласился Огарев. — Но сколько раз Россия нависала над Европой, столько раз она потом и подкашивалась. И самое главное, что се процессус каждый раз начинался — изнутри, а не снаружи. Не столько нас били — сколько мы сами себя били в междоусобицах. Так-то. И вот мы отползаем, побитые, а потом опять собираемся с силами, и все начинается снова и снова.

— Это все университе-е-еты! — не вполне понял его генерал. — Сейчас молодежь вся хочет учиться в университетах. А там учат только, как рукописи вольнодумные читать да с полицией пьяными драться! Нужно прошагать по России солдатским маршем, чтобы понять ее. Мы с вами прошли и Отечественную, и польскую, и зна-а-ам про все это.

— Я все же думаю, что в польской-то войне были допущены ошибки.

— А кто не ошибается?

— Я не про то. Зачем дали полякам сбегать в Европу? Теперь эти...? *migrants* создают... русофобию. А мы еще и сами не прочь им... подсобить, Россию похаять, сами на себя поклеветать, дров в чужой костер подкинуть.

— Скоро голова от политики затрещит, — предупредил Вайгель и вытащил колоду карт. — Есть желающие? Или нет?

* * *

Моше Ицкович к старости потерял не только детей и жену, но и густую шевелюру и большую часть своих зубов, а вместе с ними — и крепкий сон. Когда-то его богатырский храп бывал слышен в соседних избах — мужики тогда завидовали, а бабы крестились. Теперь же, проснувшись еще до рассвета, старик вышел в сад и, оглядевшись в поисках себе занятия, пока не пришла пора открывать шинок, — взялся поправлять обветшавшую изгородь.

Скоро встало солнце. К дому, скрипя и грохоча, подъехала телега молочника.

— Доброго ранку, Моисей Исакович! — весело поприветствовал хозяина розовощекий крестьянин-украинец. — Як ваше здоровья?

— Спасибо, доброе, — ответил Моше, который считал негожим уподобляться простолюдинам, а потому с единокровцами разговаривал на идише, а с крестьянами — только по-русски.

— Як урожай? — спросил молочник.

— Хороший, хороший, — покивал старик и подошел принять сыр и глечик с парным молоком.

— Торгивля як, м-м-м?

— Да худо-бедно, худо-бедно... А как же у твоей супружницы здоровье? — соблюдая приличия, осведомился в свою очередь шинкарь. — Ты говорил, она захворала? На спину жаловалась?

— Та ничего, ничего, помаленьку... ну... — закончив с вежливостями, молочник перешел к делу. — А що, болтают, вы со старою Параскою судитися збираетесь? Правда ли, м-м-м?

— Придется, видимо, придется, — посетовал Моше, разворачивая тряпицу с монетами, чтобы расплатиться за продукты. — Совсем из ума выжила, карга. Никак Господь не приберет к себе ее обглоданные кости. Видимо, за ее смертью кого-то ленивого послали.

— Он воно! Куда там прибере! — рассмеялся молочник. — Вона ще в Житомире переживе, ще на наших похоронах станце.

— Тьфу на тебя, тупун тебе, — сплюнул старик.

— А що ж она вам, богато должна?

— Может, и немного, — пожал плечами Моше, — а почти пятнадцать рублей набегло. Деньги же.

— Деньги, конечно, как не деньги? Ще какие... Так а за що ж?

— Как это? — удивился старик странному вопросу. — Те, что в долг брала. За что же еще? Думаешь, я ни за что с нее требовал бы?

— О як цикаво! — удивился крестьянин. — А навищо ж ей потребно було?

— Так разве я спрашивал? — пожал плечами Моше. — Мне какое дело, зачем ей. Брала деньги — нехай теперь отдает.

— Що ж вона не виддає? — как будто удивился молочник.

— Говорит, будто нечего отдавать. А мне какое дело? Мне до того и дела нет. Разве не так? Какое мне дело — есть чего или нечего? Так?

— А що как и справди? — предположил молочник. — Вона як овдови́ла, так и зовсім худо зажила, м-м-м?

— Так что мне с того? — хмыкнул шинкарь. — Я тоже вдовец. И что?

— Скильки ж вона у вас брала? — не унимался крестьянин.

— Да десять рублей почти, — подсчитал Моше.

— Он воно! А виддавати ужо пятнадцать?

— А что ж я, бесплатно ей деньги давать должен? С чего бы это? Вот и набежало с десяти рублей — пятнадцать. И еще больше того набежит, если она платить не будет.

— А ежели вона в нужде, м-м-м?

— А я разве богач? — догадавшись, к чему наглец клонит, старик начал сердиться. — Похож я на богача, что ли? Погляди на меня. Ну? Богач я, чтобы пятнадцать рублей кому-то простить? Или десять? Да пусть хотя бы пять отдаст! Об чем ты мне толкуешь?

— Так хибя ж теперь не простите? По-християнськи? — попросил молочник.

— Чего? — оторопел Моше. — Клейма на твоей Параске Егоровне негде ставить, какое там христианство! Бесчестная она как была, сколько я ее знаю, что здесь живу, такой и осталась. Почто божилась, что отдаст, если отдавать нечем? С чего же я буду прощать? Начнешь кланяться низко — так и на шею сядут. Начхать мне! Бог простит. А я — разве Господь? Нехай до попа идет, чтобы он ее простил.

— Воля ваша, — вздохнул молочник с укоризной, — а только по-християнськи треба прощати бедняков. А Параска Егоривна хоч и чертиха, а все же биднячка. Нехорошо.

— Что же ты, — задумался Моше, — просить за нее собрался? С чего бы это? А может, ты мне еще заплатишь вместо нее?

— Он воно! Куды мени! — рассмеялся крестьянин. — Мени пятнадцать рублей треба робить — ого-го... А вам що? За день в шинку и сто пятьдесят выходить, м-м-м?

— Какое сто пятьдесят! — возмутился Моше. — Ты в своем ли уме? Ты хоть раз видел в своей жизни сто пятьдесят рублей? Иди-ка ты вон отсюда! Чужие деньги считаешь — свои считать сначала научись, оборванец! Потому вы селяне и нищенствуете, что цену деньгам не знаете. Подумаешь должна — простить, и все. Сейчас-ка!

— Про кого це вы? — внимательно посмотрел на старика молочник.

— Что? — не понял Моше.

— Не по-христианськи! — еще раз попытался тот воззвать к совести скряги. — Вона ж и в церкви ходит. И за вас помолится. Отчего не простить?

— Я тоже крещеный, — стукнул себя в грудь Моше. — При чем здесь деньги?

— Вы-то видимо, як крещеный...

— Это ты что хочешь сказать?

— А ничего.

Поняв, что разговаривать больше не о чем, молочник принялся поворачивать лошаадь, однако старик подошел к нему и выхватил из рук поводья.

— Чего это ты заторопился, куда? — остановил его Моше. — Ответ уж теперь на мой вопрос. Как это я — не так крещеный? Ты сам-то что, разве ровнее всех перед Господом? Или ты как-то особенно крещеный, не как все? Отвечай!

— Христианин повинен допомогати христианинови, — вместо этого заметил молочник, глядя глаза в глаза шинкарю. — Прощати христианина!

— Поди-ка ты... до попа, — злобно ответил ему Моше. — Ему и Расскажи там... про христианство. Попроси свечку дать бесплатно. Службу попроси отслужить бесплатно. Дом освятить попроси, бесплатно покрестить. Узнаешь, согласится ли он. Молоко мне бесплатно почему не возишь? Или ты не христианин?

— Молоко це труды полезные, — ответил крестьянин. — А ось багатиеви утискати бидняка — не добре.

— Кто богатеи? Я, что ли? Так, может, мне и рубаху свою отдать? Забирайте, люди, кто тут сам без рубахи, возьмите мою. Штаны снять? Хочешь, сниму? Надо тебе мои штаны? Я прямо сейчас сниму. Хочешь на мой зад посмотреть?

— Рубаху не треба, а простити можно, — настаивал молочник.

Старик поозирался по сторонам, думая, какой бы привести пример дураку. По траве под ногами проскакала лягушка.

— Ну вот погляди, — показал на нее Моше. — Видишь ты эту лягушку?

— И що? — не понял крестьянин.

— Ты как думаешь, чем она занята целый день?

— Мабуть, тим же, чим и все. Ище соби прожиток, — предположил молочник.

— Да, верно, — кивнул шиночник. — Ну а какой прожиток она себе ищет? Чем питается?

— Видомо, комарами. Чи не бортом.

— Да, это так, не борщом, — рассмеялся Моше. — Ну а комары — они полезные или вредные?

— Чим же вони можуть бути полезные? — не понял молочник, продолжая разглядывать скакавшую у него под ногами лягушку.

— Или цапля — вредная или полезная?

— Чапля птах красива, струнка, — рассудил крестьянин.

— А чем питается «чапля»? — усмехнулся Моше.

— Положення, що жабами. И що з цього?

— Так выходит, что комары нужны, чтобы ты мог полюбоваться цаплей? Выходит, что они полезные, комары? Так Господь задумал?

— Не знаю, що сказати про комарив, а ось жабы дуже полезные, — разоткровенничался простодушный молочник. — Якщо жабу покласти в молоко, то воно не скисне килька днів, це все знають.

Моше подозрительно поглядел на купленный им глечик.

— И часто ты так делаешь? — спросил он.

— Та нэ-э-э, — отмахнулся крестьянин, — навищо мини так делати? Совсем нема чого.

— Ну ладно, — решил попробовать по-другому Моше. — Давай не будем про лягушек. Вот скажи мне, зачем человеку нужно богатство? Полезно это или вредно для него?

— Багатство трудами праведными не пипнешь! — без сомнений отрезал молочник.

— Почему же кто-то тогда становится богатым, а другой остается бедняком? Выходит, и это Господь задумал? А почему?

— Богохульствуете? — испугался молочник.

— Ты пойми, богач должен быть примером для бедняка. И бедняк тогда увидит, к чему ему можно стремиться. Не понимаешь? Ведь ежели человек не будет ни к чему стремиться — он совсем разленится. Вот ты — что ты скажешь Господу, когда на Страшном суде спросят, ленился ты или нет? А?

— Раше це спрашивают? — удивился крестьянин.

— А как же! — заверил Моше.

— Чому тоди один народиться купцем, а инший селянином? Чи не пойму.

— Ты что, сомневаешься, справедлив ли Господь? — повысил голос старик.

Молочник открыл рот.

— Н-н-немаэ, — только и вымолвил он. — А... а чому тоди?

— А может, дело-то все в том, что это ты, болван, не можешь постигнуть замысла Божьего? И потому не понимаешь? Так кто из нас богохульствует?

Молочник крепко задумался.

— Так вот, — продолжал Моше, — если ты не понял, то погляди на мою яблоню. Как тебе яблоки на ней?

— Ничого, хороше, — пробормотал крестьянин.

— А почему же их тогда грызут черви? Зачем это? Выходит, Господь создал дурных червей, чтобы они точили мои хорошие яблоки? Зачем?

— И навищо ж?

— А затем, болван ты этакий, что для Господа нет ни дурной твари, ни хорошей. Все равны перед ним — и бедняк, и богач, и купец. И тот из них, кому Господом послано богатство, ответ за свои грехи будет нести больший. Когда Господь стришет своих овец — дрожат ягнята. Слышал такое? Так зачем есть богатство? Отвечай.

— Навищо? — совсем оторопел молочник.

— Затем, что в твоей голове каша с киселем! Запомни, маленькая птичка не несет больших яичек! Чем больше у доброго человека денег — тем больше он может сделать добрых дел!

— А якцо вин выявиться гришныком?

— Тем больший ответ он, значит, будет держать перед Господом. У кого ботинок жмет — знает только тот, кто его носит, понял? Не тебе об этом рассуждать. С тебя-то, леший, и спросить будет нечего на том свете, голодранец.

— Хто... хто... хто гроши в рост биднякам позычати и свий кишеню на чужий биди набивае, нияк... нияк не може бути християнином, — молочник вырвал из рук у Моше поводья от своей лошади и, злобно оборачиваясь на старика, поторопился уехать.

Моше грязно выругался и плюнул вслед добросердечному «християнину». Придет-ся теперь искать другого молочника, будь он неладен со своими жабами.

Глава 5

— Обождите-ко, сударыня!

Возница спрыгнул с козел, чтобы осведомиться у местного извозчика, как найти Дом преподавателей. Сонный мужичок помахал руками, но вотяк никак не мог его уразуметь и тогда кивнул на своих пассажиров. Оглядев их, мужичок отряхнулся и вызвался сам сопроводить тарантас.

Когда прибыли к месту, извозчик подошел к экипажу, поклонился дамам и спросил на водку. Катерина сунула ему пару медяков и попросила помочь занести вещи.

— Тетушка Катерина приехала! Приехала! — завидев в окно тарантас, девочки выскочили на улицу.

Нацеловавшись, наобнимавшись с детьми и няней, Катерина принялась за расспросы.

— Папенька на день рождения заказывали вот такой яблочный пирог! А еще мы ходили на бал, самый-самый настоящий!

— Дмитрий! Как ты вырос, — удивлялась Катерина. — Возмужал!

Скоро заблаговестили к вечерне. Через полчаса со службы вернулся и сам Александр Дмитриевич.

— Друг мой! — вскинул он руки от неожиданности, увидев Катерину. — Здравствуй, милая! Здравствуй!

Катерина протянула руку. Доктор Бланк взял ее в свою и поцеловал, а потом обнял любимую. Простив эту слабость, та не отстранилась.

— Давайте завтра устроим пикник в саду! — радовались девочки.

Пока детей укладывали спать, дворник с Александром Дмитриевичем отправились в западное крыло дома и раздобыли вторую кровать и ширму. Дальняя комната в квар-

тире Бланков из спальни-кабинета стала превращаться в спальню, кабинет и будуар.

— Расскажи теперь, как ты сам здесь живешь, — спросила Катерина, снимая платье за раздвинутой ширмой.

Как живу?.. — задумался Александр Дмитриевич, любясь движениями теней. — Право, и не знаю, мой друг, что тебе сказать. Вроде бы столько всего — а что сказать? И не знаю толком.

— Тогда расскажи, с кем познакомился, какое здесь общество?

— Невзрачное, — грустно усмехнулся врач, — это если одним словом.

— Почему же?

— Хм... Вот кажется сперва, что живут все тихо и мирно, просто и хорошо, такие милые люди, гостеприимные... но на деле, как сведешь знакомство поближе... то ли выть хочется, то ли сбегать куда-нито поскорее. То ли и того, и другого.

— Отчего же?

Катерина вышла к Александру Дмитриевичу в длинной ночной рубашке и с распущенными волосами. Тот встал и попытался приобнять ее, но девушка ускользнула. Подойдя к этажерке, на которой стояло маленькое зеркало, Катерина стала расчесывать волосы.

— Так отчего же? — переспросила она.

— Хм... — снова задумался Александр Дмитриевич. — Оттого, пожалуй, что все гостеприимство здесь только от скуки и от лени. А на деле все опостытели друг другу — хуже редьки... И я для них как обезьянка в цирке — только для развлечения от безделья, понимаешь? Каждый только и думает, как бы набить свое брюхо да за какой-нибудь субреткой поволочиться... Вот и все, что здесь действительно интересно. Да обсмеивать это потом во всех деталях, так и эдак.

— К кому же ты ходишь с визитами?

— Зарекся я наносить здесь визиты. Да и какие могут быть визиты — с утра до вечера работа, и еще часов в сутках не хватает.

— И как у тебя идут дела на службе? — Катерине все было интересно, и она начинала сердиться на уклончивые ответы Бланка.

— А вот про это даже и не спрашивай, — с грустью покачал тот головой. — Крутом казарма. Туда не ходи, про это даже не думай. Во все вмешиваются, в самую мелочь, вот как быть? Только мешают! Самое выгодное — сидеть тихо и не высовываться. Как все и делают. Руки опускаются. Любая задумка, даже малейшая — уже дерзость и вольнодумство... Только я так не могу, Катенька, вот и получаю по шапке раз за разом. Чувствую себя щукой в пруду с карпами. Вот только надолго меня так не хватит.

— Что-то ты совсем нос повесил, Саша? Я тебя как будто и не узнаю, — Катерина подошла к кровати и присела рядом.

— Правда?.. Пожалуй... Я и сам себя не узнаю.

— У тебя было столько задумок, намерений. И что, где они? — заглянула она в глаза Александру Дмитриевичу. — А как твой труд?

— А вот! — глаза Бланка зажглись, он вскочил, подошел к столику и стал перебирать рукописи. — Погляди, вот! — он показал исписанные мелко листы, плоды бессонных ночей. — Идет дело, идет, — похвастался врач. — Только никак не могу написать вступительное слово. Хм... хочешь послушать?

— Это про водолечение?

— Да! — Катерина пожала плечами. — Я думаю начать вот так... — Бланк закрыл глаза и принялся декламировать на память: — «Мы чрезвычайно стремимся к познанию истины. Но не будем забывать, что даже самого понятия этого непременно надлежит опасаться. Как правило, в тот момент, когда нам опрометчиво кажется, что мы постигли искомую суть вещей, оказывается, чаще всего, что саму истину мы ухватили лишь в крошечной ее крупице. А об остальном, большей частью, продолжаем только догадываться. Но не бойтесь обнаруживать нетерпение и продолжайте дерзать...» Вот тут у меня загвоздка, — Бланк сделал шаг в сторону. — Если я сам утверждаю, что все попытки к познанию почти бесполезны, — поднял он указательный палец, — почему же я предлагаю все равно дерзать? Тут я, честно сказать, застопорился, — Бланк развел руками и вопросительно посмотрел на Катерину, ожидая совета, — девушка посмотрела куда-то мимо него и ничего не сказала, а только еще раз пожала плечами. — Да, еще, я писал в Петербург, — перевел тему доктор, — в министерство, насчет нового места службы.

— И что? — повернулась Катерина.

— Ничего. Нет мест свободных нигде. Отказано.

— Может, баронету Виллие написать? — предложила девушка. — По-родственному, как к крестному?

— Да что ты! — всплеснул руками Бланк. — Нет, нет, ни в коем случае, нет... Да и что

он может сделать? Теперь уже равным счетом ничего... Но даже и не поэтому. Я просто не стану.

— Когда-то от одного его слова открывались все двери. Почему бы и не в этот раз?

— Потому что раньше его просто боялись, чтобы ему перечить. А теперь слишком боятся, чтобы я мог ему написать.

— Неужто ли такой страшный человек?

— Ты же его видела...

— Только мельком.

— И ты не знаешь, отчего его боятся?

— Только то, что ты мне сам говорил. И больше ничего.

— А я бы остергался человека, который сначала определил смерть Павла от апоплексического удара табакеркой, а потом расписался в смерти исчезнувшего Александра в Таганроге... Но главное, конечно, не в этом, ты понимаешь, а в том, что я чувствую себя перед ним все еще... обязанным. Не будем об этом, я тебя прошу.

— Я думала, вы давно с ним в расчете, — удивилась Катерина.

— Возможно... Все, что нужно было спрятать, никто и никогда уже не найдет. Видишь — я здесь, служу и вполне намерен дослужиться до дворянства. Я это понимаю, грех бы жаловаться... Но ты сама видишь, что жалуясь. Хотя и запрещаю себе.

— Да, — кивнула Катерина, — как это ни странно, но сейчас ты жалуешься.

— Я знаю, что ежели бы не это, то мое место было бы в Житомире. Во всяком случае, я про это не забываю.

— Что это еще такое? — возмутилась Катерина.

— Я понимаю, что должен быть благодарен и держать язык за зубами. Да. Что я и делаю. Но и писать я баронету ни за что не стану. Поэтому давай и мы кончим этот разговор и больше не станем об нем вспоминать.

— А отцу ты не писал?

— Нет у меня отца.

— И он не писал?

— Как он меня найдет?

— И ты не хочешь?

— Нет.

— Саша, посмотри на себя. Ты столько потерял. Отца, мать, жену, дочь. Что еще ты намерен потерять, прежде чем начнешь дорожить тем, что у тебя есть?

— С чего ты думаешь, что я не дорожу? — долго молчали. — Что Каролина Карловна? — решился, наконец, Бланк. — Что она теперь, обо всем этом?

— Что говорит? — Катерина пересказала последний разговор с матерью. Александр Дмитриевич покачал головой. — Ладно, давай-ка ложись спать, тебе завтра рано на службу, — предложила Катерина. — Утро вечера мудренее. Не думай ни о чем. Все будет хорошо. Обещаю.

— Я счастлив, что ты приехала, — доктор Бланк снова взял ее за руку. — Только с тобой я могу быть искренним. Вот как сейчас.

Катерина вывернулась, поцеловала Александра Дмитриевича в лоб, встала, задула свечи и ушла в свою половину комнаты.

Бланк поднес к лицу ладонь и вдохнул цветочный аромат духов.

* * *

Солнце догорало и клонилось на северо-запад. Тонкая полоска из облаков по самому краю горизонта вдоль Камы вспыхнула и стала переливаться из янтарного в коралловый, а потом в лиловый. Как только шарик цвета жженого апельсина окончательно завалился за реку, захватив за собой последние дни лета, — голубая даль сразу стемнела, ветер потащил по земле первые опавшие листья, а по воде разошлась рябь. Еще мгновение назад золотившаяся в закатных лучах Кама — стала бледнеть и тускнеть, сначала с одного берега, а потом и с другого, превращаясь из сверкающей красавицы в серовато-синюю, холодную и пугающую своими омутами незнакомку.

Пермь гасила свечи и погружалась в ночь. С северо-востока поднималась луна, расчерчивая в саду Дома преподавателей узорчатые тени резким и холодным светом.

Весь день сердце Пелагеи Логиновны давила тревога. Поначалу удавалось от нее отмахиваться — да это и нетрудно, когда домашние хлопоты занимают все силы и все время, заставляя забывать саму себя. Но только вот к вечеру беспокойство усилилось. Не вполне еще понимая, что его могло вызвать, Пелагея наскоро уложила детей и, как только стемнело, вышла в сад. Крепко сжимая руки, она сидела теперь в беседке и поглядывала на калитку, поджидая Федора Афанасьевича, который задерживался в гимназии.

Прядильщиков вернулся за полночь. Не найдя нигде свою супружницу, он догадал-

ся, наконец, подойти к окну. Отдернув штору, Федор Афанасьевич сразу заметил знакомый силуэт в лунном свете. Сообразив прихватить теплую шаль, он поспешил к беседе.

— Ты? — узнала супруга по шагам Пелагея.

— Голубушка, а я-то думал, что ты давно спишь, — удивился Федор Афанасьевич, стараясь говорить вполголоса, чтобы не потревожить соседей. — Осень идет, холодает вечерами. Вот возьми-ка. Лучше бы пойти в дом, — он расправил шаль и укрыл плечи.

— Спасибо... А я просто решила тебя повыждать... Думала, ты уже скоро будешь. Ну давай еще немного посидим?

— Хорошо, конечно... — согласился Прядильщиков. — Так ты давно здесь?

— Не знаю, — пожал плечами Пелагея. — И давно, и недавно.

— Любопытно, — вскинул брови Федор Афанасьевич. — Я же сказал, что буду сегодня поздно. Зачем было меня ждать? Еще и в саду. А ежели простудишься? Дай-ка мне твои руки. Вот какие холодные!

— Ну и что с того?

Прядильщиков присел рядом.

— Все хорошо? — обнял он Пелагею. — Об чем-то задумалась? — та не ответила, а снова пожал плечами. — Ух, какая луна дородная. Красиво!

— Как у тебя дела в гимназии? Устал? — спросила Пелагея.

— Ох, да, едва успеваем, — пожаловался Федор Афанасьевич. — Еще ревизия должна была прибыть, но так и не было никого. Видать, назавтра будут. Значит, снова задержусь... Такая суета, прямо с рассвета до заката... Директор ходит весь красный. От одного его вида все остальные сразу становятся белыми, — попытался пошутить Прядильщиков. — А впрочем, все это просто суета и больше ничего, — махнул он руками. — Директор наш думает, что ежели прекратит распоряжаться, так весь мир вокруг непременно остановится... Да и ладно, чего там, мелочность это все... Расскажи лучше, как у тебя день прошел?

— Что? — переспросила Пелагея, прослушав вопрос.

— Ты меня не слушаешь?... — прищурился Федор Афанасьевич. — Я хотел спросить, как прошел твой день. Какие новости?

— Ничего особенного, — пожал Пелагея плечами.

— Так все, значит, хорошо?

— Да, хорошо... большею частью...

Федор Афанасьевич внимательно посмотрел на супругу.

— Как это большею частью? — не понял он. — Что же, ты думаешь, я не замечу, что с тобой что-то неладное? Я и по глазам вижу. Что стряслось? Ты чем-то встревожена. Что за досада?

— Нет, нет... А впрочем...

— Так говори, раз уж я заметил.

— Вот, у доктора Бланка свояченица вчера приехала, — не удержалась Пелагея.

— Приехала? Ладно. Очень уж он ее ждал... Ладно. И что? — спросил Прядильщиков, еще не понимая, к чему это было сказано.

— Так ты уже знаешь, что она приехала? — внимательно посмотрела на своего супруга Пелагея.

— Откуда мне?... Бланк только говорил, что скоро ждет... Говорил, что дети ждут, — развел руками Федор Афанасьевич. — Так что же?

— Дети ждали? Или он сам ее ждал?

— А какая разница? — нахмурился Прядильщиков. — Об чем это ты? Растолкуй-ка мне сперва, а то я совсем не пойму. Что стряслось?

— Какая разница? Впрочем, не знаю... — задумалась Пелагея. — И правда: никакой... Вот только не хотела бы я, если умру, чтобы к тебе на следующий день какая-нибудь мадмуазель прибыла.

— Что? — рассмеялся Прядильщиков. — Ты уж, душенька, пожалуйста, не умирай... Полюшка, пошли-ка в дом, холодно совсем становится, — попросил он, переменяя тему. — Выпьем чаю, там и настроение твое, глядишь...

— Ты мне не хочешь ответить? Ежели бы меня вдруг не стало, — перебила его Пелагея и посмотрела Прядильщикову в глаза. — Ну вот положим, что не стало меня. Как скоро ты заменишь мне приищешь?

— Друг мой, Пелагея Логиновна, — опешил Федор Афанасьевич, наконец, сообразив, о чем печалится его супруга. — Что это у тебя за разговоры? Какая может быть замена?

— Обыкновенные разговоры... Только не ври.

— Право... — растерянно развел руками Федор Афанасьевич. — Какой может быть разговор?

— А ты ее видел?
— Кого же, душенька?
— Свояченицу у Бланка.
— Нет, конечно. Где мне было ее увидеть? Я дома-то последние дни не бываю. А что с ней не так?
— Супротив, все очень даже так с ней. Дама такая, вся из себя, прямо барыня. Извольте да позвольте... Еще разглядишь, — Пелагея вздохнула.
— И что с того? — вдруг разозлился Прядильщиков. — Какое дело?
— А никакого, совсем никакого. Только и есть дело, что будет она теперь перед твоими глазами ходить каждый день, вся собой жеманная мадам. А ты как ее заметишь, так и глаз отвести не сможешь. А потом на меня посмотришь — и все.
— Что? Да ты же ревнуешь? Да? Вот так оказия. Конечно, ревнуешь. Да? — Федор Афанасьевич не сдержал улыбки. — Вот так номер!
— Может, и ревную. Жена я тебе или нет? Могу ревновать? — вспыхнула Пелагея.
— Конечно, жена. Какие могут быть сомнения? Пожалуйста, ревнуй, если была бы причина, — Федор Афанасьевич взял супругу за руку. — Друг мой ситный, право, даже слов нет, что и сказать...
— Может, и не с чего. А может, и есть с чего... Плохо я, думаешь, мужчин знаю? Ты думаешь, я сама не вижу... А еще через десять лет...
— Кончим-ка мы лучше это дело, — оборвал ее Прядильщиков. — Что за разговоры?
— Так и скажи, что все, об чем я говорю, это пустяки, — Пелагея одернула руку и отвернулась. — Не было несчастья, так мадам к нам приехала столичная.
— Так, прекрати, я прошу! — Прядильщиков вскочил с места. — Во-первых, она приехала не к нам, а во-вторых... об чем речь? Пойдем-ка домой!
— Иди сам... А я еще посижу...
— Глупости! — Прядильщиков потер нос и сел обратно. — Право, глупости.
— Конечно, конечно... просто глупости... Вообразить, что если ты вышла замуж один раз — то муж теперь навсегда будет только твой. Какие глупости!
Прядильщиков снова встал, схватился за волосы и принялся шагать по беседке.
— И что ты с ним сошелся, с этим Бланком? — продолжала Пелагея.
— И не знаю, право... — задумался Федор Афанасьевич. — Бывает интересно поговорить с новым человеком. Он про медицину, я про словесность... Почему бы и нет?
— Ну и про женщин тоже разговариваете? Обсуждаете, наверное, всякое...
— Я не понимаю.
— Разве я тебя осуждаю?
— Он интересный человек, — еще раз попытался объяснить Федор Афанасьевич, — а что до его личного, так мне и вовсе никакого нет дела. Да и тебе не должно быть. Совсем не наше это дело.
— Мне бы не хотелось, чтобы...
— А что случилось? — недоумевал Прядильщиков.
— А ты на дочерей его посмотри. Чему он их научит?
— А это и вовсе не наше дело.
— На самом деле, мне не хочется, чтобы ты якшался с той мадам, — объяснила Пелагея.
— Да я же в глаза ее не видел! Об чем мы толкуем сейчас?
— Еще увидишь... Я-то чувствую, что все это не к добру. Не знаю, в чем именно дело, но не к добру.
— Ну вот что, — Федор Афанасьевич перестал шагать по беседке, развернулся к супруге и встал на одно колено. — Ежели ты во мне вдруг засумневалась и даже ревнуешь, то мне ничто не остается, как заново тебя ангажировать. Тогда, Пелагея Логиновна, согласны ли вы снова стать моей женой и пойти домой пить чай? Но только точно ответьте! Мое сердце в ваших руках теперь, и только вы можете решить мою судьбу...
— Уйди ты! Я с тобою сурьезно... — не слушая более ничего, Федор Афанасьевич схватил Пелагею под руки и потащил в дом. — Федя!
— Я так рад, что вы, кажется, согласны! Во всяком случае, я так думаю.
— Федя, отпусти немедленно! — попыталась сопротивляться Пелагея. — Я с тобой поговорить хочу!
— Я понимаю твою радость, но ты же весь дом перебудишь. Сейчас вот только унесу тебя, и там кричи, душенька, что есть силы.
— Да отпусти уж, сама пойду.
— Обманешь, лучше не брыкайся.
Дверь дома захлопнулась, в квартире Прядильщикова погасли свечи, в саду настала тишина.

* * *

Воскресным утром Александр Дмитриевич долго не показывался из спальни. Пока Катерина музицировала с детьми, разучивая привезенные из столицы пьесы, Бланк надевал сюртук, перемерял все свои галстуки и выбрал серый в белую линейку. Потом долго и тщательно расчесывался и укладывал бороду, оглядывая себя в зеркале. Наконец, вышел к семье.

— Папа? Вы куда-то уезжаете? — первой заметила его Анна.

Катерина обернулась и прервала игру.

— Саша, ты куда?

— Нет-нет, — улыбнулся Бланк, — сегодня я никуда не уезжаю, не волнуйтесь. Дети, у меня есть важное объявление. Катенька, прошу тебя, подойди, — протянул он руку.

Не вполне еще понимая, что Александр Дмитриевич задумал, Катерина встала и подошла к нему.

— Что-то случилось? — с волнением спросила она.

— Нет, напротив, теперь все будет очень хорошо, я так долго этого ждал... мы оба ждали, — Бланк поцеловал руку своей любимой и обернулся к детям. — Милые мои, — начал он, стараясь быть торжественным, — я так рад, что мы все сейчас вместе. И хоть из-за моей службы нам пришлось на какое-то время уехать из Петербурга, но, во-первых, я вас заверяю, что мы скоро вернемся домой, а во-вторых — здесь у нас есть прекрасная возможность, чтобы... узнать настоящую цену того, что такое семья... потому что мы можем поддержать друг друга, и никакие трудности не смогут нас разделить. Я очень счастлив и благодарен тебе, милая моя, что ты приняла решение и что ты здесь... — повернулся он к Катерине. Та с нарастающим беспокойством смотрела на Александра Дмитриевича. Он упреждительно взял ее за обе руки. — Дмитрий, девочки... — Бланк неожиданно и сам начал волноваться. — Я хочу, чтобы так было всегда. Чтобы мы были вместе... я хочу сказать, как сейчас... чтобы этот момент... — Александр Дмитриевич зашпунлся, потом стал шарить в кармане и дрожащей рукой вынул кольцо. — Катенька, милая моя... Нет, не так... — Бланк встал на одно колено. — Дорогая моя Екатерина Элеонора фон Готтлиб, согласны ли...

— Нет, нет, нет, — девушка теперь все поняла и испуганно сделала шаг назад. — Только не это, Саша! Я тебя умоляю!

— Любимая моя...

— Нет, я прошу тебя, Сашенька, не продолжай, — Катерина отвернулась.

— Почему нет?

— Тетушка Катерина будет нашей мамой? — радостно догадалась маленькая София.

Дмитрий сел на стул и почесал голову.

— Для всех нас ты теперь значишь гораздо больше... — уверенно продолжал Бланк.

— Нет, нет, больше ни слова, Сашенька... — Катерина в страхе подскочила к Александру Дмитриевичу и зажала ему рот дрожащими руками. — Нет... молчи... убери это, — она взяла кольцо и положила Бланку обратно в карман. — Даже не говори об этом больше никогда... нет!

— Как «нет»? — опешил Александр Дмитриевич. — Почему же?

Хлопнула дверь.

Подняв глаза, Бланк заметил, что Маша выбежала из комнаты. Немного помешкав, Анна вышла следом за ней.

— Что вы? — спросил Бланк. — Софушка, ты рада? Любушка? Катюша?

Девочки растерянно стояли, не зная, что сказать.

— Выйдите, — строго попросила их Катерина.

— Почему? — не поняла София.

— Да, почему? — переспросил Александр Дмитриевич. — Что такое, милая?

— Нам с вашим папой надо поговорить, — отрезала Катерина.

— Ты будешь нашей мамой? — с надеждой переспросила София.

— Потом мы поговорим с вами. Идите! — повысила голос Катерина.

Дмитрий очнулся, схватил девочек в охапку и вместе с ними поспешил выскочить из комнаты. Ничего не понимая, Бланк сел в кресло.

Катерина отошла к окну, стараясь не выдать накатившихся слез. Отодвинув тяжелую портьеру, она поглядела на пустую улицу.

— Почему? — с трудом вымолвил доктор.

— Что ты делаешь, Саша? Что ты сейчас делаешь?

— Я люблю тебя... Так почему же?

— Этого не может быть и не будет, разве ты не видишь?

— Почему?

— Почему?... Действительно, почему. Тебе нужна причина — почему. Тебе недостаточно просто моего отказа. Должна быть причина. Ну хорошо. Хотя бы потому, что согласишься на такой брак ты никогда не получишь... Вот и причина нашлась.

— Согласие у меня уже есть! — Бланк радостно вскочил, быстрым шагом вышел из комнаты, а потом вернулся с бумагой в руках. Развернув, он протянул ее Катерине. — Вот оно! Ежели дело в этом — вот!

— Это что? — не поняла девушка.

— Я уже отправил прошение. И более того, я получил разрешение. Читай сама, милая. Ну же!

Катерина взяла бумагу. В ее глазах потемнело. Она протянула документ обратно Бланку.

— Как ты это получил?... Скрыл?... Скрыл?!

— Про Анну? — удивился врач. — А зачем это посторонним знать? Кому какое дело?... Не станем жить прошлым!

— И ты зовешь меня в брак... вот так, обманом?

— Почему обманом, Катя? Это только наше дело и больше ничье. Ведь мы с тобой не суеверы.

— Конечно, нет. Не суеверы, — горько усмехнулась девушка, — просто родственники. Зато не суеверы...

— Наши жизни продолжают. И я бы хотел, чтобы ты была рядом со мной. Теперь это возможно как никогда... Мое сердце тоже не на месте...

— Не на месте? Твое сердце не на месте?... А лучше бы мы были суеверами... — девушка осеклась. — И как же тама? Ей ты что скажешь?

— Мы ей можем ничего и не говорить, — предложил Бланк. — Мы можем тайно повенчаться здесь.

— Венчаться? — ужаснулась Катерина. — И ты хотел меня позвать венчаться? Еще один обман, только теперь перед Господом? О, Боже...

Александр Дмитриевич хотел обнять Катерину, но она вырвалась.

— Нет... нет... Мой ответ — нет. И больше никогда... никогда не начинай этот разговор... Никогда, слышишь, Саша?... Никогда этого не будет!

— Что?! Об чем ты? Наши судьбы навсегда связаны...

— Какое жеманство!

— Что?!

Бланк зашагал по комнате, отстукивая каблуками.

— Я не твоя собственность, и ты не можешь мною распоряжаться, как тебе вздумается, — все больше сердилась Катерина. — Почему ты не поговорил сначала со мной? Неужели ты думал, что я — соглашусь? Ежели Анна у тебя просидела в затворницах, то я — не она!

— Я так старался ее сберечь. Как ты можешь судить...

— Ты ее даже не хотел слушать.

— Катенька!

— Если бы ты хотел ее сберечь, ты бы никогда... О, Боже... Что мы наделали?

— Что ты говоришь?

— Я не она. Повторяю тебе. Я писала тебе, что приехала к детям! Это все, что я хотела тебе сказать.

— Зачем ты так сурова?

— Я?! Сурова?! — вскипела девушка. — Что ты говоришь, Саша! Ты сейчас думаешь только о себе. Твое сердце каменное? А вот мое — нет! Ты хочешь, чтобы оно и вовсе разорвалось? Зачем ты это делаешь?

— Согласись, — робко попросил Бланк еще раз. — Катенька, перемени свое решение, не запирайся. Согласись. Неужели ты боишься чьего-то порицания?

— Замолчи! Что ушло не возвратимо — тому уже не бывать. Замолчи!

— Ты разве не хочешь?

— Ты разве меня не слышишь?

— Я хотел тебя обрадовать. Я так тебя... люблю!

— Нет, милый мой. Я тоже тебя люблю, — смягчилась Катерина, — но мой ответ «нет».

— Признаюсь, такого я не ожидал... — остановился Бланк. — Знаешь, я полагаю, мы скоро уедем отсюда. Я жду повышения. И на самом деле, я бы хотел, чтобы ты вернулась в Петербург моей законной женой. Только поэтому спешу. Я бы хотел, чтобы ты не было сумнений насчет моих намерений. Чтобы ты не думала... что я... обманом. Как ты могла такое подумать?

— Сашенька, милый, — Катерина подошла к Александру Дмитриевичу и заглянула ему в глаза. — У меня нет никаких сумнений. Я ничего дурного не думаю. Но есть то,

чего не переменить. Как тебе не вернуть Анну — так и не получить меня. Я ее не заменю тебе. Потому что это будет неверностью. О каких ты говоришь порицаниях, если я не смогу простить сама себя, в своих собственных глазах оправдать. Ты можешь это понять? А что может быть хуже?.. И я с ужасом думаю, как ты мог на такое решиться. То, что ты сейчас сделал — это жестоко по отношению и ко мне, и к ней... Это обман... Я знаю, что я бываю черствой... Да, может быть... Впрочем, я сама виновата.

— Ну что ты! Что ты говоришь, Катя?

— Ну и пускай. Пусть это будет моя вина. Все, что произошло, — я сама виновата.

— Анны больше нет, — рассердился Бланк, — вот что не переменить. Все остальное в наших руках! О какой вине ты говоришь? Я тебя не понимаю! Все предрассудки — только в наших головах!

— Все в руках Господа! — воскликнула девушка. — Ты должен попросить у него прощения.

— О каком Господе ты все время рассуждаешь? — загремел Бланк. — Где он? Пусть покарает меня, и моих детей, и детей моих детей. Все равно мы все давно прокляты! Только вот где он? Почему не показывается? Ну пусть хоть молния меня ударит! — Бланк подошел к окну и распахнул шютрук, подставляя грудь каре небесной. — Ну же, Господь! Разрази меня прямо сейчас! Давай! Ну! — Катерина села на диван и закрыла лицо руками. — Есть ты и я, — Бланк подошел к девушке. — И больше никого и ничего между нами. Только ты и я. Слышишь? Прошлое далеко позади, его не вернуть. Давай жить настоящим. Я не говорю тебе, что это просто. Но если мы друг друга любим — зачем мы это будем скрывать друг от друга, зачем прятаться от самих себя? Если мы хотим одного и того же. Катерина!

Они долго молчали.

— Почему ты говоришь, что мы скоро уедем? — наконец, спросила Катерина. — Это правда?

— Я так думаю, — пожал плечами Александр Дмитриевич. — Я написал доклад в Петербург. Здешний губернатор не желает ничего менять. Так пусть его заставят. Потому что мы ничего не делаем, а только говорим, говорим, говорим... Ничего не происходит. А столько всего нужно делать!

— Это зависит от того, чем ты живешь, Саша, — насупилась Катерина. — Ты сам наполняешь свою жизнь. А вот чем именно — это твой выбор. Кругом много возможностей.

— Где же они?

— Значит, ты боишься их увидеть и взять.

— Ну, вот я и решил действовать.

— И написал донос?

— Это не донос!.. Я описал состояние дел и высказал свои предложения. Вот и все. Думаю, этого будет достаточно.

— Для чего достаточно? — прошептала Катерина.

— Скоро увидим.

— Губернатор об этом знает?

— Скоро узнает.

— О, Господи!.. Что ты творишь, Саша! Что с тобой? Ты хочешь, чтобы все вокруг было только по-твоему?

— Я буду ждать повышения. Простой расчет.

— А где твое сердце? У тебя там, вместо сердца — прибор для расчетов? А если тебя выгонят отсюда вопреки твоим расчетам? Что тогда? Куда мы поедем?

— Не волнуйся. Я знаю, что делаю.

— С сегодняшнего дня я в этом не уверена, — покачала головой Катерина.

— Не беспокойся ни о чем, — уверенно ответил Бланк.

— Почему-то я теперь еще больше встревожена.

— Поедем в Петербург.

— Кому мы там нужны?

— Тогда в Малороссию.

— Скитаться дальше, ты хотел сказать?

— Все будет хорошо. Я говорю тебе, что скоро я получу повышение. И хочу только, чтобы ты была к тому термину моей законной женой!

— Как ты не понимаешь, что я не могу быть твоей законной женой? Ни к какому термину. Не могу! А быть незаконной женой, обманом — лучше не быть вообще. Как ты это не можешь понять? Ты только теряешь и не получаешь ничего! Ты разве этого не видишь?

— Никто не будет знать ничего лишнего.

— Я буду знать! Я! Этого тебе недостаточно? Ты будешь знать! Пожалей меня, Саша,

я прошу тебя, пожалей! Я этого не заслуживаю... и боюсь. Я так мечтала... и все это закончилось вот так, хуже некуда. Лучше бы оставалось на своих местах.

— Что же это? То в полымя, то в прорубь, — Бланк достал платок и протер лоб.

— Одно идет за другим, — продолжала Катерина. — Маленькая ложь, за ней большая. Я должна была тебе отказать с самого начала... Что же теперь будет? Что мы наделали?

— Что мы наделали, то сами и распутаем. А если уж ты заговорила о вине — то она моя. На свою душу грех не бери. Я знаю, что я дурной человек. Но я такой. Я тоже хочу жить.

— Ты не дурной, ну что ты... Но в тебе как будто живут два человека, Саша! Одного я обожаю, люблю безумно, а другой — так жесток! И самое страшное — он прагматично жесток. Это худший вид жестокости. И сейчас передо мной стоит — второй из них. И я его боюсь. И того, что он может натворить, — боюсь. Какая рана делает тебя таким? Что это? Ты переменяешься в эти моменты до неузнаваемости. Что это в тебе?

— То же самое, что ведет меня всю мою жизнь и дает мне сил встать, когда другие беспомощно падают и больше не поднимаются.

— А куда ты идешь? Ведь тогда ты должен знать, куда ты идешь. Как ты намерен применять свою силу? Что ведет тебя? Как мне остановить тебя, какой ценой это будет для меня?

— Об чем ты? — не понял Бланк.

— Да это дьявол! — продолжала Катерина, закрывая глаза. — А он не дает сил, ничего при этом не отняв. Разве ты не видишь, Саша? Ты не чувствуешь, как нас обнимает дьявол?

— Я в эти глупости не верю, если ты еще не поняла.

— Напрасно. Это не глупости... если ты еще не поняла... Ты должен остановиться, Саша, пока не поздно... Умоляю! Ты потерял отца, мать, жену, дочь, родину, собственное имя. А что получил взамен? Стоило ли оно того?.. Нет, я одна уезжаю в Петербург. Прямо сейчас! Я тебя оставляю. Сейчас ты потеряешь и меня тоже! Сама себя — я проклинаю.

— Да пусть тогда этот город сгорит к чертовой матери! — с яростью воскликнул Бланк, потом схватил стул, перевернул его и со всей силы бросил на пол. — Если это делает дьявол, так пусть он заодно и сожжет все мосты! Катерина, скажи мне «да»! Прямо сейчас!

— Нет, Саша. Мой ответ — «нет», и другого никогда не будет! Наверное, чудеса тоже случаются. Но не со мной и не с тобой.

Собирая со слезами вещи, Катерина вздрагивала каждый раз, как в соседней комнате падала на пол мебель и рычал тот, кто, конечно, Бланком в эти минуты не был.

* * *

— Аня, ты спишь? Аня!.. Ты же не спишь... Аня!

— Маша, я уже сплю, — недовольно проворчала сестра из-под одеяла.

— Нет, не спишь! Я же знаю, что не спишь, — настаивала Маша. — Вертишься... Наверное, из-за Ивана Дмитриевича не можешь уснуть, да? — пошутила она. — Что он тебе такое давеча сказал?

— Ты совсем дурочка? Тебе уже семь, а ты совсем глупая.

— Подумаешь. Если тебе самой скоро десять, это еще не значит, что ты умная.

— А ты знаешь, что я всегда буду тебя старше?

— И что?

— А то!

Однако если бы в комнате не было так темно, то Маша бы сразу увидела, как сестра покраснела.

— Ну и ладно, вертись себе дальше, — хихикнула Маша. — А я все знаю.

— Что ты можешь знать? — огрызнулась сестра. — Дура ты. Поняла? Воображаешь себе какие-то глупости.

— А вот и нет. Сама воображаешь!

— А вот и да. Сейчас как получишь затрещину!

Маша немного помолчала, но не удержалась и опять позвала сестру.

— Аня!.. Ну Аня же!

— Да чего тебе? — разозлилась та и привстала на своей кровати.

— Ну я шучу, не сердись... прости.

— Я и говорю, что ты дура.

— Не обижайся.

— Я и не обижаюсь. На дур не обижаются.

— Ну пусть так... Аня, а я хочу у тебя кое-что спросить.

- Чего?
- А вот, — Маша тоже привстала и наклонилась к сестре, — может ли так случиться, — зашептала она, — что великая княжна Мэри когда-нибудь станет императрицей?
- Что?! — удивилась Аня. — Какая княжна Мэри? Спи давай! Опять со своими сказками.
- Ну скажи, как ты думаешь, а?
- Наверяд ли, — Аня легла обратно и отвернулась, укрывшись с головой одеялом.
- А почему? — не унималась Маша. — Ну почему? — она протянула руку и потормошила сестру. — Почему?
- Потому что ты глупая, — буркнула та, дернув плечом. — Ты разве еще не поняла?
- Что?
- Аня опять скинула одеяло и недовольно поглядела на младшую сестру.
- Потому что ты глупая, поняла? — повторила она. — Сначала будет наследовать Александр.
- А ежели с ним что-то случится?
- А ежели с ним что-то случится, — передразнила Аня, — то к тому времени у Александра будут свои дети. Они и будут наследовать... Что ты там выдумываешь про принцессу Мэри? Больше подумай тебе не о чем? Все про свою Мэри.
- А ты все про своего Ивана Дмитриевича...
- Не зли меня! — предупредила Аня.
- Ну а ежели Александр вдруг отречется? — не унималась Маша.
- Зачем это еще он отречется? Ты еще глупей, чем я думала. Почему это он отречется?
- Константин ведь отрекся, — пожала плечами Маша. — Ну все-таки? Как тогда Екатерина стала императрицей? Мы же вместе про нее читали.
- Тогда другие правила были.
- А ты не находишь, что Мэри очень похожа на Екатерину?.. Аня?.. А?.. Ну я тебя сурьезно спрашиваю, ответь.
- Это еще не значит, что она может стать императрицей, — уверенно возразила старшая сестра. — И даже вовсе не может никак.
- Так ведь Екатерина тоже не могла стать императрицей никак, — заметила Маша.
- Но ведь стала.
- И чем же они, по-твоему, похожи?
- Ну как? — Маша села с краю кровати, свесив ноги, и наклонилась близко к сестре, шепча ей на ухо, чтобы не разбудить остальных. — Вот, например, Екатерина собирала живопись, и Мэри тоже занимается живописью.
- И что? — усмехнулась Аня. — За это делают императрицами?
- И герцог Максимилиан стал членом Академии наук, — продолжала перечислять Маша.
- Во-первых, он уже теперь не герцог, а Его Императорское Высочество, — поправила Аня сестру.
- Ну да, ну да, знаю.
- А во-вторых, это еще как посмотреть, стал он членом Академии наук оттого, что знает живопись, или оттого, что стал Императорским Высочеством... А еще он внук Наполеона.
- И что? При чем здесь это?
- Тебе без разницы? Ты хоть про войну с Наполеоном слышала?
- А еще смотри, Аня, — так и не поняв, про что говорит сестра, продолжала Маша. — Екатерина ездила верхом, и Мэри тоже ездит верхом. А еще гуляет без шляпки и без перчаток и на коньках катается. А представляешь, ежели она станет императрицей? Как думаешь, Аня? Вот здорово было бы! Так по-современному! Как все будет по-новому!
- Не знаю, Маша. Чтобы стать императрицей, мало уметь кататься на коньках. Понятно?
- Да я же не про это!.. А ты знаешь, папенька мне говорил, что меня назвали в честь Великой княжны Мэри.
- А ты знаешь, что ты мне уже все уши прожужжала со своей Мэри. Выкинь ты эту ерунду из головы. А ежели ты только скажешь папеньке, что тоже хочешь ездить верхом или кататься на коньках, так у него сразу случится приступ. Лучше помалкивай, побереги его здоровье.
- Мне совсем никакого дела нет до того, что скажет папенька и какой приступ у него случится, — со злостью ответила Маша. — Понравится ему или нет, а я этой зимой буду учиться кататься на коньках.
- Что?! — чуть не расхохоталась Аня. — И где же ты их возьмешь?

- Ну ты ведь попросишь у Ивана Дмитриевича научить меня кататься? Он тебе сам рассказывал, что катался на коньках по Каме прошлой зимой.
- Ты подслушивала?! — рассердилась Аня. — Ах ты...
- Да нет, только случайно услышала.
- Это значит, что подслушивала! Ах ты негодница! — Аня схватила подушку и сделала вид, как будто пытается задушить ею свою сестру.
- Ну прости меня, прости еще раз, — снова извинилась Маша. — Я и вправду случайно услышала.
- И с чего ты взяла, что я попрошу об этом у Ивана Дмитриевича?
- А разве не попросишь? — пожала плечами Маша. — Если я тебя попрошу? Ведь он сделает, если ты его попросишь, если я тебя попрошу?
- А я и не стану просить, — фыркнула Аня.
- Какая ты гадкая!.. Я знаю, что все равно попросишь. Так ведь?
- А вот и не стану. И еще папеньке расскажу.
- Ну и расскажи, мало ли что, — Маша легла обратно в свою кровать.
- Он тебя из дому всю зиму не выпустит. Будешь дома сидеть, вот что, — предупредила Аня.
- А я убегу тогда.
- Куда, дурочка?
- Да хоть куда. Вот вырасту, замуж выйду, и никто мне будет не указ, тем более папенька.
- А муж?
- И муж тоже.
- Где же ты такого мужа найдешь?
- А вот найду.
- А тетюшка Катерина? — не унималась Аня.
- Тем более!
- Она-то чем тебе не угодила?
- Я когда молюсь, то всегда рассказываю обо всем маме, — призналась Маша. — Так что она все знает.
- Она и без тебя все слышит и знает.
- Почему тогда так происходит?
- Как? — не поняла Аня.
- Ну вот так. Вот так, как происходит, — не смогла объяснить Маша.
- А ежели тетюшка Катерина и вправду станет нам как мама? Как думаешь?
- Ни за что папенька на ней не женится! — рассердилась Маша. — Какие гадости ты говоришь! Как он может на ней жениться?
- Но ты же слышала?
- Никогда она не станет нам мамой! — категорично возразила Маша.
- Почему?
- Потому что!
- Слушай, спи давай, — Аня встала и натянула одеяло на голову Маши. — Все, спи!
- Не хочу, — прошептала та из-под одеяла.
- А я хочу.
- Вот ты и спи, — на какое-то время настала тишина. — Аня!.. Аня! — снова позвала сестра.
- Ну чего тебе?!
- Почему папенька нам не рассказывает про своих маму и папу? — прошептала Маша. — Что ты про них знаешь?
- Ничего не знаю. Они давно умерли. Папенька их даже не помнит.
- Как можно не помнить свою маму? — не поверила Маша. — Бабушка говорила, что папенька все время обманывает.
- Опять глупости!
- А вот и нет.
- А я говорю, что глупости.
- А я говорю, что нет.
- Немедленно засыпай!
- Если будешь обзывать, я расскажу папеньке, об чем вы с Иваном Дмитриевичем шепчетесь.
- Об чем же таком мы шепчемся? Что ты еще слышала?
- А вот расскажу, тогда узнаешь.
- Вот нос тебе прищемлю в следующий раз, когда будешь подслушивать, — рассердилась Аня. — Только попробуй кому-то хоть что-то сказать! Немедленно спать!
- Спать, спать, — проворчала Маша, отворачиваясь от сестры. Обе помолчали. —

Аня? — не выдержала Маша.

— Ну чего еще? Дать тебе затрещину?

— А вот мне вчера приснилась наша бабушка.

— Бабушка Анна Карловна?

— Нет, другая бабушка.

— Какая еще другая? — не поняла Аня.

— Я не знаю, как ее зовут... Мне приснилось, что я шла по яблоневому саду, такому красивому, яблони цвели, это было утром. Вокруг было так красиво, так хорошо... И вдруг я увидела в саду старушку. У нее были такие длинные седые волосы. И она тоже увидела меня. Но я не испугалась, потому что сразу поняла, что это — как будто моя бабушка. И она мне стала что-то говорить, но я ничего не могла понять.

— Почему?

— Как будто не по-русски.

— По-французски, что ли? Вот учила бы ты французский, тогда бы поняла, — пошутила Аня.

— Нет, и не по-французски.

— А как же?

— А я и не знаю. Я так ей и сказала, что я ее не понимаю. Тогда она подошла ко мне и погладила по голове.

— Жаль, что ты не запомнила, что она тебе сказала.

— Почему же не запомнила? Я запомнила.

— И что же? — Маша привстала с кровати и произнесла фразу на каком-то диковинном языке, который точно не был похож ни на французский, ни на какой другой из тех, что Аня раньше слышала. — Маша! — испугалась сестра. — Ты шутишь сейчас?

— Нет. Я же говорю тебе, что запомнила, только не знаю, что это означает.

— Прекрати немедленно! Я тебя знаю, разыграть меня хочешь, — у Ани по коже побежали мурашки.

— Нет же.

— Ну-ка немедленно спать! Быстро! — скомандовала сестра. — Я чуть было уже тебе не поверила. Вечно ты со своими шуточками...

— Сплю я, сплю... Я-то усну... Сама теперь попробуй засни.

* * *

Прогуливаясь вечером по Невскому, Анна Карловна и Каролина с изумлением остановились у Аничкового моста. Башни на въездах к нему снесли, и теперь на пьедесталах поднимали гипсовых коней, окрашенных под бронзу.

— И что это, здесь теперь тоже будут лошади барона Клодта?! — не удержавшись, воскликнула Анна Карловна. — Что это за безвкусица повсеместная?

— Чем они тебе не угодили? — улыбнулась Каролина, привычная к ворчанию старшей сестры.

Облокотившись на кованую ограду Фонтанки, та принялась с интересом разглядывать новые скульптуры.

— Сами кони, пожалуй, и ничем, — внимательно осмотрев работу, рассудила Анна Карловна. — Вот только теперь их, судя по всему, станут заказывать во все усадьбы. И вот тогда эти лошади точно станут пошлостью.

— Да, а барон Клодт станет миллионером, — рассмеялась Каролина. — Кто ж виноват, что придворные, в отсутствие ума, почитают вкусы императора за свои собственные? — развела она руками.

— И как уж тут удержаться, чтобы на этом не заработать? — поддакнула Анна Карловна. — Только знаешь что, дорогая Каролина? — она наклонилась и зашептала на ухо сестре. — Тогда императору, чтобы самому не выглядеть пошлым, придется, пожалуй, успевать менять свои вкусы вперед придворных.

— Это верно, — Каролина покачала головой. — Подхалимничать всегда было удобнее. А все равно прекрати брюзжать.

— А я что, разве сейчас брюзжу? — удивилась Анна Карловна.

— Ну конечно! — уверенно ответила Каролина.

— Право, нисколько!

— Так и есть!

— Хорошо, не буду, обещаю, не буду... Только видишь ли, дорогая Каролина... — закрыла на минуту глаза Анна Карловна, — ведь мне это место особенно дорого. Наверное, поэтому мне не хотелось бы, чтобы здесь что-то менялось. Тем более — какие-то лошади. К чему они здесь?.. Ты знаешь, ведь у этого моста я впервые встретила Иоганна... А теперь — лошади... Для чего?.. Какая нелепица!

— Наше время уходит, Анна. Завтра кто-нибудь встретит здесь своего Иоганна, и

эти лошади станут ему дороги не меньше, чем тебе старый разводной мост с башнями. А потом и моста не станет, будет что-нибудь другое, и оно тоже будет для кого-нибудь иметь свое значение, — неожиданно лицо Анны Карловны просветлело. — Ну надо же! — сразу заметила Каролина. — Что это у тебя? Никак улыбка?

— Мне кажется, что это было вчера, — развела руками Анна Карловна, не в силах удержаться от воспоминаний. — А прошло... Боже мой, пятьдесят лет... Как один вдох и выдох, и вот пятьдесят лет... Как мы гуляли с Иоганном по тропинкам Крестовского острова. В летнем трактире играла музыка, а мы шли по лесу. В тени под деревьями за столиками с самоварами сидели купцы — чуть все глаза на мне не оставили. Мне еще не было двадцати, а Иоганну... Иоганну было чуть больше тридцати... Мы были такими молодыми. Тогда потом мы взяли бот и сбежали. Да, представляешь? Ты смеешься? Потом долго бродили по городу, дошли аж до Обжорного ряда... Никогда и нигде я больше не едала таких вкусных пирогов, какие мы купили в тот день в какой-то забытой лавке в Обжорном ряду. А пунш? Никогда в жизни я больше не пробовала такого пунша, как в тот день. Представляешь, мы пили пунш!.. Пятьдесят лет, не может этого быть... — Анна Карловна вздохнула. — А мне все кажется, надо немного подождать, и Иоганн выйдет вот из-за того угла, увидит меня и мы снова встретимся... Это был чудесный день. Немного потом еще было таких же дней... Постоим?

— Если ты хранишь в своем сердце любовь, то время не имеет значения, — Каролина приобняла сестру.

— Любовь, любовь... Приходит любовь, и уходит любовь... — они помолчали, глядя на темную воду в реке и думая каждая о своем. — Полноте! — отряхнулась Анна Карловна. — Воротимся? — попросила она.

— Хорошо, — кивнула Каролина, оглянувшись в поисках экипажа в сторону Васильевского острова.

— Как думаешь, — решила все же заговорить Анна Карловна, стараясь не выдать волнения в голосе, — письмо от Катерины еще не дошло? Или она не станет мне писать?

— Еще не дошло, — уверенно ответила Каролина. — Обожди немного.

— Она всегда хотела нравиться мужчинам. Всегда хотела быть красивой, чтобы все ей завидовали. Но на душе-то у нее совсем не то... уж я-то лучше всех знаю... И этот Бланк... После всего, что было... Разве он ее поймет? Зачем она это делает? Ведь он же деревянный. Неужели она делает это назло мне?

— Да что ты! Нет, нет, вовсе нет... Будем молиться, чтобы это был правильный выбор, — вздохнула Каролина. — В наш век женщин убеждают, что они рождены, чтобы нравиться мужчинам. И поэтому я рада, что Катерина, в конце концов, выбрала для себя другое.

— Другое? Сегодня женщинам просто нравится получать то, что дают им мужчины, и больше ничего. А если мужчина перестает давать женщине то, что ей нужно... она же его и отвергает. А что может дать Бланк?

— А где здесь любовь? — Каролина внимательно поглядела на сестру.

— Про что ты говоришь? — махнула та рукой.

— А ты по-прежнему осуждаешь?

— Не знаю, не знаю... Я понимаю, что за осуждением нет ничего, кроме малодушия. Тот, кто сам однажды на что-то не решился, будет потом осуждать того, кто вознамерится решиться на то же самое... И тем сильнее будет осуждать, чем больше решимости увидит в предмете своего осуждения. Я все это понимаю, милая моя Каролина, все понимаю сама прекрасно, я давно не молода... Но Катерина... Катерина!

— Анна, милая. Поверь, все делается к лучшему.

— Как знать, что будет лучшее? Как ты это знаешь?

— Господь знает, что лучшее. Прекрати сомневаться, потому что Господь слышит тебя.

* * *

— Барышни! — хитро улыбаясь, дворник заглянул в гостиную. — А, барышни!

Анна вслух читала сестрам книгу на французском. Иногда она останавливалась, переспрашивая перевод, и тогда Катерина терпеливо объясняла. Младшая Софья сидела рядом и разглядывала иллюстрации.

— Здравствуйте, Николай Фомич, — поздоровались с дворником дочери доктора Бланка.

Катерина кивнула.

— Здравствуйте, — поклонился дворник. — А не хотите ли поглядеть, что у нас теперь есть во дворе?

— А что же там? — выбежав на улицу, девочки обнаружили свежеструганную вы-

сокую качель на столбах с перекладной. — Здорово, здорово! Ой, как здорово!

— Спасибо, Николай Фомич, — улыбнулась Катерина.

— Вот теперь дело пойдет веселее, — отойдя в сторону, довольный старик стал наблюдать, как девочки испытывают результаты его хлопот.

Александр Дмитриевич, вернувшись со службы, услышал голоса и, не заходя в дом, сразу пошел во двор. Завидев его, дворник поздоровался и поспешил уйти.

— Папенька, папенька, поглядите, как здорово!

— Надо же! — удивился врач.

— Это Николай Фомич для нас сделал.

— Вы ему уже сказали спасибо? — Бланк присел на скамейку рядом с Катериной.

— Здравствуй, милая, — улыбнулся он и попытался обнять девушку.

— Здравствуй, — та повела плечами, сбрасывая его руку с себя, а затем отсела на другой край скамейки. Вздыхнув, Бланк стал наблюдать, как веселятся дети.

— А где Дмитрий? — спросил он, наконец.

— Дома читает.

— Мгм... Что ж... Хорошо... Я послезавтра должен буду уехать в губернию на пять дней.

— На пять дней?!

— Да... Ты ведь не надумаешь убежать в Петербург за это время, что меня не будет?

— Как знать? Возможно, и убегу. Ты же не сможешь меня приковать. Вещи у меня собраны.

— Катенька! — воскликнул Бланк. — Не мучай меня!

Девушка усмехнулась, но ничего не ответила.

— Я рад... рад, что ты остаешься. У нас все будет хорошо, милая. Обещаю тебе.

— С чего это ты решил, что я остаюсь? — они помолчали. — Я просила переставить мою кровать в детскую, — вспомнила Катерина.

— Ох! — спохватился Бланк. — Я же забыл утром сказать об этом дворнику. Впрочем, я сам сейчас переставлю. После ужина, хорошо?

— И еще девочкам нужны новые платья, — продолжала Катерина.

— Конечно, конечно! Сколько нужно денег?

— Нисколько. Я получила перевод. Завтра схожу посмотреть, что здесь можно найти.

— О, милая моя! Конечно, конечно. И посмотри обязательно что-нибудь для себя. Ведь тебе тоже наверняка что-нибудь нужно. Я ведь тоже получил жалование. Возьми, сколько тебе нужно. Все, что нужно, Катенька. Все, что увидишь, — покупай без раздумий... Как я счастлив, что ты остаешься, как я счастлив!

Катерина приподняла брови, но ничего больше не сказала. Помолчали еще. Потом Бланк осмелел и пододвинулся ближе.

— Мне больше отстечь некуда, — предупредила Катерина, — здесь скамейка заканчивается.

— Зачем же тебе отсаживаться от меня?

— А зачем же ты придвигаешься ко мне?

— Ну а зачем ты отсаживаешься?

— А зачем так придвигаться?

— Ты такая милая, даже когда сердисься! — воскликнул Александр Дмитриевич.

— Я тебя люблю! Клянусь, я люблю тебя.

— А я разве сейчас сержусь? С чего ты взял?

— Нет. Думаю, что нет. Хотя... Нет, конечно нет. Но ежели надумаешь сердиться... все равно знай, что ты не перестанешь быть для меня самой милой на свете.

— И куда ты едешь?

— Куда что? Ах, это... в Кунгур.

— И вернешься за пять дней?

— Я буду очень спешить, туда и обратно. Пять дней. Ровно пять.

— Я буду считать.

— Клянусь!

— А ежели вернешься через шесть?

— Тогда... что тогда?.. Тогда... не могу ничего придумать, потому что точно вернусь через пять.

— Ладно... Тогда можешь пока оставить кровать на месте... До своего возвращения.

— О, милая! — Бланк едва удержался, чтобы не поцеловать Катерину.

— Только до возвращения!.. Иди переодевайся, сейчас будем ужинать.

— О, милая моя! — напевая себе что-то под нос, Бланк довольный ушел в дом.

— Девочки, пора ужинать, — позвала Катерина девочек.

— Сейчас, сейчас, мы уже идем!

* * *

После ужина Дмитрий снова взялся за книгу и тетрадь.

— Что делаешь, Митенька? — подседа к нему Аня.

— Грамматику... Ты не мешай.

— Не буду. Я только посмотрю.

— Но ты мешаешь. Отсядь.

Девочка пересела на софу, но с любопытством продолжила наблюдать, как Дмитрий переписывает в тетрадь убористым и аккуратным почерком.

— Ты что, так и будешь сидеть и на меня смотреть? — проворчал Митя.

— Я же тебе не мешаю, — возразила Аня. — Пиши, пожалуйста, дальше.

— А мне не хочется, чтобы ты сидела и смотрела. Иди во что-нибудь поиграй.

— Что я, маленькая, что ли, — надулась Аня и хотела было уже встать и уйти, но все равно не выдержала. — Ну дай я тоже попробую, немного, — снова попросила она. — Ну пожалуйста!

— Да зачем это тебе? — фыркнул Митя.

— Просто интересно. Ну дай уже!

Дмитрий еще поворчал для порядка, а потом достал чистую тетрадь и с любопытством протянул Ане свое перо.

— Иди садись, — уступил он сестре место за столом. — Вот отсюда и досюда, пиши.

— Что делать? Просто переписывать?

— Нет, не просто, а без ошибок!

— Поняла.

— Пиши давай... «поняла» она, — склонившись над тетрадью и высунув язык, Аня принялась старательно выводить ровные и округлые буквы. Шестилетняя Маша тоже подошла к ним и стала наблюдать. — «Ер» забыла, — сделал Митя замечание Ане.

— Где же?

— Ну как — «где»? Вот здесь, в слове «принимают».

— Сейчас допишу... Зачем этот «ер»?

— Правила такие, потому и нужен. Ежели каждый будет рассуждать... Да аккуратно же пиши! Смотри, как грязно теперь вышло. В следующий раз будешь всю страницу переписывать. У нас в гимназии обязательно заставляют переписывать.

— Ладно тебе, мы же не в гимназии.

— Какая разница, — Дмитрий продолжил наблюдать. — Аня!

— Что?

— Так почему ты опять невнимательно переписываешь? В слове «ветер» должна стоять «ять», а не «есть».

— Почему же?

— Такие правила! Смотри в книгу. Вот, видишь? Какая буква? А у тебя какая? Разве ты не заметила?

— Непонятно опять. Почему? Объясни.

— Просто запомни.

— Нет, ты объясни.

— Да что тебе объяснить? — вскипятился Митя. — Ну вот есть такое особенное стихотворение: «Белый, бледный, бедный бес убежал голодный в лес...»

— Почему он убежал в лес? — рассмеялась Маша.

Аня на нее цыкнула. Дмитрий поучительно закончил длинный стих, составленный из слов, в которых пишется «ять». На словах про «ветер, поломавший ветки» он сделал особое ударение.

— А-а-а... понятно, — пожала плечами Аня, хотя в действительности понятного было мало.

— Чтобы правильно писать, нужно все это стихотворение наизусть знать... И на конце слова «свет» тоже должен быть «ер»! — снова сделал Митя замечание.

— Скучно, — Аня отложила письмо. — Ты ничего не объясняешь, только ругаешься. Плохой из тебя учитель.

— Ну и не проси тогда больше. Десять минут не прошло, а ей уже скучно.

— Не буду больше просить. Десять минут пишу, а ты уже мне сто замечаний сделал.

— И правильно сделал.

— Ну, ошиблась, так ты и скажи спокойно, что вот ты здесь ошиблась, поправь, объясни. А ты ругаешься.

— Да разве ж я ругаюсь? Я именно и поправляю.

— Нет, ты не поправляешь... Сама как-нибудь без тебя научусь.

— Ивана Дмитриевича попроси, — весело подмигнула сестре Маша.

Аня показала ей кулак. В этот момент Бланк и Катерина вышли в комнату к детям.

— Ну что, — улыбаясь и потирая руки, спросил Александр Дмитриевич, — чем вы занимаетесь?

— Я грамматику делаю, — сердито ответил Дмитрий. — А они мне мешают, — кивнул он на девочек.

— Я вовсе, папенька, никому не мешаю, — возразила Аня.

— И я не мешаю, — повторила за ней Маша. — Мы совсем не мешаем, только смотрим.

— Маша! Не мешай Дмитрию, — сделал замечание Бланк. — Ему нужно заниматься. Он и так много пропустил.

— А я здесь при чем? — обиделась Машка. — Это Аня просила дать ей переписывать.

— Ты почему опять со мной споришь? — нахмурился Александр Дмитриевич.

— Я не спорю. Если я ни при чем...

— Тогда прекрати! — Александр Дмитриевич заглянул к сыну в тетрадь. — Молодец, — похвалил он, — продолжай. Чистописание всегда выдает человека умного. Порядок в тетради — порядок в будущих делах. Запомни.

— Давайте пить чай, — предложила Катерина.

— Отлично! — поддержал Бланк.

— Аня тебя просто просила попробовать, — засопела Маша на Дмитрия и толкнула его в плечо. На тетрадь с пера упала жирная клякса.

— Да уйди же ты! — вскричал Митя, вскакивая из-за стола. — Сказано тебе уже дважды! Уйди и не мешай! — замахнулся он на сестру.

— Мария! — повысил голос Бланк. — Немедленно прекрати баловаться! Я запрещаю тебе!

Девочка вскочила, у нее затряслись губы, на глазах появились слезы.

— Тише, тише, — подошла Катерина и попыталась ее обнять. — Сейчас мы тоже что-нибудь с тобой почитаем, пока ждем самовар.

— Не буду я вместе с тобой ничего читать!

Маша вырвалась из рук, бросилась на свою кровать и закрыла лицо подушкой. Катерина хотела подойти, но Александр Дмитриевич ее остановил.

— Ничего, ничего, — шепнул он, — не сразу, не сразу.

Катерина перекрестилась, опустила голову и вышла спросить самовар.

Глава 6

В теплый и солнечный, чистый и прозрачный осенний день девочки оделись в нарядные новые платья, чтобы ехать к обедне на двенадцатый праздник. Собравшись в гостиной, они ожидали, пока к ним выйдет отец. А тот не мог оторваться от своего медицинского труда. И даже аккуратно застегнув пуговицы на сюртуке и оглядев себя в зеркало, он снова вернулся за стол, чтобы дописать на ходу еще пару строк.

— У благочестивого Иоакима и его супруги Анны не было детей, — рассказывала пока в это время няня собравшимся вокруг нее девочкам притчу о рождении Святой Марии. — И тогда Иоаким удалился молиться в пустынь. И снизошло на него там видение. Ангел ему возвестил о скором рождении дитя, о котором заговорят во всем мире...

— Саша, вам уже пора! — позвала Катерина. Сама она в православную церковь пойти не могла и поэтому собиралась, пользуясь случаем, написать письмо брату.

— Иду, иду, — отозвался Бланк. — Еще три минуты.

— Вот на эти три минуты сейчас и опоздаете.

— Хорошо, хорошо, уже иду.

— Саша же! Экипаж стоит!

— Всё, иду!

— Нянечка, — вцепилась маленькая Софья в рукав няни, — а когда у них появился ребеночек, то они уже знали, что эта девочка будет особенная?

— Конечно, знали, — кивнула та.

— Через что же они это знали?

— Потому что им ангел это возвестил. Через то и знали.

— А если ребеночек рождается не особенный... ангел тогда не приходит? — не унималась наивная Софушка.

— Ну как же не приходит? — терпеливо отвечала няня. — Ведь у каждого есть свой ангел-хранитель.

— И у меня есть?

— Конечно же, милая. И у тебя.

— У мамы тоже был?

— У всех есть ангел-хранитель. Он невидимый. Он и бережет, он и охраняет, он и

защищает. Так-то, милая.

— Ну и почему он тогда не уберег нашу маму?

Катерина подошла. Мягко, но решительно взяла Софью за руку и отвела ее в сторону.

— Собирайтесь, вам пора, — заметила она, показывая на часы. — Выходите на улицу. Папа сейчас за вами выйдет.

Девочки зашуршали платьями.

— Чего ты опять пищишь? — уцепилась Маша Софушку за руку. — Сказано тебе, дура, у всех есть свой ангел. Он и решает, кого и когда забрать на небо. Донимаешь всех глупыми вопросами. Вырасти сначала, а потом и самой все станет понятно.

— Ну зачем он забрал нашу маму? — непонимающе и доверчиво Софья заглянула старшей сестре в глаза. — Ты знаешь?

— Чтобы ее спасти. Чего тебе может быть неясно?

— От чего же спасти, Маша?

— Не от чего, а от кого.

— И от кого же? — никак не могла взять в толк девочка. — И почему ты опять обзываешься?

— Вырастешь, тогда поймешь. А пока ты такая пискля — нечего и спрашивать. Все равно тебе объяснять бесполезно. Так что я вовсе и не обзываюсь. Ты назавтра опять про то же самое на десятый раз будешь переспрашивать.

— Хочу сейчас! Хочу сейчас узнать!

— Пискля! Дура и пискля!

— Почему обзываешься?!

— Маша! — прикрикнул Александр Дмитриевич, выйдя в гостиную и услышав, как капризничает младшая дочь. — Что там опять стряслось?

— Ничего, папенька. Ничего совсем.

— Вот и отстань от сестры немедленно!

— Хорошо, папенька, уже отстала.

— Что же это такое у нас делается! Ну что это такое!

Девочки выбежали на улицу, а Бланк задержался, что-то горячо объясняя Катерине. Та отрицательно качала головой, не глядя ему в глаза.

— Папенька все время ругается на одну Машку, — шепнула Любушка своей младшей сестре Катюше. — На нее одну все время.

— Потому что она больше всех задается, — не одобрила Катенька, — как будто самая взрослая. Как будто сама Святая Мария... Да, Маша? Ты у нас святая?

— Перестаньте богохульствовать! — одернула их Аня. — Что это вы такое говорите, девочки!

— От кого мы это слышим! — задрал голову, хмыкнула Любушка. — Уж на тебя-то папенька и вовсе никогда не сердается. Даже на Митю ругается, а уж на тебя, Аня, — никогда. Отчего бы?

— А я вам скажу, — скорчила рожицу Маша. — Потому что после того, как он умерил нашу маменьку, он Аню саму теперь боится.

Еще минута, и прямо на улице началась бы настоящая драка. Хорошо, что в этот момент Александр Дмитриевич выскочил, наконец, из дома.

— Садимся в экипаж, дети, садимся, — торопливо скомандовал он. — Поскорее! Поскорее! Где Дмитрий? Дмитрий!

— Я уже давно здесь, папенька, — отозвался сын.

— Ну хоть кто-то один благоразумный в этом доме умалишенных. Все, трогаем! Быстрее!

* * *

Когда семья села ужинать, Бланк с удивлением обнаружил на столе кутью. Он вопросительно посмотрел на Катерину.

— Сегодня мы должны помянуть усопших, — напомнила она.

— Да, верно, — вскинул брови Александр Дмитриевич. Хоть он и недолюбливал церковные традиции, но в этот раз не решился возражать. Катерина сама разложила кушанье по тарелкам. — Что ж... пожалуй, следует тогда... начать с родителей? — предложил Александр Дмитриевич и снова взглянул на Катерину. Та одобритительно кивнула. — Хорошо... Хм-м... Жаль очень, что ваш дедушка Иоганн вас так и не увидел, — обратился Бланк к детям. — Он... был замечательным человеком. И строгим, и... в то же время любил пошутить. Он учил меня шахматам, между прочим.

— Когда я была, наверное, такого возраста, как ты, Машенька, сейчас, — вспомнила Катерина, — папеньку, ну то есть вашего дедушку Иоганна, на какое-то время приглашали быть консулентом при юстиц-коллегии Финляндских дел. И вот я помню, что с

утра он уходил, а возвращался очень поздно. И я каждый раз его спрашивала, где он был. И никак не могла понять, зачем он куда-то ходит. А для меня же эти слова — «коллегия», «консулент» — были непонятными. Откуда мне было знать, что это такое. А матушка так почему-то гордилась папенькой, всегда с таким уважением об этом говорила, мол, наш папенька — «консулент в коллегии».

— Ты и не могла иметь представления в таком возрасте, что это значит, — улыбнулся Бланк.

— Конечно. Мне эти слова, наоборот, казались какими-то смешными. Слово «консулент» для меня было похоже на «консоме», а «коллегию» я представляла себе как какой-то большой гостиный двор. Словом, я была уверена, что папенька ходит куда-то в гостиный двор и кушает там цельными днями бульон. Вот только не могла понять, для чего он это делает, — на этих словах Бланк начал хохотать. — Да, правда-правда, — кивнула Катерина. — Мне тоже было смешно, что матушка этим так гордится. А что в этом такого важного — уходить на целый день в гостиный двор и кушать там консоме? Чем тут гордиться? И вот после очередного моего вопроса папенька неожиданно позвал меня пойти вместе с ним. Я так удивилась! Нарядилась, конечно, а главное — за завтраком старалась кушать поменьше. Ведь я была уверена, что нам еще нужно будет целый день кушать бульон!

— Кушать бульон?! Ну, милая... насмешила, право... до слез, — Бланк принялся тереть глаза салфеткой.

— Да, да, — продолжала девушка, — Я всуерьез собиралась весь день вместе с папенькой кушать консоме. И вот приходим мы к большому-большому такому зданию. Мне оно показалось просто огромным. Заходим в такую же огромную залу. А там все в мундирах, и все с папенькой здороваются, и так вежливо, почтительно. А потом папенька сел в большой кабинет, а я — рядышком за маленьким столиком. И в этот кабинет начали заходить разные вельможи. И все они у папеньки что-то спрашивают. А он им всем объясняет, объясняет. Что и как надо сделать, что это означает, как переводится на русский. Весь день он всем что-то объяснял и объяснял. И я в этот момент так загордилась своим папенькой! И когда мы шли обратно вдоль Большой Невы, я ему так и сказала: «Папенька! Вы такой, оказывается, умный!» Он спрашивает: «Почему же ты так решила?» А я отвечаю: «Ну как же. Весь день эти глупые дяденьки, которые ничего совсем не понимают и не знают, у вас все спрашивали, что и как им сделать, и ничего сами-то и разобрать без вас даже не могли, и только вы им и объяснили». Мой папенька так хохотал! А потом взял меня на руки и до самого дому нес прямо на руках. Я так хорошо запомнила этот день!.. А какие он нам в детстве рассказывал сказки! Дети, а вы помните сказки, которые вам рассказывал дядюшка Карл?

— Помним, помним, — закивали девочки.

— Так вот, это те самые сказки, которые рассказывал дедушка Иоганн в детстве нам с Карлом... и с вашей мамой.

— Мне нравились сказки дядюшки Карла, — вспомнила Анна. — Помните смешную про соломинку, боб и...

— Уголек, — напомнил Митя.

— Да, уголек.

— Как они сбежали? — улыбнулась Катерина.

— В той сказке, когда соломинка, боб и уголек стали переправляться через реку, — продолжила Анна, — то уголек испугался и нечаянно поджег соломинку.

— Да, а боб это увидел и так расхохотался, что лопнул со смеху, — добавила Любушка. — Когда дядюшка Карл нам про это рассказывал, он вот так надувал щеки... вот так, а потом ка-ак лопал! Я все время боялась, что он сам сейчас лопнет.

Девочки рассмеялись.

— А мне больше нравилась сказка про братца и сестрицу, — вспомнила Маша.

— Это какая же? — не поняла ее Катерина.

— А это такая, в которой в дом пришла мачеха. И тогда братец с сестрицей убежали от нее в лес. Но братец захотел пить, а мачеха отравила всю водичку кругом. И тогда братец выпил водицы из лужицы...

Девочка замолчала.

— А мне она вовсе не нравилась, — заметила Аня в полной тишине.

— Ну а мне нравилась, — пожалала плечами Маша.

— Ладно, — хмыкнула Аня. — А мне не нравилась.

— А мне — нравилась.

— Маша, перестань, — сделал замечание Бланк. — Мы поняли, что тебе она нравилась.

— И что? — огрызнулась девочка.

— Просто перестань, — терпеливо, но уже громче повторил Александр Дмитрие-

вич.

— Хорошо, папенька... а мне еще нравилась другая сказка. Можно расскажу?

— То-то же. Какая другая сказка тебе нравилась, Машенька?

— Про Рапунцель, — невозмутимо продолжала девочка. — Это где мачеха заперла свою падчерицу в башне...

— Так, все! — расвирепел Бланк, отбросив салфетку. — Выйди из-за стола! Немедленно! Хватит с меня твоих выходов! Опять паясничаете! — Александр Дмитриевич вскочил на ноги. Брякнули столовые приборы.

— Саша, Саша, — попыталась успокоить его Катерина.

— Что «Саша»? Немедленно иди в комнату!

Маша тоже вскочила.

— Не надо, — остановила ее Катерина. — Сядь... сядь, пожалуйста... И ты тоже, — строго поглядела она на Бланка.

Маша с сомнением повернулась к отцу. Тот медленно опустился за стол. Девочка фыркнула и вслед за Бланком села обратно на свое место.

— Папенька, а почему мы никогда не видели нашего дедушку Дмитрия? — неожиданно спросила София.

— Кого, милая? — не понял ее отец.

— Вашего папеньку. Ведь ежели вы, папенька, Дмитриевич — то должен у нас быть дедушка Дмитрий? Он тоже умер?

— Нет у нас никакого дедушки Дмитрия, — отрезал Бланк. — Что за глупость? Кто тебя этому научил?

— Папенька, а почему ты и вправду нам никогда об этом не рассказывал? — искренне недоумевая, спросила Любушка. — Ведь мы должны сегодня всех помянуть. Это обязательно.

Бланк покраснел, потом побелел, сцепил руки, разжал их, потом встал из-за стола и опять сел обратно.

— Так, — стукнул он кулаком. — Довольно! Вы это все удумали специально? Поминки эти и все прочее.

— Саша, перестань, — схватилась за голову Катерина. — Дети, тише! Давайте помянем вашу маму, — повысила она, наконец, голос. За столом сразу же воцарилось полное молчание. — Давайте за нее помолимся, — предложила Катерина.

— Я думаю, это лишнее, — нахмурился Александр Дмитриевич. — Мы уже молились сегодня во время службы... Давайте поговорим о чем-нибудь другом. В конце концов, у нас семейный ужин, а не похороны.

— Во блаженном успении, вечный покой подаждь, Господи, усопшей рабе твоей Анне, — не слушая его, продолжила Катерина, — и сотвори ей вечную память... Мы верим, что душа ее попала в рай, минуя мытарств. И желаем ей вечной жизни в Небесном Царстве... Даже если мы забудем точные слова молитвы, дети, — это не важно. Господь слышит нашу молитву, когда бы мы к Нему ни обратились.

— Этого более чем достаточно, — вскипел Бланк. — Дальше без меня! — и вышел из-за стола.

* * *

— Лея! Постой! Ну постой же!

Запинаясь второпях о кочки, приминая босыми ногами высокую колючую траву, Израиль торопливо спускался к берегу реки, боясь потерять из виду ускользавшее от него белое платье. Догнав, наконец, девушку, он схватил ее за плечи и с силой повернул к себе. По лицу Леи текли слезы. Она отворачивалась, но юноша от этого только крепче прижимал ее.

— Отпусти, — попыталась вырваться девушка. — Не иди за мной. Ну перестань же!

— Куда же ты? Послушай меня, я тебя прошу. Послушай!

— Что?... Ну?

Израиль ничего не ответил, а стал целовать лицо своей любимой, собирая своими губами соленые капли. Девушка перестала сопротивляться и обняла юношу. Они опустились в траву. Полуденное солнце обдавало жаром.

— Выходи за меня, — попросил Израиль. Лея приподнялась с его груди и ласково погладила по щекам. — Ну что же ты молчишь? Ты выйдешь за меня? — повторил Израиль вопрос.

— Не губи, — покачала головой девушка. — Ты ведь знаешь, чего не может быть. Мы оба это знаем... Я готова все принять. Пусть все остается так, как оно есть, хорошо? Я ничего другого не хочу. Если все произошло именно так... я не жалею ни об одном дне.

— Я без тебя не смогу!

— Ничего, ничего... Время пройдет, все это забудется. Пусть будет так, как решено.

— Кем решено?

— Кем-то за нас. Во что ты веришь?

— Я верю, что мы будем вместе.

— Так и исполнится. Верь. Я соглашусь хоть с чем. Я ничего другого уже не хочу... Просто не забывай меня. Тогда мы будем вместе.

Разыскав на ощупь в траве свой платок, Лея обвязала им голову любимого, как если бы это был свадебный талит. Улыбнувшись, юноша посмотрел по сторонам и вдруг заметил удивительный нежно-фиолетовый цветок.

— Подожди, я сейчас, — попросил он. — У меня тоже будет для тебя подарок.

— Это сон-трава, — предупредила Лея. — Не рви ее. Не нужно этого делать.

Не послушавшись, Израиль сорвал прекрасный цветок. Но когда он обернулся, то девушки на прежнем месте уже не было.

— Лея? — позвал Израиль, думая, что милая опять с ним шутит. — Куда же ты спряталась? — Но никто не отзывался. — Лея! Ты где? Лея! — Израиль заметался по берегу реки. — Ле-е-ея!!!

— Тише, милый, тише, — Катерина присела на край кровати и осторожно попыталась разбудить Бланка. — Это сон, это просто сон.

— Что?! — не понимая, где он находится, Александр Дмитриевич открыл глаза, а потом сел на кровати.

— Тебе что-то приснилось, — попыталась успокоить его Катерина. — Все хорошо, Саша. Это был сон, — поняв, наконец, что он дома и что сейчас ночь, Бланк разыскал под подушкой носовой платок и вытер им со лба испарину. — Страшный сон? — спросила девушка. — Теперь все хорошо? — Александр Дмитриевич тяжело дышал, ничего не отвечая. — Ты кого-то звал по имени. Кого?

— Я кого-то звал? — переспросил Бланк.

— Да. Ты кричал: «Лея, Лея». Кто это — Лея? — Бланк только охнул и ничего не ответил. — М-м-м? — Катерина склонилась, ожидая ответа. — Это та девушка, которая утопилась?

— У... утопилась?! — опешил Бланк.

— Да. Это ее ты звал?

— Как... как ты... откуда ты...

Катерина подошла к окну и отдернула тяжелую портьеру. Яркое солнце залило комнату, и в этом свете Бланк увидел, что рядом с ним была не Катерина — а это была Анна. Не веря в происходящее, Бланк вскочил на ноги. За окном шумела река. Вдали, за зелеными полями, крутились крылья мельницы. Мельницы?

— Ты кого-то звал? Кого-то звал? — хрипло переспросила Анна, но ее голос был уже где-то далеко-далеко.

По-мальчишески лихо Израиль вспрыгнул на подоконник, а потом спустился на землю. Да, там, на реке, кто-то звал его. Добежав до берега, Израиль без малейших сомнений бросился в воду — и поплыл на голос.

Небо заволокли тучи, стало резко холодать, полил дождь.

— Израиль! Израиль!

— Лея! Это ты?.. Лея? Ты где?.. Лея?.. Где ты?

Но никто не отзывался. С трудом справляясь с бурлящим потоком, уходя каждую минуту под воду, сбивая в кровь ноги об огромные речные валуны, Израиль изо всех сил плыл туда, где он только что видел среди волн белое платье. Наконец, он схватил Лею за волосы и потащил к берегу.

Он целовал ее губы, в которых не было больше жизни, и гладил холодное лицо. Прижав девушку к себе, он зарыдал. Впервые в жизни — он зарыдал. Он закричал, но его голос уже не было слышно из-за грохота бури. Вскочив на ноги, Израиль снова побежал — куда? — побежал, не глядя под ноги, вдоль берега реки. А потом, обессилев, остановился — и медленно поднялся на набережную.

Дождь кончился. Над Васильевским островом встал густой туман. Промокший и продрогший, Бланк брел в нем на ощупь, пока не увидел в окне свет, и пошел на него. В один миг он оказался на пороге знакомого ему особняка и заскочил в дом. Швырнул на пол насквозь сырой плащ, скидывая на ходу прилипший к телу вицмундир, стал спешно подниматься по лестнице.

Наверху его встречала Катерина. Увидев Александра Дмитриевича, она зажала рот руками и не промолвила ни слова.

— Как она? — спросил на бегу врач.

Девушка только кивнула на высокую резную дверь. Бланк отворил ее и вошел в комнату.

Шторы были глухо задернуты. Три свечи в канделябре тускло освещали иконы на

столике у кровати. Анна задышалась. Исходя кровавым кашлем, она металась по кровати, уже без памяти, и что-то шептала. Бланк хотел подойти ближе, но не смог себя заставить это сделать. Стоя в нескольких шагах от своей супруги, он обхватил руками голову, а потом опустился в кресло у стены.

— Вода... вода... — разобрал он, наконец, слова Анны. Бланк вскочил, налил трясущимися руками из хрустального кувшина стакан воды, пролил половину и, наконец, протянул стакан, по какой-то необъяснимой причине все еще боясь подойти к Анне ближе, чем на вытянутую руку. — Вода... — продолжала хрипеть она, — вода...

— Вот... вода, возьми, — пробормотал Александр Дмитриевич. — Возьми, тебе станет легче.

— Тебе не станет легче, — повернулась к нему Анна. Ее лицо было в крови. Бланк в ужасе отшатнулся. — Не станет легче, — прохрипела Анна, протягивая руки. — Не станет легче! Вода забрала. Вода забрала! Однажды забрала единственное — заберет и последнее!

* * *

Бланк сел в кровати. Трясущимися руками потянулся к свече. С трудом разжег ее. Проснулась Катерина.

— Что?... Саша, что случилось? Милый?

— Какой я тебе Саша, — прошептал Бланк. — Здесь нет никакого Саши... В бегах, предатель... изменник, — бормотал он. — Больше никого здесь нет. Не знаю, какому «Саше» ты все еще поверяешься.

— Боже мой... что... тебе что-то приснилось?... Прости меня, Саша... Прости, я не должна была сегодня... Наверное, я виновата. Что на меня нашло? — Катерина присела к Бланку и обняла его. — Я тоже устала, милый... Я так устала, — Александр Дмитриевич, словно последние силы его покинули, прислонился к девушке. — Все пройдет, милый, все пройдет, — попыталась она его успокоить, глядя по голове.

— Ты ни в чем не можешь быть виновата, — склонился к ней Бланк. — И я тоже. Мы оба знаем, что это была чахотка. Что Анна была слаба после рождения Софьи...

— Давай помолимся, — перебила его Катерина. — Не об этом нужно сейчас... Мы можем попросить прощения в своих молитвах.

Бланк помотал головой, опустился на кровать и закрыл глаза.

Катерина перекрестилась, встала на колени и стала что-то шептать.

* * *

Чахотка забрала Ардашева, когда выпал первый снег.

Белые хлопья падали на плечи собравшимся после отпевания у ограды Александровской больницы. Стоя на лестнице возле каменных львов, губернатор хриплым и простуженным голосом произнес несколько слов о большой потере и невозполнимой утрате, а потом попросил Бланка как первое лицо от медицины добавить что-нибудь от себя, прежде чем траурная процессия тронется к кладбищу. Откашлявшись, Александр Дмитриевич поднялся на ступени и встал рядом с Огаревым.

— Друзья, — смущенно начал он, — я горжусь тем, что имел удовольствие быть коротко знакомым с Дорофеем Федоровичем. Признаюсь, мы часто спорили, и на медицинские темы, и не только...

— Как же так, — шепнули в толпе, — готовились всей губернией к холере, а вместо нее пришла чахотка.

— А вы спросите сами об этом у Александра Дмитриевича, — предложил кто-то.

Обойдя следивших за порядком квартальных и сделав им несколько замечаний, Вайгель выбрался из толпы и встал в стороне.

— Эх-эх, — пророчески покачал он головой сам себе, — откажут нашему Бланку теперь от должности... Эх, откажут.

— Федор Иванович! — заметив городничего, приветственно махнул рукой Прядильщиков.

— Здравствуйте, тезка мой Афанасьевич, — улыбаясь, поздоровался Вайгель, пуская пар изо рта на морозе.

— Здравствуйте, — подошел учитель, похлопывая себя руками, чтобы согреться. — Послушайте, Федор Иванович, мне... нужно написать некролог, а я не знаю, в каком году родился Ардашев. Мне стыдно. Вы, поди что, должны знать?

— В каком году? — задумался Вайгель. — Дайте-ка поразмыслить. Стало быть... пятьдесят пять ему было... Да, точно... Или нет?

— Значит... в восемьдесят шестом? — подсчитал Прядильщиков, подпрыгивая на холоде.

— Стало быть, так, — кивнул полицеймейстер.
 — Спасибо.
 — Не на чем... Решительно не понимаю, для чего потребовалось такое собрание. Только народ смущать, — недовольно проворчал Федор Иванович.
 — Так все желают проститься.
 — Как бы беспорядка не вышло.
 — Бросьте, какой может быть беспорядок. Врач умер!
 Губернатор достал из кармана часы и украдкой показал на них Александру Дмитриевичу. Смутьившись, Бланк поспешил закончить речь, после чего толпа оживилась и стала выходить на бульвар.
 Весь город вышел провожать своего доктора.

* * *

Благовестили к заутрене, когда Вайгель вернулся домой. С трудом стащив грязные сапоги, он откинул их в сторону, сам чуть не свалившись. Расстегнул мундир, постоял в прихожей, шевеля бровями и приглаживая усы, а потом бросил мундир на пол — брякнули медали. Пошатываясь, Федор Иванович пошел в гостиную, но передумал — и свернул в кухню. Оглядев побеленные мелом стены, да старенькую печь из белых изразцов, да грубые строганные лавки, городничий вынул из шкапчика графинчик с настойкой, а к нему стопочку — и замахнул без закуски.

— Ты чего это? — вышла на кухню супруга. — Только со службы разве?.. Что-то стряслось?.. Ты выпил?!

Вместо ответа Вайгель поцеловал руку жены, крикнул, сел и закурил трубку.

А что, собственно, стряслось? Одно только, что за ворохом циркуляров не видать человека, и чавкает кровь под ногами. Как приедается человеческая трагедия и все на свете, кроме только рапорта, кажется несерьезным. И вот скрипит перо, потому как грамотно составить бумагу — вот это дело серьезное. И гавкают столичные распоряжения, в ответ которым ничего не остается, единственно как гонять своих квартальных, чтобы те падали с ног, лишь бы не видели, как он сам преданно твякает перед начальством, — а иначе не пришлось бы всем вместе жалобно скулить.

— Повыжди-ка, — вздохнула догадливая и все понимающая жена.

Через десять минут на столе появилась свежая открахмаленная скатерть, а на ней — горячая яичница, говядина с луком и нарезанный решетной хлеб. Вайгель снова крикнул — на это раз от изумления — и замахнул вторую. Привстав, он приобнял свою супругу, поцеловал ее в лоб, стянул с нее ночной чепчик, вдохнул запах ее волос — и налил себе третью. Потом поплевал на пальцы и затушил уже ненужную свечу. Прожить столько лет вместе — как не быть друг другу благодарными?

— Ну а Бланка, друг мой, скоро выгонят взащей, точно тебе говорю, — неожиданно закончил Федор Иванович вслух свои соображения и отрешенно уставился в потолок.

— Александра Дмитриевича? — переспросила супруга, пытаясь понять, к чему это было сказано.

— Его самого, — кивнул городничий.

— А что же? — жена скрестила ладони и положила на них голову.

Полицеймейстер помахал рукой, подбирая слова, но так и не нашел подходящих. Заметив, что он опять показывает на графинчик, супруга наполнила четвертую стопку.

— За дерзость... помалкивать не умеет. Грубиянит. Вот так теперь, не подладиться ему больше здесь.

— А надо ли?

— Что?

— Надо ли помалкивать-то?

— А принеси мундир, — попросил Вайгель.

Жена сходила в прихожую. Пользуясь случаем, Федор Иванович замахнул пятую.

— Что ж ты его бросил прямо на пол...

— Это, знаешь, за что, или нет? — Вайгель отобрал мундир из рук супруги. — Это за то, что я помалкивал о том, что видел на Отечественной, — городничий отстегнул одну из медалей, размахнулся и зашвырнул ее в угол. — А эта? Эта, знаешь, за что?.. Эта — за то, что я помалкивал о том, что видел после нее, — он отстегнул вторую и забросил туда же. — А вот этот орден... этот орден о-очень особенный. Сказать тебе, за какую оказию? Или сама уже знаешь?

— Иди спать, — жена сердито выхватила мундир из рук Вайгеля. — Ни одной медали здесь нет, которой бы ты не заслужил!

— Э-э-эх, — Федор Иванович попытался побороться, сляясь сорвать с мундира тот самый орден, о котором хотел рассказать, но скоро сдался. — Положим, что так... — раскис он. — Положим, что так. А вот помнишь, когда мы были молодыми... тогда мы

вот будущность свою... полагали за счастье и кладезь... и как-то раз... что было-то?.. Или уж не было ничего?

- Что? — вздохнула супруга.
- Оршад был в наших стаканах, и били из-под земли фонтаны... Мы были молодыми, и все было впереди. А теперь только осталось мемуары писать да горькую пить.
- Иди спать, Федя, я тебя очень прошу. Ты устал.
- Ты думаешь, дело в этом?
- Как бы там ни случилось...
- Положим, что так. Ну а почему ты не отвечаешь, что ты думаешь об этом?.. А начну я, пожалуй, мемуары писать. Или нет?
- Начни. Почему бы и нет? Уж тебе-то есть о чем написать.
- Мне-то? О чем же?
- О том, что ты видел. О чем же еще, по-твоему, мемуары пишут?
- Эх-хе, друг мой, любимая моя! Мемуары пишут не о том, что видел, — а о том, что не смог забыть... Это наша леньность всему виной, вот что я тебе скажу, и только тебе одной могу об этом сказать, как оно есть... Это только наша леньность. И даже не трусость, как могут потом подумать наши потомки, — Вайгель налил шестую, замахнул, а потом облокотился на стол и тяжело захрапел.

* * *

В гостиной Бланков пылал камин.

Девочки расселись вокруг Веретенникова, который пришел сегодня не один, а с семиструнной гитарой. Когда он фальшивил, то нарочно корчил рожи. Не сомневаясь, что так и задумано, дети каждый раз хохотали.

Катерина отозвала Александра Дмитриевича в сторону.

- Ну что? Ты был у Огарева? — с нетерпением спросила она, поправляя ему воротник.
- Был, милая... был.
- Так почему молчишь? — рассердилась девушка. — Ждешь, что я сама тебя спрошу? Или не считаешь нужным мне ничего сообщить?
- Ну что ты, что ты... просто не было случая, — растерялся Бланк.
- Вот как? Не было случая?.. Так что же? И теперь не подходящий случай?
- А что сказать? — вздохнул Александр Дмитриевич. — Ничего хорошего.
- И что нас теперь ждет?
- Наверное, еще один переезд, — пожал плечами Бланк, стараясь не выдать волнения.
- Как?! Уже решено?! Куда же теперь? — забеспокоилась Катерина.
- Пока не знаю...
- Что же мы, так и будем скитаться?
- Ежели ты боишься возвращаться в Петербург, то поедем куда-нибудь подальше, в губернию...
- Разве дело в том, что я боюсь? Ты неужели хочешь сказать, что из-за меня мы не можем вернуться в Петербург?.. Надо было мне тогда и в самом деле уехать... в тот день. Не понимаю, почему я осталась.
- Что ты, что ты! — всплеснул руками Бланк.
- Почему тогда ты... И что дальше?
- Пока не знаю. Говорю же тебе, что пока не знаю... — неопределенно развел руками Александр Дмитриевич. — Может быть, пока устроюсь заводским врачом, до полной пенсии. Потом выйду в отставку. Повыждем... Там будет видно.
- Заводским врачом? Подальше в губернию? — жалобно заглянула в глаза Катерина.
- Что такое ты говоришь, Саша? То есть это... невозвратно?
- Не знаю, милая, не знаю... Все образуется, обещаю.
- Но ведь... Дмитрию нужно учиться, и девочкам нужно приискать хорошую гувернантку... — растерялась девушка, — и им нужно общество...
- Что-нибудь придумаем. Пока не знаю... Помнишь, я тебе рассказывал, что из Казани приезжал комиссионер и говорил о продаже заложенных имений? Что ежели нам поехать и посмотреть? Ведь мы можем продать дом в Петербурге и взять ссуду. Представь себе, Катенька, ежели у нас будет свое имение. Вообрази, маленький дом у речки. Лес, овсяные поля. Тишина, никого вокруг, спокойствие. Я выйду в отставку. Дмитрий сможет поступить в гимназию в Казани, а потом в университет. На выходные будет приезжать домой. А гувернантка? К чему нам гувернантка? Ведь ты и сама можешь обучить девочек и французскому, и музыке, и рукоделию... Все у нас будет хорошо. Что думаешь?
- Казань? Где-то под Казанью? Выращивать овес? А как же... — Катерина хотела

спросить и про себя тоже, но осеклась, побоявшись, что Александр Дмитриевич осудит ее за излишнее самолюбие. — Так... ты сам об этом скажешь детям?

— А что дети? — не понял Бланк. — Собрались и поехали. Что им еще говорить?

— Ты не хочешь с ними об этом поговорить?

— Зачем?

— Так значит... И когда мы уезжаем?

— Время еще есть. Может быть, к лету. Я не знаю. Пока возьму отпуск, за это время все улажу.

Катерина глубоко вздохнула и молча вернулась к камину. Александр Дмитриевич пригладил бороду и вышел в прихожую. Открыв дверь на улицу, он втянул студеной воздух.

— У вас тепло? — окликнул его дворник, направлявшийся в это самое время к поленнице.

— Спасибо, Фомич. Тепло.

— Дров больше не нужно?

— Нет, достаточно. Ничего не нужно.

Дворник подошел ближе.

— Уезжаете, Александр Дмитриевич? — догадался он.

— Да... уезжаем.

— Когда же? Скоро?

— Да... скоро... наверное.

— А что же тогда делать с этим городом? — вдруг спросил дворник, — задумавшись о чем-то своем, Бланк ему не ответил. — Александр Дмитриевич!

— Что? — вздрогнул Бланк. — Что?

— Я спрашиваю, что прикажете сделать с этим городом? — повторил вопрос Фомич. — Вправду, что ли, сжечь его? — предложил он.

— Да, да, — не слушая его, рассеянно ответил Бланк, — конечно, да.

— Что ж, — пожал плечами смотритель, — как изволите.

Бланк захлопнул дверь и вернулся в гостиную.

* * *

Поклажу погрузили на дормезы. Последний раз оглянув улицу и свой дом, в котором так много надежд было потеряно и так многое не сбылось, Александр Дмитриевич помог подняться Катерине и сел за ней сам.

Дмитрий подошел попрощаться с дворником.

— Ох, сударь! — разволновался Николай Фомич. — Вы уж не поминайте нас лихом. В добрый путь, — мальчик не удержался и обнял старика. — Что вы, что вы, — расчувствовался тот. — Вы уж берегите себя, Дмитрий Александрович, берегите. И постарайтесь держаться подальше от неприятностей. И в карты не играйте. Слыхал я про эти «аниверсететы», уж сказывали. Как говорится, худая карта в руках — и то лучше, чем добрая веревка... Так что с судьбой своей тоже не играйте. Ну все, все... Вас ждут.

— До свидания, Фомич.

— Прощайте, Дмитрий Александрович. Прощайте.

Заметив робко стоявшего на углу дома Веретенникова — Анна остановилась. Смутьившись, тот поправил шляпу и улыбнулся, не решаясь подойти. Анна ему кивнула, закрыла лицо рукой и скорее села в дормез. Веретенников поправил очки и отвернулся.

Экипажи покидали Московскую заставу, когда поднялись первые вислохи. Где-то вдалеке тревожно зазвенел пожарный колокол. Пламя быстро перекидывалось с одного дома на другой, выжигая оставшийся за спиной несуразный губернский город Пермь — почти дотла.

Глава 7

Последние полсотни верст пути от Казани до Кокушкино мужчины провели молча. Может быть, сказалась усталость от дальнего переезда из Перми — все-таки шестой день в дороге. А может, так передалось нетерпеливое волнение Веретенникова. Пока наши спутники солнечным весенним днем в начале Светлой недели катят на тарантасе к новому имению Бланков в Казанской губернии, разрешите вас с ними познакомиться.

Самого Веретенникова, конечно, представлять не нужно. Следует только сказать, что за прошедшие десять лет Иван Дмитриевич заметно возмужал и даже позволил себе отпустить небольшую бородку. Лицо его пересекали несколько крупных морщин. Но это был тот же самый Веретенников, который в свои счастливые дни с восхищением следил за каждым движением маленькой Анны, а в последовавшие за этим несчастные

годы — невыносимо страдал, не находя себе ни места, ни занятия. Наверное, это ему морщин и прибавило. Теперь во внутреннем кармане сюртука Веретенников вез драгоценнейшее кольцо, которое часто ощупывал по дороге, проверяя, что оно на месте, и пытался представить, какие слова скажет, когда встанет на колено, чтобы предложить свою руку и сердце, и что Анна ему на это ответит. Возвращаться в Пермь без ее согласия он решительно был не намерен. Пока он сам себе задумчиво улыбается, растерянно глядя по сторонам, представим его спутников.

Оба они немного младше, и оба — видные и статные молодые мужчины. Тот, который в очках, с длинными темными вьющимися волосами и бакенбардами, с ревностью читает сейчас книгу, хоть она и прыгает от тряски перед глазами, — это Залежский Андрей Александрович. Он кончил в этом году Казанский университет, был принят в Пермскую гимназию учителем математики и физики, где и сдружился с Иваном Дмитриевичем. Будучи любознательным, Залежский с удовольствием согласился совершить вместе вояж. К тому же он планировал завершить в Казани некоторые свои дела, большей частью — вернуть оставшиеся со времен учебы в университете долги. Должно быть, немало девушек млели перед ним, однако сам он даже и не думал ни о чем легкомысленном, пока не «станет на ноги».

Второй молодой человек, круглолицый и румяный весельчак с гладко зачесанным пробором, — это Александр Федорович Ардашев. По стопам своего деда он не пошел, а выбрал специальность юридическую, поступив в прошлом году на службу в уездное казначейство. Поразительно, но, в отличие от Залежского, серьезности в нем была лишь самая толика, да и ту углядеть было трудно. Как только Александр Федорович приходил на службу, наливал себе чай и начинал травить байки, и уже через пять минут все казначейство покатывалось со смеху. А когда Ардашев был в хорошем расположении духа — от его магнетизма к вечеру и вовсе работать было невозможно, хоть все бросай. Как уж они сошлись с Веретенниковым, а тем более с Залежским — бог весть, однако все трое считали себя лучшими друзьями. Веретенников долго обдумывал, кого пригласить своим шафером, пока Ардашев сам не вызвался. Лучшей кандидатуры и придумать было нельзя.

— Что это там у тебя, Андрей? — не смея отрывать Ивана Дмитриевича от его нетерпеливого волнения, Ардашев попытался подсмотреть обложку книги у Залежского.

— Да так, — отмахнулся тот, немного смутившись.

Наклонившись и все же прочитав заглавие, Ардашев обнаружил, что это была геометрия.

— Вот так новость, — удивился он. — Ну что ж, молодец. Приятно коротать время с умными товарищами.

— Это наш университетский профессор пишет, Лобачевский, — объяснил Залежский, оторвавшись от чтения. — Не слыхал разве про него?

— Которого в отставку вытолкнули?

— Ну да, его самого.

— Весь университет говорил, что он свихнулся.

— Никто его не понял, — хмыкнул Залежский.

— Ну а ты сам-то что понял?

— Это варьяция обычной геометрии, только в кривизне пространства.

— А-а-а... только и всего, — усмехнулся Ардашев. — Ну-ну... делов-то... Вот был один случай про кривизну пространства. Рассказать? Я расскажу. Как-то раз, когда я отчего-то захандрил — сейчас уже и не вспомню в точности, отчего именно это произошло — то ли день тогда был пасмурный, то ли кошка черная дорогу перешла с утра...

— То ли это было шампанское, — предположил Андрей Александрович.

— Ну да, возможно. Словом, вздумался мне один каприз. Захотелось мне вот что — первой же сударыне, которая случайно встретится, продекламировать стихи. Вот просто не мог молчать — так стихи прочесть захотелось.

— От избытка чувств, не иначе?

— Точно! И как только я это подумал, — продолжал Ардашев, — тут же смотрю, по другой стороне улицы гуляют две прелестные барышни.

— Постой, постой, — опять перебил его Залежский. — Что было сперва? Заметил ты этих милых любезных дам, а потом тебя настиг каприз, или наоборот?

— Никто уже сейчас не скажет в точности. Это уже неважно. Это было сиюминутно и прекрасно. Я делаю прямой угол. Вот как у тебя в книжке нарисован — вот смотри, вот такой, да — и перехожу на их сторону. Р-раз! Конечно, угол вышел не без кривизны пространства. Как и варьяция по Лобачевскому. Словом, перехожу я улицу, как сумел, и со всей чистотой порыва кричу им: «Сударыни! Я слезы лью; мне слезы утешенье; И я молчу; не слышен ропот мой, Моя душа, объятая тоской, В ней горькое находит наслаждение...» Ну и так далее.

— Я отчего-то даже не сомневаюсь, что именно так все и было, — улыбнулся Залежский.

— Ей-богу! Не сойти мне с этого места. Такой был чистый и изумительный порыв!

— Просто иногда, когда я тебя слушаю, я не вполне уверен, все ли можно принимать за чистую монету.

— Ты что хочешь сказать? Что ты мне не всегда веришь? Что, я разве брехун? — Ардашев подтолкнул Веретенникова. — Ты тоже так думаешь?

— Нет, ты поэт, — ответил Иван Дмитриевич. — Это другое.

— Вот то-то же! Слышишь? — повернулся Ардашев обратно к Залежскому. — Поэзия — это совсем другое.

— Ладно, ладно.

— Ну так вот, — продолжил Ардашев, — прочел я им Пушкина.

— Всего Пушкина? Всего-всего?

— Почти. В небольшом сокращении. И произвел фурор, конечно, немалый.

— Надо полагать, — рассмеялся Залежский.

— Да, весьма немалый! Я-то сразу увидел, что сударыни заинтересовались поэзией, да и самим поэтом, возможно, тоже. Ну я так подумал в этот момент, во всяком случае. Но тут кто-то хватя меня сзади за воротник.

— Ах ты ж как не вовремя, — посочувствовал рассказчику Залежский.

— Вот точно, ну совершенно не вовремя. Оборачиваюсь — стоит наш пристав, Вяземский Николай Петрович, и грозит мне вполне определенным намерением относительно моей физиономии. И откуда он появился, а главное — за что? Бить поэта — как можно было такое вздумать? И что меня выручило от постыдной гибели? Как думаешь, Андрей?

— Наверное, Саша, невероятная трезвость твоего ума в тот момент, — предположил Залежский.

— Точно! Она самая! — кивнул Ардашев. — И еще — кривизна пространства.

— Вот как?!

— Сурьезно! А еще — дрянные нитки, которыми пришивают воротники. Так что воротник мой — тр-р-р-ресък — и поэт делает геометрическую фигуру и возвращается на другую сторону улицы.

— И что ж, ты даже не узнал имен этих барышень?

— Как это не узнал? Их имена довольно известны в Перми. Одна — Наталья, другая — Елена.

— Постой, постой. Как же ты их узнал?

— Да как же их не знать? Да ты и сам их знаешь. Это ж были, собственно, дочери нашего пристава Вяземского.

— Тьфу!

— Да, а самое главное — стих я им потом все-таки дочитал, да... Но это был уже другой случай. Не расскажу ни за что, даже не упрасивай. Никак не могу себе позволить поставить этих милых и взбалмошных дам в неловкое положение.

— Да я и...

— А вот лучше послушай, какой был интересный случай кривизны пространства, когда я еще учился на юридическом.

— О-о-о, наверное, тоже что-то потрясающее?

— Безусловно! Сдружился я тогда с одним своим сокурсником. Шли мы как-то с ним вдвоем из университета. Как, бишь, было его имя, подождите... хм... да, точно, Толстой. Ох и картежник был. И захотелось нам вдруг, ни с того ни с сего, совершенно без очевидной причины — солянки со стерлядью...

— Стой! Только не про еду, — мучительно воскликнул Залежский. — И без тебя аппетит зверский.

— Да это, честно сказать, и не про еду вовсе.

— Все равно, уймись. Расскажешь как-нибудь в другой раз. Тебя не переслушать.

Ардашев хмыкнул, а Залежский, покачав головой, попытался вернуться к своей книге. Поглядев по сторонам, но так и не подобрав себе никакого занятия, Александр Федорович похлопал себя по коленям и не удержался, чтобы снова не обратиться к Залежскому.

— Андрей... Андрей!

— Что?

— Читаешь?

— Ну.

— Ладно... Может, и для меня что-нибудь неофициальное у тебя найдется прочесть? — учитель математики покопался в вещах и неожиданно вытащил томик «Современника». — Во как! — удивился Ардашев и с интересом открыл первую страницу. — «Кто

виноват?» — прочел он название. — Это что такое, юридическое?

— Ага, — прыснул Залежский. Не сдержался от смешка и Веретенников. — Читай, Саша, внимательно читай. Совестно будет потом не прочитать.

— Хм.

Ардашев устроился поудобнее и попытался серьезно приняться за роман. Первые несколько страниц он прочитал обстоятельно, потом однако стал часто перелистывать. Силясь понять, кто же виноват, а главное — в чем, он заглянул в конец журнала, но, так и не найдя ответов, захлопнул книжку.

— На, держи, — вернул он журнал, но не Ардашеву, а сунул в руки Веретенникову.

— Это зачем мне? — не понял Иван Дмитриевич.

— Тебе полезнее... Эх, как бы не вышло так, что мы чаю попьем да обратно в Пермь вертаем. Как в тот раз, Ваня, когда ты забыл очки и сослепу вместо пролетки поймал нам экипаж директора гимназии. Помнишь? Вот тогда очень резко возник вопрос в том, кто виноват. Да, было дело.

Залежский расхохотался, а потом забрал журнал и бережно сложил его обратно. Ардашев весело хлопнул Веретенникова по плечу, однако тот в своих мыслях был далеко и вряд ли вообще слышал, о чем сейчас говорили его товарищи. Ардашев махнул рукой, зазевал, отвернулся в сторону и скоро задремал.

Веретенников еще раз ощупал кольцо в своем кармане и улыбнулся.

* * *

Отправив казачка — мальчика-слугу в казачьем костюмчике — на дорогу встречать гостей, сам доктор Бланк поднялся на балкон второго этажа своего небольшого имения на берегу тихой реки и присел в плетеное кресло-качалку. Несмотря на весенние дни, было еще прохладно, и Александр Дмитриевич накинул теплый плед.

Катерина Ивановна раздавала дворовым последние указания. Кухарка занялась обедом — гостей сегодня ждали наваристые татарские щи с ячневой крупой и черносливом. Ожидавшие в сенях приказаний девки, в завязанных под подбородком платках и в нарядных платьях, перехваченных под грудью на русский манер, ушли готовить комнаты во флигеле. Дочери доктора Бланка, с трудом скрывая волнение, помогли друг другу нарядиться в кринолиновые платья, которые сам Александр Дмитриевич презрительно называл «клетками» и, если бы не тетушка Катерина, — точно бы запретил как бесполезные и вычурные. Только младшей четырнадцатилетней Софушке кринолин еще не полагался. Быстро управившись со своими легкими тарлатановыми юбками, с оборками и цветными лентами, девушка принялась помогать Анне.

— Какая ты красивая, — по-доброму позавидовала София сестре. — Наверное, Иван Дмитриевич будет делать тебе предложение, никак иначе.

— Да брось ты, — покраснела Анна. — Все ты откуда-то знаешь. Может, и нет.

— А ты согласишься?

— Неужели откажусь?.. А может, и откажусь.

— Ну конечно! — фыркнула Софушка.

— Нельзя сразу согласиться, — вмешалась Любинька. — Надо сначала время взять подумать. Так правильнее. А то Иван Дмитриевич решит, знаешь что?

— Что он может решить?

— А может решить, что ты не подумавши дала ответ.

— Это еще отчего?

— Потому что нельзя сразу соглашаться... А если он тебе по-французски предложение делать будет? Ты бы подучила французский. Вдруг не поймешь его. Так неудобно получится.

— Зачем ему по-французски делать предложение?

— Чтобы романтично было. Ведь сделать предложение по-французски — это романтично.

— Это старомодно. Вот после меня наступит твоя очередь — пусть тебе и делают предложение по-французски. А мне не нужно.

— Да отчего же вы думаете, что так сразу и предложение? — остановила их Маша.

— Сейчас Аня накрутит себе невесть что, а вдруг — нет?

— А зачем бы тогда Ивану Дмитриевичу сюда ехать? Еще и в Светлую среду. Конечно, делать предложение, — смеясь, София нарочно стянула тесьму так, что у Анны перехватило дыхание. — Похудеть тебе надо сначала, сестрица, прежде чем замуж выходить.

— Дурочка! — хлопнула ее по рукам Маша.

— Ну так шучу же я.

— А я вот ни за что замуж не выйду!

— Это почему же, Маша?

- Потому что это пошло.
- Что же ты будешь делать? — не поверила Анна. — Неужели здесь жить останешься с папенькой?
- Конечно, не останусь.
- А как тогда?
- Может, и выйду. Но тогда только для того, чтобы уехать куда-нибудь.
- Куда же?
- Куда-нито. Не знаю. Например, в Петербург.
- Конечно, в Петербург, — рассмеялась София. — Отчего ж не в Париж?
- А почему бы и нет?
- Что-то столичных женихов не видно в нашей глухомани, — заметила София. — Одни только зайцы скачут по лесам.
- Так откуда бы им тут взяться?
- Где же ты тогда жениха искать собралась? — удивилась Анна. — Ты лучше не манкируй. За кого папенька скажет — за того и выйдешь.
- Не надо, Аня, других по себе мерить.
- Не надо быть такой высокомерной, Маша.

* * *

Пока доктор Бланк выходил на улицу встречать тарантас, женщины собрались в гостиной и с нетерпением выглядывали через окно.

Поздоровавшись с хозяином, Веретенников представил ему своих спутников. Пожав друг другу руки и перекинувшись парой слов о погоде и о дороге, мужчины по приглашению доктора вошли в дом.

— Здравствуйте, Екатерина Ивановна, — поклонился Веретенников хозяйке и остановился на пороге. — Здравствуйте, девушки.

— Здравствуйте, Иван Дмитриевич.

Зашелестели платья, сестры сделали реверанс и украдкой подтолкнули Анну. Та смутилась и зачем-то сделала шаг вперед. Горя от желания на нее посмотреть и в то же время прилагая все свои усилия, чтобы не смотреть, чувствуя при этом, как он краснеет, Веретенников с самым глупым и растерянным видом уставился на цветы на ее небесно-голубом шелковом платье.

— Здравствуйте, Анна Александровна, — несмело поздоровался он, не поднимая глаз.

«Трудное же предстоит дельце», — чуть не присвистнул Ардашев.

— Здравствуйте, Иван Дмитриевич.

— Проходите, проходите, — широким жестом пригласил гостей доктор. — Скоро самовар будет готов. Ну же, проходите, садитесь. Не откажетесь от чаю после такой дороги?

— Да, пожалуй... Спасибо.

Мужчины неспешно расположились за круглым столом. Девушки в нерешительности остались стоять за их спинами. Катерина знаком показала им на кресла. Придерживая кринолины, девушки осторожно сели.

— Что там в Перми? Какие новости? — поинтересовался Александр Дмитриевич.

— Новости? — задумался Веретенников. — А вот открыли у нас пароходное общество.

— Надо же!

— Да. Скоро обещают запустить сообщение до Нижнего Новгорода. А потом, быть может, и до Казани. Будем к вам в гости мягонько плавать на пароходах. А не прыгать по ухабам на старых тарантасах.

— Вот это было бы замечательно, — удивился Бланк. — Даже удивительно.

Гости неловко замолчали, украдкой поглядывая на девушек.

— Надо же, вы охотитесь? — вдруг заметил Ардашев чучела тетеревов.

— Да, представляете, — похвалился Бланк. — Увлёкся. Вы тоже охотник?

— Немного.

Веретенников и Залёжский с удивлением посмотрели на своего товарища, однако тот ничуть не сконфузился.

— Хотите, покажу свою «фузею»? — предложил хозяин.

— Было бы любопытно, — согласился Ардашев.

— Не шутите? Тогда сейчас, обождите, — Бланк вышел из гостиной.

— Э-м-м... я заметил, на пруду поставили мельницу? — повернулся Веретенников к Катерине Ивановне.

— Да, Александр Дмитриевич распорядился, — развела та руками. — Только, право, не знаю, для чего она ему понадобилась, на самом деле.

— Папенька говорит, что она ему напоминает детство, — чуть слышно прошелестела Анна.

— Вот как? — Веретенников обернулся и, наконец-то, посмотрел ей в глаза.

— И нам тоже нравится, — отвела взгляд девушка. — А жируэтку новую не заметили?

— Нет.

— Посмотрите. Любопытная.

— Это настоящий анекдот, — подтвердила Екатерина Ивановна. — Приезжали ремонтёры, спрашивали лошадей. У нас, конечно, лошадей нет, но зато они умудрились продать Александру Дмитриевичу жируэтку в виде коня. Чем она ему так приглянулась?

В гостиную вернулся Бланк, торжественно неся в руках шомпольную двустволку.

— Позвольте, позвольте, — заинтересовался Ардашев, приняв ружье из рук хозяина. — Пожалуй, это дамасская сталь?

— Да, точно.

— И стволы бельгийские? Верно?

— Точно, — удивился Бланк. — Я вижу, вы разбираетесь.

Веретенников и Залежский снова переглянулись.

— Немного. А какая дальность?

— Ну... дальность не самая высокая... но кучность очень порядочная, — заверил доктор.

— И то верно, — одобрил Ардашев. — К чему большая дальность? Главное — кучность.

— Я не из тех, кто палит без надобности, знаете, — развел руками Александр Дмитриевич. — Я подошел к лесованию как к новой науке. Как разыскать выводки, как затаиться, как выждать и подобраться, да... А ежели вдруг все-таки пудель или подранок — на то и второй ствол. Надо сказать, интересная охота в наших местах!

— И то верно. Так а на какую дичь ходите?

— Чем лес богат. Корысть-то невелика.

— Утка, наверное?

— Да, гусь дикий, тетерев. Бывает, зайца пощелкаю.

— С какой дробы?

— С средней, утиной. Четвертого номера в основном...

— Это правильно.

— А у меня и шалаш есть в четырех верстах, — похвастался Александр Дмитриевич.

— Не хотите ли, сходим на охоту?

— На этой неделе нельзя, — напомнила Катерина. — Да и у нас еще чучела несшитые лежат. Вот шейте лучше чучела. Какая охота?

— Ну ладно, ладно, — рассмеялся Бланк. — В другой раз.

— В другой раз непременно, — согласился Ардашев. — Так вы и скорняжничаєте сами?

— Да, как видите.

— Красивые здесь места, — переменял тему Залежский.

— Очень, — подтвердил доктор. — А главное, от Казани недалеко. Вот скоро Дмитрий должен приехать. Не узнаете, как он вырос.

— Как у него дела в университете?

— Вот он и расскажет. Кончат первый курс юридического, переходные экзамены сдает... Вы ведь тоже Казанский кончили? — обратился Бланк к Ардашеву, который ему, совершенно очевидно, показался весьма симпатичен.

— Да.

— Стало быть, сами все знаете.

— Ну да, — кивнул Ардашев.

К дому подъехала телега. Бланк привстал и выглянул в окно. Скоро в дом торопливо вошел дворовой крестьянин в кумачном кафтане, плисовых штанах и в сапогах.

— Барин, — неловко обратился он к доктору, снимая картуз. — Здесь больную привезли из Богородского, очень спрашивают вас. Я сказал, что вы заняты. Может, прикажете обождать?

— Нет-нет, не нужно. Что там стряслось? — повернулся Александр Дмитриевич.

— Говорят, что баба совсем умирает, еле довели. Не знаю, барин, что стряслось. Очень просили.

— Пусть ведут в смотровую. Я сейчас, — крестьянин поклонился и вышел. — Бесконечно со всех окрестных сел больных везут, — извинился перед гостями Бланк. — Врачей в лазаретах нет. Всех, кто с медицинского факультета выпускается, тотчас забирают в военные ведомства. Неужели скоро война?... Лечат одним только скипидаром, м-

да... А я ведь и анестезию эфиром практиковать стал. Из Казани даже приезжают. Прощу, будьте как дома, я постараюсь скоро вернуться, — и доктор ушел в свой кабинет.

Выглянув в окно, Иван Дмитриевич увидел, как приехавшие мужики, бедно одетые — в лаптях, армяках и в валяных шапках, торопливо заводят под руки в дом крестьянку.

— Надо же, — удивился Веретенников, — Александр Дмитриевич и здесь практики не оставляет?

— Никому не отказывает, — развела руками Катерина Ивановна. — Особенно помогает крестьянам. И плату не всегда берет.

Дворовые тем временем внесли самовар и сдобу, гости принялись за чай.

* * *

В теплый весенний вечер в конце апреля пол-Казани высыпали на променады по бульвару вдоль насыпи у западного рва Кремля. Только уже когда на закате подул прохладный ветер и азанчи с минарета начал кричать суан, татары в чибитейках засобирались на намаз. Русские же, кутаясь в накидки и плащи, остались полюбоваться на изумительную панораму Волги и Казанки, которые разлились в паводок, словно море — едва обозримое.

Выйдя из университета, двое студентов в мундирах поспешили к закрытию книжной лавки. Однако оказалось, что выписанные из Петербурга книги, которые они уже давно ожидали, — все еще не доставили. Купив бумаги и перьев, студенты несолоно хлебавши отправились вдоль по Воскресенской. Разглядывая по дороге афиши на тумбах и вывески модных галантерейных магазинов, они вдруг остановились около кабака.

— А вот знаешь-ка, Митя. Ты даже не представляешь, до чего вдруг захотелось ренского, а? — предложил один из них, веснушчатый и долговязый паренек, с которым вместе младший Бланк квартировал в Казани. — Не умею выразить, как это захотелось. Бывало ли с тобой такое?

— Брось, — отказался Дмитрий.

— Вот те раз, как тебе сказать. Это еще почему?

— Куда-нибудь да унесут ноги, только не к экзаменам готовиться.

— Экой ты, экзамены! Разве ж ты не хозяин сам своим ногам? Решено же сегодня начать готовиться — так и сделаем... Но как же можно штудировать науку, когда душа — ну просит хотя бы штоф ренского. Ну?

— Разве это душа просит?

— А как же. Разумеется, душа. А что? Ведь ежели подойти к этому делу-то бездушно, то и никакая наука в голову не пойдет. Никак это невозможно. Хочу ренского!

— Брось, Женька, капризничать. Какие глупости. Кончим без приключений!

— Кисло! — скривился Женья.

— Зато не горько.

— Ну! Воображаешь! — попытался растолкать Митю товарищ. — По паре штофов. И потом непременно готовиться, — Митя отступился, и студенты зашли внутрь. Спросив вина и печеных яиц, молодые люди сели за стол. — Вот что, — отхлебнув из штофа, облокотился на стол Женья, — а скажи-ка, какие девушки тебе нравятся? Только взаимно. Между нами.

— Что значит, какие нравятся?

— Ну как? Ну что, разве любые?

— Хм... нет, не любые, разумеется, — задумался Митя.

— Ну вот вообрази себе какую-нибудь этакую такую красавицу. И опиши мне ее. Ну, к примеру, светленькая она или темненькая? Или, может быть, курносенькая. Или еще какая-нибудь-то... пленительная?

— Для чего ты спрашиваешь, не пойму? Чтобы я какую-то воображаемую барышню описал тебе?

— Ну да.

— Зачем же?

— Вот ты не отвечаешь, а мне теперь еще интереснее стало спросить, — рассмеялся Женья.

— Как же я могу тебе ответить, ежели ты невесть что спрашиваешь?

— Мне вот, к примеру, не нравятся барышни с веснушками. Вот категорически. Тебе-то нравятся с веснушками?

— Почему нет?

— А вот мне — нет. Что ж... выходит, что ты отказываешься со мной об этом говорить. Ну-ка тогда скажи, отчего ты меня к себе в гости не пригласишь на лето?

— Приезжай, — одобрил Митя. — В любое время.

— А ты говорил, у тебя пятеро сестер. Сразу пятеро! Подумать только!

— Ах вот зачем напрашиваешься? Как это я тебя не раскусил?
— Постой, постой, вовсе нет. Ну как ты мог такое вздумать? Я же шучу!.. А вот скажи, Митя, какие они? Красавицы? Милые? Может, капризные? Очень мне симпатичны именно капризные. Ну?
— Конечно, капризные.
— Тогда приеду. Познакомишь? Невзначай. Но обязательно.
— Приезжай хоть невзначай. Ведь не приедешь же?
— Ей-богу, точно приеду.
— Обманешь?
— Нет, клянусь!
После третьего штофа вина друзья заказали водки и рыбной «сумсы».
— Отчего же кругом нес... нес... несправедливость? — задумался Дмитрий, вода по воздуху горячим пирожком.
— Где? — огляделся Женя, не совсем его понимая.
— Ну вот... — показал по сторонам Митя. — И вот... везде.
— Не вижу.
— А ты получше.
— А-а-а!
— Да, и вот... я тебя спрашиваю. Отчего есть богатство... а есть бедность? Ты как считаешь?
— Вот ты про что! А я-то... это... ну не понял вначале-то.
— Да.
— Мгм.
— Вот-вот.
Помолчали.
— Так... про что это ты сейчас спрашиваешь? — забыл Женя.
— Я говорю... почему каждый не может быть... богатым. Как думаешь?
— А-а-а. Вот ты про что. Так ты, стало быть, ищешь... ну как, бишь... справедливости? И еще, наверное, честности, да? Как в книжках?.. А знаешь, это отличный, прекрасный тост, а? — друзья выпили еще. — А вот ты теперича подумай, Митя. Ежели все будут господами, то кто будет работать?
— Все будут. Без господ.
— Так... э-э-э... — растерялся Женя.
— Ежели господа... богатеют с чужого труда, — продолжал Дмитрий, — что ежели... каждый сам смог бы богатеть... со своего труда сам.
Женя икнул и не ответил.
Неожиданно заметив, что прошло уже немало времени с тех пор, как они сюда зашли, студенты засобирались. Расплатившись, товарищи вышли на улицу. Становилось совсем прохладно — весна на Волге хитра и переменчива.
— Так, Митя... у тебя сколько денег осталось? Тридцать копеек на осьмушку чаю еще найдется?
— Пожалуй. Вот два рубля есть.
— Как же это два, когда я у тебя десятку ассигнациями видел? Разве уже потратил?
— Ну так это за квартиру и за стол. Ты сам уже заплатил за этот месяц?
— Ну, я... два-то рубля за квартиру я отдал. А еще два, как тебе сказать... пока должен остался. По осени отдам... Выходит, на сахар у нас нету?
— Неделю надо тянуть. Давай без сахару. Ничего страшного.
Митя умолчал, что у него припасены еще пять рублей. Он копил на подарок отцу ко дню рождения — хотел купить настоящий охотничий нож.
— Или лучше взять табаку?
— На то и другое не хватит.
— Но ведь без табаку никак нельзя, — категорично отрезал Женя. — Как к экзаменам готовиться без табаку?
— Тогда надо взять немного табаку, — согласился Митя.
— Не шутишь?
Ступив на дощатый тротуар, Женька запнулся и столкнулся плечами со спешившим мимо них молодым татаринном в чикмене (широком халате) и в буреке (суконной шапке с мехом).
— Сторонись, кяфиры! — рывкнул тот и толкнул студента.
Дмитрий едва успел подхватить своего товарища под руки.
— Собака! — окликнул татарина осмелевший от водки Митя. — Фьюить-фьюить!
Тот опешил и остановился, а потом набрал побольше слюней и плюнул студентам под ноги. Не растерявшись, Митя тотчас сделал то же самое. Подивившись такой отчаянной самоуверенности, татарин подошел на сажень и плюнул храбрецу на сапоги.

Подобного оскорбления стерпеть было уже невозможно. Схватившись за грудки, оба повалились на мостовую. Наверное, все кончилось бы настоящим кулачным боем, а такое бывало нередко, но рядом вдруг остановилась закрытая карета. За приподнявшейся занавеской мелькнул край чадры.

— Ибрагим! — строго позвал женский голос.

Татарин оттолкнул от себя Митю, поднялся на ноги и отряхнулся. Выслушав что-то, он почтительно поклонился. Занавески опустились, и экипаж укатил.

— Ну что вы за свиньи? — хмыкнул татарин.

— А ты чего толкаешься?

— Проваливали бы.

— Абрек!

Татарин сжал кулаки, но в их сторону уже спешил квартальный. Не желая с ним связываться, татарин развернулся и ушел, что-то себе бормоча. Полицейский остановился и погрозил студентам пальцем. Осмелевший Митя погрозил ему в ответ.

— Смело ты его уделал, Митька, — подивился Женья.

— Блефовал, — признался Дмитрий.

Улицы стали пустеть.

Многочисленные торговцы сайками, тканями и привозными безделушками, сложив свои товары по тележкам, разошлись, наполняя трактиры. Вера запрещала магометанам спиртное, однако всегда находились хитрецы, которые вино именовали «бальзамом», а в трактиры ходили — исключительно «лечиться».

— А кстати, о блефе. У Столбова же сегодня собираются на бостон, — вдруг вспомнил Женья. — Что думаешь?

— Ничего. Шут с ними.

— Но ты же сказал, у тебя два рубля есть. И у меня рубль. Айда, испытаем. А как повезет — там и сахару купим, и табаку.

— А просадим?

— Ну просадим — так не купим. Попробуем. Идем! Ну давай, что тебя все время уговаривать приходится?

Свернув с центральной улицы, товарищи дошли до малоприметного двухэтажного дома и поднялись по темной лестнице в маленькую комнатку, в которой едва умещались две кровати, стол и бюро, полное книг и тетрадей. Гул из комнаты было слышно еще на улице. Как только товарищи открыли дверь, их сразу окутало клубами табачного дыма.

— А-а-а! Кто пришел! Заходите, сейчас жженку варить будем.

На столе уже были приготовлены шампанское и ром.

* * *

Вечером семья Бланков и их гости вышли на прогулку. На берегу пруда возле большой качели, где обычно по праздникам ставили балаган для кукольных представлений, сейчас устроили большой шатер и столы, вынесли кресла. Подали холодную утку, студень и вино. По обыкновению последнего времени, Александр Дмитриевич принялся ворчать насчет европейской моды. Сегодня его недовольство почему-то обрушилось на вилки.

— Что такое, Саша? — с улыбкой спросила его Катерина. — Чем тебе на этот раз не угодили?

— А что я должен, прошу меня извинить, этой вилкой кушать? — недоумевал доктор. — Неужели студень? И как же изволите его брать вилкой? Такой инструмент больше бы подошел, чтобы оперировать или удалять зубы, а не ужинать. Что же мне, может, прооперировать сейчас студень? Или, наоборот, унести с собой вилку в смотровую, чтобы ею потом зубы рвать? — Бланк неуклюже попытался взять холодец вилкой, и, конечно же, ему этого не удалось. А может быть, он и сам был рад повеселить своих гостей. — Вот смотрите, все падает обратно, — продемонстрировал он.

— Поэтому тебе единственному принесли ложку, — Катерина взяла полотенце и аккуратно вытерла Александру Дмитриевичу бороду.

— Где? Я не вижу.

— Вот же она.

— И правда... Ну конечно, смейтесь надо мной, — потянулся он за большой расписной деревянной ложкой. — Кому вообще пришло в голову изобрести вилку? Почему мы, к примеру, не кушаем скальпелями?... А вы все, я так посмотрю, изволите кушать вилками? Ну-ну, посмотрю я на вас. Вы и вино, пожалуй, вилками пить сейчас станете? Прелюбопытно!

— Вино мы вилками пить не станем, не волнуйся.

— А я бы посмотрел. Вы попробуйте, это должно быть интересно.

— Нет, мы не станем.
 — Напрасно. Пробуйте же студень, не стесняйтесь. Почему вы не подходите? Берите вилки, угощайтесь. Когда у вас это никак не получится — мне больше потом достанется. Давненько я от души не хохотал. Вот будет сейчас потеха. А ложка-то только одна, и она у меня! Что будете делать?
 — Не нужна нам твоя ложка. Налей лучше гостям вина.
 — А не прооперировать ли мне теперь этой вилкой — утку?
 После еще одной осьмушки красного Бланк, сев в кресло, принял вид самый благодушный.
 — Маша, давай со мной, — позвала Софушка сестру, вспрыгнув на качели.
 — Не хочу, — отказалась девушка.
 — Давай я с тобой! — согласилась Катюша. — Раскачайте нас кто-нибудь.
 — У-у-ух!!!
 Ардашев подошел к девушкам.
 — А ну-ка, барышни, можно ли юноше красному вас раскачать?
 — А вы разве умеете?
 — А как же! До самого неба.
 — Вы же нас уроните!
 — Как можно! Я самый бережный из всех раскачивателей качелей. Всегда, когда требуется кого-нибудь с самой высочайшей бережностью раскачать на качелях, непременно бегом бегут сразу за мной. Вы разве не знали? Ну-ка! — продолжая без умолку каламбурить, Ардашев вскочил на качели к девушкам.

Все так же сжимая кольцо в кармане, Веретенников с наслаждением смотрел на Анну, забыв об остальном. Девушка веселилась вместе со всеми, но украдкой то и дело поглядывала на своего застенчивого Ивана Дмитриевича.
 — Очень милые люди, — подошел к Веретенникову Залежский. — Я в восторге.
 — Не жалеешь, что поехал? — обрадовался Иван Дмитриевич.
 — Отнюдь! — мужчины стояли на берегу пруда, разглядывая поля и лес. — А знаешь, меня удивляет, как здесь живут крестьяне, — заметил Андрей Александрович. — Погляди, какие у них избы. Как они одеты. Ты обратил внимание? Чистые, нарядные. И сравни с тем, что мы видели по дороге. Александр Дмитриевич! — окликнул Залежский как раз направлявшегося в их сторону с бокалами вина доктора Бланка.
 — А я к вам иду, иду, молодые люди!
 — Скажите, какой у вас урожай? — поинтересовался Залежский.
 — Урожай чего? — переспросил Александр Дмитриевич.
 — Не знаю, к примеру... овса?
 — Овса? — задумался Бланк, подсчитывая в уме. — В добрый год, пожалуй, и до шестидесяти пудов с десятины доходило... Берите, берите, угощайтесь, — протянул он бокалы.
 — Спасибо.
 — Французское. Отличное вино, мне настоятельно рекомендовали. И не обманули.
 — И правда, отличное...
 — А вот ежели гороха — так и пудов по сто собирали не раз, — похвастался Бланк.
 — Это же хороший урожай? Верно?
 — Недурный, да, недурный, — важно подтвердил доктор.
 — А сколько душ? — деловито продолжал интересоваться Залежский.
 — Мужиков — около сорока. Да на полевые работы берем с окрестных деревень. Вот даже купили стальные плуги... Хозяйствую, хозяйствую.
 — Удивительно.
 — Да-с, земля любит хозяина, рачительного... Не желаете ли закуски?
 — С удовольствием.
 — Идемте тогда к столу? — пригласил Бланк. — Куда же вы ушли?
 — Конечно же, — согласились мужчины.
 — Вот и посуды теперь, — подтолкнул Залежский Веретенникова по дороге. — Что станет, ежели вдруг твоя революция вот прямо сейчас? Не станет на земле хозяина, начнется голод. Не готово еще ничего, не готово, Ваня!
 — А крестьянин кто, не хозяин разве? — возразил Иван Дмитриевич.
 — Нет, не хозяин. Неа.
 — А кто?
 — Работник. А чтобы работник стал хозяином, он должен думать иначе.
 — Да ладно... впрочем, я не всурьез.
 — Вот и хорошо, что не всурьез. Потому как ежели братья всурьез, как это во Франции или в Венгрии, — продолжал Залежский, — то тогда мы должны сделать для начала

своих работников свободными. Например, как в Пруссии.

— Ну да, ну да, — Веретенников потерял малейшее желание сейчас спорить о политике.

— Да только наш государь Николай Павлович уже третий десяток крутит гайки и не замечает очевидного, — развязался язык у Залежского. — А вот это, знаешь, запретить литературу, запретить собрания... все запретить, всем уши заткнуть, глаза закрыть — плохо кончится. Время уходит.

— Верно, между прочим, — вмешался Бланк, услышавший последние слова Залежского. — Никто не думает, а что будет, ежели война?

— С кем война? — удивился Иван Дмитриевич.

— А как знать? Разве кто скажет, что вот, мол, завтра война с тем-то и тем-то и продлится она столько времени, а потом кончится. Так нет ведь? Все было бы по-другому, ежели б так... Да, желающих видеть нас слабыми — всегда много, и Николай Павлович все крепит Россию, крепит. Экой молодец! А что кругом кумовство да приписки — как будто никому об этом неведомо. С такой жизнью нам и врага не надо. А ежели еще и война — никто точно не пойдет за государя голову сложить. То-то же.

— Ох, мужчины! — Екатерина Ивановна прервала дискуссию. — Стоит вас хоть ненадолго оставить одних, и сразу все разговоры переходят в политику. Нельзя ли хотя бы не сегодня?

— Можно, душенька, — согласился Бланк. — Мы больше не будем, обещаем.

— С кем вы воевать опять собрались?

— Это мне просто приятно с образованными молодыми людьми пообщаться. Из любопытства, дорогая моя. От любопытства только, конечно. Разумеется, мы не собираемся ни на какую войну... Ежели только с Англией? — подмигнул Бланк Залежскому.

Когда стемнело, принесли хворосту и дров. Александр Дмитриевич достал жестяную банку с фосфорными спичками. Все столпились вокруг.

— Зажигаем? — весело спросил гостей Бланк.

— Как здорово, папенька! — захлопала в ладоши Софушка.

— Сегодня Хороводница, — напомнил Александр Дмитриевич, разводя огонь. — Будете хоровод водить али нет?

— Давайте встанем вокруг костра! — весело позвала Анна. — Давайте, давайте, все вместе! Вставайте!

Анна взяла за руку младшую Катюшу, а та — подхватила Ивана Дмитриевича. Девушки запели хороводную песню, но Катенька, обернувшись по сторонам, вдруг заметила, что Залежский замешкался и еще не успел встать в круг. Выбежав из хоровода, Катюша подхватила Андрея Александровича и хотела уже заскочить обратно — но остановилась. Улыбнувшись, она заняла другое место. Ничего Веретенникову не оставалось, кроме как взять за руку Анну. Девушка опустила голову, а потом крепко сжала руку Ивана Дмитриевича.

Когда совсем стемнело и похолодало, стали собираться домой.

— Ну-с, — подошел к Веретенникову Александр Дмитриевич, — не будете спорить, что здесь отличное место, чтобы прожить свои дни в полном спокойствии?

— Да, здесь очень красиво. И действительно спокойно, — кивнул тот.

— Я очень рад, что вы приехали. И ваши друзья, отличные товарищи, — продолжал Бланк. — Я рад знакомству. А то девушки за зиму совсем заскучали. У нас нечасто бывают гости. Ежели вы думаете, что мы каждый вечер так проводим, — то нет, разумеется.

— Отличный вечер.

— И вправду. С вашим приездом стало гораздо веселее. Скоро еще должен приехать Дмитрий. И тогда точно все будут в сборе.

— У вас прекрасные дочери, Александр Дмитриевич. И... и замечательный сын, — спохватился Иван Дмитриевич. Веретенников понимал, что пора было переходить к делу. Бланк был готов ему помочь подобрать нужные слова. — Наверное, вы знаете, что знакомство... с вашей семьей... изменило всю мою жизнь, — начал Иван Дмитриевич.

— Надеюсь, не к худшему изменило?

— Что вы!

— Шучу, конечно.

— И вы знаете, что жалование учителя... оно в наши времена средственное, безусловно. Но у меня есть и сбережения. И я даю частные уроки и думаю, что... что со временем и мое жалование станет существенно больше, потому что...

— Я не сомневаюсь, Иван Дмитриевич, — остановил его Бланк. — Вы можете мне себя не представлять. Я твердо знаю, что вы человек образованный, современный, об-

стоятельный. Вы мне очень импонируете... И Анне — уверен, что тоже. А что касается жалования — так ведь я и сам не смогу дать большого приданого. Должно быть, вы тоже это знаете?

— А ведь я именно об этом хотел с вами говорить.

— Действительно?

— Да... конечно.

— Об чем же?

— То есть... не о приданом, конечно. Это совсем неважно и даже лишнее... Зачем мы вообще об этом упомянули, не пойму... Александр Дмитриевич, я хотел просить у вас руки Анны Александровны... Только об этом мечтаю, больше ни о чем.

Бланк ласково улыбнулся.

— Тогда я должен вначале сам у нее спросить, прежде чем решить, благословить вас или нет.

— Безусловно, — согласился Веретенников.

— Что ж, вы и сейчас сурьезно?

— Более чем. Как никогда.

— Тогда я у нее спрошу. Завтра утром.

— Я не смогу уснуть, — вздохнул Веретенников.

— Не сомневайтесь, сможете, — махнул рукой Бланк. — Даже супротив, я советовал бы вам хорошенько этой ночью выспаться. А вдруг как Анна согласится?

— Неужели она может отказать? — испугался вслух Иван Дмитриевич.

Бланк рассмеялся и, ничего не ответив, повел Веретенникова под руку к дому, переводя разговор на охоту в здешних лесах.

* * *

К утру гурьба хмельных студентов разошлась. Женя задремал прямо на кровати. За столом остались играть четверо. В широкой тарелке — кассе — лежали вырезанные из писчей бумаги жетоны, большие и маленькие — по номиналу. Поменяли догоравшую свечу. За окнами начинало светать. Спор зашел о лошадях и предстоящих призах на московских скачках.

— Очень будет нынче интересно посмотреть на русских рысаков-трехлеток, — сдал игрокам карты ведущий. — В этом году будет высокое как никогда отношение к выигршам, господа. Очень большие ставки.

— Я бы поставил на новые английские породы, — предложил другой играющий.

— Они не вполне английские, — поспорил с ним ведущий. — Больше из Ирландии.

— И чем это хуже? Разве есть какая в сущности разница?

— Весьма существенная! Ирландские рысаки скачут мало и дурно. А русские заводчики берут их по своему незнанию и по каким-то глупым допущениям. Думаю, на этих «английских» лошадях и будет большая часть ставок. А я буду ставить только на русских рысаков.

— Что ж, это любопытный расчет... Помнится, в прошлом году ты говорил, что взял на скачках чистыми почти сто рублей?

— Девяносто, если быть точным.

— Тогда выпьем, господа, — за удачу того, кто дерзает? За храбрость дерзающего!

Из шкалика разлили по стаканам остатки хереса. Выпили. Закуска давно кончилась, так что оставалось только закуривать. Впрочем, табак тоже заканчивался.

— Девятый тур, — объявил ведущий.

Игроки взяли карты. Настала тишина.

— Что за оказия, кто это раздавал? Это не карты, а какой-то сумбур. Вы как знаете, господа, а я пас, — сбросил свои карты споривший с ведущим игрок.

— Тоже пас, — повторил третий.

— И я тоже пасую, — согласился ведущий. — Митя?.. Сдаю десятый тур.

— Обождите! — Дмитрий встал из-за стола и зашагал по комнате. Подошел к окну, постучал пальцами по стеклу, потом вернулся к игре.

— Покупаю, — решил он.

— Брось, — посоветовал ведущий. — Пять взяток побить? Пасуй, плюнь.

— Конечно, брось, — поддержали другие игроки. — Мы тебе отсрочку дадим. В другой раз отыграться дадим. Отступишь.

— Не стану. Сейчас играю.

Когда Дмитрий разбудил своего товарища, тот спросонья не сразу понял, где он. Ощупав мундир и разыскав картуз, Женя приподнялся.

— Что такое? Все, что ли, уже?

— Идем.

— Хорошо. Обожди-ка, — товарищи еле вывалились на улицу. Перед глазами все плыло. — О-ох, как меня вертит, — не в силах сдерживаться, Женя отошел в сторону. — О-ох!

Рядом остановились дрожки.

— Поедете, Дмитрий Александрович? — спросил бойкий извозчик в кафтане и с бородой. — Время-то раннее, пешком идти негоже, далече. А ну как прокачу молодых студентов!

Не слушая его, Дмитрий отмахнулся. Извозчик хмыкнул, натянул вожжи и укатил искать других ездоков. Отдышавшись, товарищи направились домой.

— Что ж, как сыграли, а? — спросил, наконец, Женя. Митя промолчал. — Что? Неважно?.. Что, совсем неважно? Да ты не молчи-ка. Тоже просадил рубль? — Митя вздохнул. — Ладно тебе. Оба рубля?

— Чуть больше, — еле слышно ответил Дмитрий.

— Вот черт. Ну, главное, что не десять. Не вешай нос, что-нибудь придумаем. А чай и без сахара попьем. Э-эх! — Женя подбросил в воздух и сам же поймал свой картуз.

— Нет, не десять.

Студенты остановились.

— Так сколько? — вдруг испугался Женя. Таким серьезным он Дмитрия еще никогда не видел.

— Триста ассигнациями.

— Что?! — Женя пошатнулся и схватился за рукав мундира своего товарища. — Должно быть, шутишь?.. Вот сволочь, так и знал, — рассмеялся он и хлопнул Дмитрия по плечу. — Конечно, шутишь. Я чуть не поверил. Ладно, идем... Так сколько? Я могу тебе немного одолжить. Сколько нужно, говори уже? Ну?

— Я же ответил. Триста. До осени. Или отыграться. Но я не стану.

— Как это?.. — оторопел Женя. — Митя, как вообще... можно было... Это разве взаправду?

— Взаправду.

— Да ладно. Завтра вместе сходим, поговорим. Простят. Не всуерьез же триста рублей отдавать-то. Чего смешить?.. Ну, погорячился. Ну, сговоримся, на десятку сторгуемся... так я тебе помогу ведь, и дело с концом. Главное-то, сам не переживай, — студенты дошли до своего дома и поднялись в комнату. Раздевшись, Женя лег в кровать. — Ну, ты чего? — спросил он у друга, который в задумчивости принялся сгребать со стола в кучу свои бумаги. — Надо выспаться. Никогда в жизни больше не стану пить проклятую жженку, будь она неладна. Обещаю это категорически!

— Спи, я тоже сейчас ложусь, — ответил Митя. — Сейчас ложусь.

— Мы это... сходим к ним, поговорим там, ну... Только ты не переживай. Все уладим.

— Хорошо. Спи.

Женя тут же захрапел.

* * *

По давнему заведению, Александр Дмитриевич и раньше вставал часов около шести, а теперь, с возрастом, — и вовсе стал поднимался затемно. Дворня это знала, и только начинало светать, уже ставили самовар. Доктор чай не любил, а вот парное молоко с кипятком, пара сырых яиц и ломоть свежееиспеченного ржаного хлеба — это был его самый любимый завтрак.

После восхода в столовую выходила Катерина. К этому времени заваривали чай, принесли варенье с кренделями или сладкие пирожки. Но поскольку на этот раз никто точно не знал, что предпочтут на завтрак новые гости, кухарка всю ночь провела за стряпней. Уже готовы были блюда с пирогами мясными и из квашеной капусты, со сладким и с картошкой. Открыты соленья и варенья, и даже из ледника по строгому приказанию Бланка принесено шампанское. Сегодня утром должна была состояться помолвка.

— Доброе утро, Саша, — тихо поздоровалась Катерина и села рядом за стол.

Бланк поцеловал ее руку.

— Как поживала, милая? — полусшепотом спросил он, чтобы не разбудить дочерей и гостей.

— Беспокойно... — Катерина закрыла лицо руками, о чем-то задумалась, как в полудреме, а потом потянулась за чашкой. — Тебе кипятку еще долить?

— Да, пожалуй... А я, наоборот, отлично выспался. Удивительно... Спасибо, достаточно... Отчего же тебе беспокойно спалось, милая? — заботливо поинтересовался доктор.

— Я не знаю, что это такое, Саша. Я словно сама не своя в последнее время. Ты разве не замечаешь?

— Право, я тоже, с одной стороны, взбудоражен, — подтвердил Бланк. — Но в то же самое время — совершенно покоен. Я очень рад за Анну. Разве ты не рада?

— Ты о помолвке?

— Об чем же еще? Разумеется, сейчас это самое главное, что нам предстоит. У меня ничего другого и в мыслях нет. Нужно бы хорошо подготовиться. Во-первых, венчаться — только здесь, в Богородском! Это будет мое главное условие. Во-вторых, свадьбу назначим после Покрова...

— А я — переживаю, как все дальше сложится, — прервала его Катерина.

— Дальше?... Ах, ты беспокоишься, должно быть, что Анна теперь уедет от нас? — улыбнулся Александр Дмитриевич. — Ну ничего. Я думаю, это обычное волнение для любого родителя. А ты послушай, как это звучит — Анна Веретенникова!.. Ты так переживаешь — об этом, да?

— Да, и об этом тоже... — уклончиво ответила Катерина. — Но не вполне.

— Я хорошо знаю Ивана Дмитриевича, — искренне заверил Бланк. — Впрочем, и ты его отлично знаешь. Не хуже меня. У них все будет превосходно, не сомневайся. И знаешь, я буду настойчиво просить Ивана Дмитриевича назвать первую дочь Екатериной, это третье условие... Екатерина Ивановна Веретенникова!

— Не стоит, не нужно. Это лишнее, Саша... А ты уже уговорился насчет приданого? — вспомнила Катерина.

— Да, я остановился на том, чтобы отписать как приданое часть имения. Мы вот что сделаем — пристроим еще один флигель. Чтобы молодым было, куда вернуться, ежели надумают. А нет — так скоро и Дмитрий, пожалуй, начнет заговаривать о женитьбе. Тогда пускай он едет жить сюда, а мы будем отсылать Анне каждый год деньгами. А ежели понадобится — так и еще один дом построим, так ведь?.. Вот было бы удивительно, ежели бы Дмитрий сегодня вдруг приехал, — с радостным нетерпением загадал Бланк. — А ведь он уже должен быть со дня на день. Возможно, даже и сегодня... Знаешь, Катенька, я — радуюсь. Скоро в этом доме будет много детских голосов, будут топтать ножки... Мы будем замечательными бабушкой с дедушкой. Как считаешь? — Катерина вздохнула и не ответила. — Что ты?.. Ну же? Что? — в шутку подтолкнул ее локтем Бланк. — Да как можно грустить в такое прекрасное утро? Об чем же?

— Об чем? — усмехнулась Катерина. — Я рада, что тебя больше ничего не тревожит. Значит, тебе живется легко.

— А тебе разве тяжело? — не понял ее Бланк. — Ну же! Что это такое? Об чем ты грустишь? Говори, наконец!

— Например, как идет время, — пожал плечами Катерина.

— И как же оно идет, по-твоему? Разве как-то не так?

— Быстро. Очень быстро.

— Время для всех, по-моему, идет одинаково.

— Нет, Саша, не одинаково. Очень даже по-разному... Саша, куда ушло наше время? Как это случилось так быстро?

— Как же это — куда? — подивился Александр Дмитриевич. — Так может говорить только тот, кто об чем-то жалеет. Разве ты об чем-то жалеешь?

— Нет, не жалею, — встряхнулась Катерина. — Все произошло лучшим образом, каким могло быть. Конечно же, лучшим образом. Во всяком случае, я себя в этом уговариваю.

— Конечно, лучшим, — одобрительно кивнул Бланк. — Нам не о чем жалеть. Какие разговоры? Ты не должна сомневаться... Да что ж это такое? — доктор пристально посмотрел на Катерину.

— На самом деле, мне опять снилась Анна, — призналась та.

— Она будет счастлива, ты сама это знаешь.

— Нет. Не она. Мне снилась Анна, — Бланк осекся, поняв, наконец, об чем идет речь. — Это она должна была сегодня радоваться, — продолжила Катерина. — Это она должна была быть здесь... У тебя нет чувства, что ты живешь чужой жизнью? Нет? А у меня есть.

— Вот этого не надо, я прошу тебя, перестань, — Бланк пригладил бороду и отстранился от стола. — Вот сейчас видно стало, отчего ты беспокойно почивала. Так ежели тебе приснился дурной сон, тотчас выброси его из головы. Не позволяй дурным снам омрачать себя.

— Снам? Что еще мне выбросить из головы? — усмехнулась Катерина. — Быть может, всю мою жизнь теперь выбросить из головы? Мне и так порой кажется, что вся моя жизнь — это какой-то сон, который случился не со мной.

— Да что ж с тобой сегодня такое? Ты не с той ноги встала?

— Сегодня? — голос Катерина дрогнул. — Что со мной такое сегодня? А ты не понимаешь? Мне плохо, Сашенька. Мне плохо. А ты не можешь понять. Скажи, а настоя-

щий ты — где? Ты здесь? Или тебя здесь нет? Мне иногда кажется, что тебя рядом со мной нет.

— А что я должен понимать? — вскипятился Бланк. — Ну что я, такой глупый старикан, лежу на печи, ничего не понимаю. Я не мальчик, Катенька, а ты — далеко не девочка.

— Вот спасибо!.. Твоя «Катенька» теперь уже не девочка.

— Пожалуйста! Катенька. И я — не мальчик.

— А жаль.

— Плевать! — воскликнул Бланк, но потом спохватился и перешел обратно на шепот. — Прости... прости меня, Катенька... Что это я, право... Но только скажи, что же мне следовало делать, когда это все произошло? Ну как по-твоему?

— Нельзя быть, Саша, таким жесткосердным, — не скрывая слез, покачала головой Катерина.

Александр Дмитриевич посерел лицом и сгорбился. Он закрыл лицо руками и замолчал. Потом встал из-за стола, прошагал по столовой и сел обратно.

— И все же, Катенька, это была чахотка... Была эпидемия чахотки. Анна была слаба. Ее организм не смог справиться.

— Организм? — переспросила Катерина. — Эпидемия? Ты послушай себя, Саша... Она была не от этого слаба.

— Пятнадцать лет прошло!

— Вот именно! Пятнадцать лет ты не хочешь меня слышать! — Катерина вскочила. — Ты все забыл! Может быть, я впервые поверяю тебе самое сокровенное, о чем мы мало говорили и редко, старались вовсе не говорить. Но тебе — все равно. Ты как будто забыл. Или как будто не с тобой это было. Зато мне — нет покоя. И чем больше времени проходит, тем мне горше. Особенно теперь, после смерти мамы... Когда и она меня — тоже не простила.

— Тоже?! — Бланк тоже поднялся, подошел к Катерине и попытался ее обнять.

— Ты помнишь, как Анна умирала? — отвернулась та к окну, словно разглядывая в нем что-то прошлое. — Как ее мучило удушье? Словно она не могла больше вдыхать жизнь. Это было слишком тяжело для нее. Она была так разочарована. Я пыталась с ней говорить, но все для нее было такое... безрадостное. Она была в отчаянии.

— Катенька, посмотри вокруг себя. Посмотри. Это прошлое, его нужно отпустить. Оглядишься, как нам здесь покойно. Ну? Разве не этого мы хотели столько времени? Разве не на это положили столько усилий, столько время? А какой у нас дом. А сад? Погляди на эти березы, на сирень, липу. Какая тишина. А какой здесь воздух! Да чего же еще можно желать, разве как не этого?

— Ты чувствуешь себя здесь покойно? — чуть слышно ответила Катерина. — А вот я не могу. Почему-то не могу. Я сама виновата. Видимо, я только потому обвиняю тебя в черствости, что сама не лучше. Я тебе доверилась... а сама ничего не смогла тебе дать.

— Давай лучше мы кончим этот бесполезный разговор, — осерчал Бланк. — Достаточно. Довольно. И желательно — навсегда кончим!

— Знаешь, Саша, как говорят, чем любовь отличается от жалости? Тем, веришь ты в другого человека — или только жалеешь его. Что у тебя здесь? — она приложила руку к груди Бланка. — Что ты чувствуешь? Не гордыню ли? Не это ли тобой двигало? А знаешь, в чем причина? В том, что ты всю жизнь жалел только самого себя на самом деле. И не возражай. Я такая же, как ты. Как с нами обошлись, какие несчастья нам выпали. Да? А ты любишь на самом деле хотя бы себя? Я уже не говорю про меня... Ну а меня — ты еще любишь?

— Что ты сейчас такое говоришь? — возмутился доктор. — Прекрати. Немедленно прекрати. Все. Точка! Сейчас я вижу, что ты не в себе. Дурной я человек или не дурной, несчастья нам выпали или мы сами своего счастья не видим. Разве об этом мы сейчас говорим? Я впредь запрещаю тебе заводить подобные разговоры, — потребовал Бланк, — тебе от них только худо, и мне тебя слушать больше невозможно. Докончим на этом! Чего ты теперь хочешь? Еще в такой день. Испортить помолвку моей старшей дочери хочешь?

— Запрещаешь?.. — ужаснулась Катерина. — Ты мне... запрещаешь? «Твоей» дочери?

— Именно так.

— Тогда знай, что я любила... видимо, не тебя.

— Любопытно знать, кого же? — съязвил доктор.

— Наверное... наверное...

Бланк поднял руку, не желая больше слушать Катерину. Закрыв лицо платком, она вырвалась и побежала в свою комнату. Врач хотел ее остановить, но в глазах потемнело. Схватившись за сердце, он сел за стол.

— Маменька, доброе утро! — столкнулась с Катериной в дверях Анна. Услышав слово «маменька», та только странно повела плечами и ускорила шаг, не сказав в ответ ничего. — Папенька! Доброе утро... Что-то случилось? — испугалась девушка, войдя в столовую.

— Нет, милая, нет, — с трудом улыбнулся Бланк, тяжело дыша.

— Плохо себя чувствуешь?

— Возраст, дорогая моя... это только все возраст... Хорошо спала?

— Отлично! — потянулась Анна и села за стол.

— Налить тебе молока? — предложил Александр Дмитриевич.

— Спасибо.

Отец дрожащей рукой потянулся за кувшином.

— Давай я сама, — опередила его Анна. — Не беспокойся... Да что же с тобой? Ты приболел?

— Аннушка... Вот что... Вчера я имел самый сурьезный разговор с Иваном Дмитриевичем...

— Правда? — дочь смутилась и отвернулась. — Что же они вам сказали?

— Собственно, просили твоей руки, — не в силах начинать с предисловий, признался Бланк.

— И что же вы им ответили? — спросила Анна, не глядя на отца.

— Как — что? Разумеется, отказал.

— Что?! — не поверила своим ушам Анна. — Как же...

— Нет же! — Бланк расхохотался. — Конечно же, нет... Ох, сердце опять что-то кольнуло... — снова схватился он за грудь. — Шучу я, дорогая моя. Опять шучу. Не сердись на старика.

— Папенька, это глупая шутка! — Анна схватила со стола полотенце и сделала вид, что намерена бросить им в отца.

— Я сказал, что должен спросить твоего согласия, — объяснил Александр Дмитриевич.

— А ежели я дам согласие?

— Я буду крайне удивлен... и даже потрясен, ежели ты его не дашь... Постой, ты разве еще не решила?

— Решила, — категорично ответила девушка и указала на дверь. — Я не согласна! Пусть Иван Дмитриевич воротятся восвояси.

— Что?! — теперь задохнулся от изумления Бланк. — Что ты... — и тут он понял, что ему отомстили, и снова расхохотался. — Ах ты... несносная! — Анна вскочила и радостно обняла отца. — Тогда я пойду и намекну Ивану Дмитриевичу, что он может сделать предложение.

— А мне что ему сказать? — растерялась девушка.

— Как это? — улыбнулся Бланк. — Просто ответишь «да» или «нет», когда он спросит.

— Я так боюсь, что оробею и ничего не смогу сказать.

— Вот еще! — Бланк погладил дочь по голове. — Благословляю тебя, милая. Совет вам да любовь. Ни о чем не переживай. Ты будешь самой счастливой на свете... Поступай всегда так, как чувствуешь сама. И все тогда будет хорошо... Все будет хорошо. Ну-с, тогда я пошел будить нашего касатика... Как думаешь, не подшутить ли тоже над ним?

— Не вздумайте, папенька! — категорично запретила Анна.

— Хорошо, хорошо. Не стану. Ну, все, я пошел. Жди здесь... Да, Аннушка, попроси, пожалуйста, снова отправить казачка на развилку. Вдруг сегодня приедет Дмитрий. Почему-то мне неспокойно.

— Хорошо, папенька.

— Ну, я пошел. Мы скоро вернемся с Иваном Дмитриевичем. Будь готова, жди нас.

* * *

Солнце уже высоко поднялось, когда Митя оделся и вышел на улицу. На душе грядли вороны и ходили темные тучи.

— Теперича уже прокатимся, Дмитрий Александрович? — снова окликнул его тот же назойливый извозчик, словно специально поджидавший у ворот. Не вполне владея собой, Митя сел в дрожки. — Что же, кажется, вы чем-то удручены? — полюбопытствовал Фомич, погоняя лошадей.

— Пожалуй, — вздохнул Митя.

— Разве-с вы не послушали моего совета?

— Не знаю, что же мне теперь делать, — пожал плечами Дмитрий.

— Чего именно не знаете?

— Не знаю, как отцу на глаза казаться. Не знаю, как в университет идти. И как даль-

ше быть, совсем не знаю... Как будто меня прихлопнули и сверху еще гирю пудовую навалили... Не понимаешь? Только что ничего не было — и за одно мгновение все кончено.

— Отчего же-с не понимаю? — кивнул Фомич. — Прекрасно могу понять. Но только что ж теперь, сделанного не воротишь. Значит, как-нибудь все да решится. Только не надо убиваться. С чего вы взяли, что все кончено? Главное, не наделайте еще больше глупостей. Слышите? Все решится!

Лошади ускорили бег, ветер засвистел в ушах, пыль полетела в глаза.

— Решится? — усмехнулся Митя. — А ну как попробовать отыграть, а? Ежели взаправду попытаться?

— Эй-ей... — возница прицокнул языком и покачал головой. — Как бы и вовсе худо этим не сделать.

— Да, верно, — согласился Дмитрий, тут же отказавшись от глупой затеи. — Пожалуй, этого делать не стоит.

— Хорошо, — поддержал его Фомич.

— И что же тогда? Попросить простить долг?

— Может быть. Вполне может быть.

— Что же тогда обо мне станут судачить в университете? Что я слов не держу? Да ежели и долг простят, но только после этого... никто меня и знать не захочет. Да поди как и хохотать начнут да сплетничать.

— И пусть дураки хохочут, — повернулся Фомич. — Что с того? А сплетничать — так это многим за радость, дай только повод кости поперебивать. Как говорится, всех сподряд слушать — себя не слышать. Какое вам, в сущности, дело? Вам нужно учиться слушать только самого себя. Вы еще такой молодой, Дмитрий Александрович. Вам так много предстояло бы узнать и понять. А главное — самого себя. Вот это-то как раз и не каждый может. Иные порой зажмурятся — и все у них хорошо. А вы — могли бы. Прошу вас, только сейчас не дурите. Есть вещи, для которых нужно время... А что касается этих вивёров, так почто они вам сдались? Держитесь от всякой дурной компании подальше. Учитесь себе спокойно.

— Что я сам себя уважать перестану? Ты спрашиваешь, что мне с того?! Ты сам никогда не учился в университете, не бывал в таком обществе и не представляешь, что это такое.

— Эва-на! — изумился возница, но не нашелся, что сказать в ответ.

Неизвестными путями миновали Булак, скоро Казань осталась позади. Лошади несли через поля, все больше отклоняясь от дороги.

— Ты не понимаешь самого главного, Фомич, — напрягая изо всех сил голос, пытался перекричать ветер Дмитрий.

— А? Что?

— Не понимаешь!

— Что-с не понимаю?

— Будущности.

— Что?! — Фомич внезапно остановил лошадей и повернулся к Дмитрию. Клубы пыли улеглись. Лицо у возницы было самым серьезным. — Конечно, куда уж мне понимать. То ли дело — вы, Дмитрий Александрович, как умудрены жизненным опытом. А однако же никому даже его собственная будущность неведома. И даже мне. Тем более — ваша. Знаете почему?

— И почему?

— Даже вам самому неведомо, что через минуту вы сами для себя выберете. Одно могу определенно сказать. Ежели вы решитесь на какую-нибудь глупость — не миновать еще большей беды. Так что постарайтесь, я вас прошу, стократ обдумать.

— На что же мне решиться? Этого я и не могу выбрать. Только одно могу предположить, просить денег у отца, — попытался порассуждать Дмитрий. — Но где же он их возьмет? Имение и так под ссудой, как его заложить? Могу представить, какую цену мне предстоит выслушать. И каждый день потом выслушивать, еще и с его шуточками. Уж я-то знаю, как это будет. А главное, как дальше платить за университет? Что же я, останусь подле своего папеньки сидеть, как девица переспелая?

— Глупости. Не думаю. Ведь он понимает, что без образования никак невозможно. Пристращает по-отцовски — ну так а как же без этого? Потом какой-нибудь способ непременно найдется.

— Я только с одной мыслию в университет уезжал, чтобы больше никогда не возвращаться. И наставлений отцовских больше никогда не слышать, — признался Дмитрий. — И тут такое... Так что это невозможно.

— Куда же вы потом собирались, Дмитрий Александрович?

— Не знаю. Куда глаза глядят. В Петербург. В Европу. Не знаю.

— О-хо-хо! — вздохнул Фомич. — В Европу! Эва-на! Позвольте все же сказать, Дмитрий Александрович, что вы, пожалуй, очень молоды и еще более безрассудны и наивны. Впрочем, все мы когда-то были молоды и делали разные глупости. Самое главное, сделавши одну небольшую глупость — не учудить за ней вторую. Как говорится, из присосавшихся в трясине ста пиявок какая-то одна непременно была самой первой, пока не присосались остальные... Думаю я, что лучше всего вам сейчас поехать домой, все рассказать отцу и попросить у него прощения. И скинуть эту пиявку.

— Нет, — отказался Дмитрий. — В конце концов, я не могу его так уязвить.

— Он ваш отец, а вы его сын. Что значит — уязвить?

— То и значит, что на этом кончено. Это мой позор, и переносить его мне самому.

Фомич долго молчал. Потом повернул лошадей.

— Как думаете, Дмитрий Александрович, то, что вы сейчас задумали, — это сила или слабость? Вы сейчас решились или отчаялись?

— Есть разница? — пожал плечами Митя. — Ежели сила, тогда пусть меня запомнят сильным. А ежели слабость — пусть меня простят.

— Как же? Ведь чтобы получить прощения, его нужно вначале попросить.

— Написать, что ли, записку?

— Кто ж просит о прощении в записках? Разве что тот, кому без разницы, получит он его или нет?

— А мне и вправду без разницы.

— Тогда это больше похоже на слабость, Дмитрий Александрович.

— А почему я не имею права быть слабым?.. Впрочем, чего никогда не было, того никогда и не сыскать. Прощай, Фомич.

Взяв в сарае старую пеньку, Митя поднялся в свою комнату.

— Женья! — позвал он товарища, но тот, конечно, спал крепче убитого. — Приезжай ко мне на отпевание... Ты же обещал приехать. С сестрами моими познакомишься. Они... прекрасные. Ты удивишься. Они замечательные. А отцу... скажи отцу, что я не мог его опозорить. И знаю, что он сможет меня простить. Надеюсь, он не станет долго горевать.

Затянув петлю, Дмитрий решительно оттолкнулся от стола.

Глава 8

Прячась от полуденного зноя, двое мужчин пили квас и играли в шахматы. Один из них — в солидном уже возрасте, с окладистой бородой, в рубашке с расстегнутым воротом, в жилете и в начищенных сапогах (и это в жару-то) — хозяин имения. Второй — средних лет, в очках, в рубашке с закатанными до локтей рукавами — его зять и любимый гость. Иван Дмитриевич играл белыми. Спасая коня, он старался вывести его сейчас из-под удара черного слона.

— Вы уверены в своем ходе? — хитро прищурившись, уточнил Бланк. Учитель задумался, внимательно глядя на доску. — Ну так что же? — повторил свой вопрос Александр Дмитриевич.

— Уверен, — пожал плечами Веретенников. — Что не так?

— Ну тогда вам мат, дорогой Иван Дмитриевич, — сделал свой ход доктор.

— Как?! — Веретенников вскочил и уставился на доску. — Как это?.. Я не понимаю...

— Вы много суетитесь, — улыбнулся Бланк, — и делаете лишние ходы.

— Дайте же мне хоть раз обыграть вас, — попросил Иван Дмитриевич.

— Так учитесь же, дорогой мой. Учитесь прямо сейчас, пока я еще жив... еще партию?

— С удовольствием, — согласился Веретенников. — Надеюсь, вы не собираетесь умирать? У меня еще есть время научиться у вас шахматам?

— А я не шучу. — лицо Бланка посерело. — Вы сами видите, что даже на второй этаж я уже поднимаюсь с одышкой. Думаете, я не понимаю? — Веретенников замолчал. — Не будем о грустном, — хлопнул его по плечу Бланк. — Давайте-ка лучше я покажу вам одну очень интересную задачку, — Александр Дмитриевич расставил на доске двух черных коней, две черные пешки, две белые пешки, черного слона и королей. — По условиям задачи начинают черные, — объяснил доктор. — Разрешите, я сыграю за черных?

— Пожалуйста, — уступил Веретенников. — А почему черные?

— Не знаю в точности. Это не совсем обычная задача. Возможно, черные не стали дожидаться, пока белые обдумают свой ход, и пошли первыми.

Мужчины рассмеялись.

— Забавно, — удивился Веретенников.

— Я шучу, конечно... Так вот, посмотрите внимательно на доску. Что вы видите преж-

де всего?

Учитель внимательно поглядел на фигуры.

— Я вижу, что у черных хорошее преимущество, — заметил он.

— Да, верно. Такая игра, пожалуй, будет нечестной, потому что черных фигур на доске действительно больше, — согласился Бланк. — Но поверьте, я ни за что не позволю себе начать партию с таким несправедливым преимуществом. Хотя... обратите внимание, что белые расставлены по доске удачнее черных.

— Пожалуй, вы правы, — вынужден был согласиться Иван Дмитриевич. — Тогда начинайте, пожалуйста.

— Ни в коем случае не хочу выиграть нечестно, — повторил Александр Дмитриевич. — Позвольте я сравню количество фигур. К примеру, видите — мой слон прикрывает коня от вашего белого короля?

— Так, — погладил подбородок Веретенников.

— Чтобы вы не подумали ненароком, что я собираюсь у вас выиграть, используя преимущество в количестве фигур, я уберу своего слона, — и Бланк отвел фигуру. — Теперь спокойно рубите, прошу, — предложил он.

— Игра уже началась?

— Да, конечно.

— Несколько неожиданно. Ну что ж, рубить?

— Разумеется.

— Право, мне как-то неловко.

— Мы же играем. Пожалуйста, пожалуйста, я настаиваю, — пригласил Александр Дмитриевич. — Почему нет? Вам ничего теперь не мешает.

— Ну что же... — Иван Дмитриевич срубил черного коня королем и убрал с доски.

— Теперь я угрожаю и второму вашему коню, — заметил он.

— Да, это прекрасный ход, — похвалил Бланк. — Пожалуй, второго коня я от вас спрячу. Вот так, немного в сторону. Только теперь вам шах.

— Тогда я, пожалуй, вернусь на свое место, — и Веретенников поставил короля на исходную позицию.

— Очень любезно с вашей стороны, — и с этими словами Бланк поставил второго коня на место первого.

— И что же вы такое снова делаете? — не понял Веретенников.

— Рубите, — опять предложил Бланк.

— Второго коня?

— А что вам мешает?

— Хм, — задумался Веретенников. — Ведь это не иначе как ловушка?

— Помилуйте, — воскликнул Бланк, — я же сказал, что только уравниваю счет в фигурах, прежде чем мы приступим к настоящей игре.

— Хм, — и Веретенников срубил второго черного коня своим королем.

Бланк взял слона и переставил на одну клетку.

— Вам мат, дорогой Иван Дмитриевич, — заметил он.

— Как?! — снова вскочил Веретенников. — Вы же сказали... Как вы это сделали? — Бланк рассмеялся. — Ну, право...

— Достоинство любой шахматной партии, — объяснил Бланк, — в наименьшем количестве ходов. Да, дорогой мой Иван Дмитриевич. Это задача пожертвования черных коней. Чтобы вы увидели, что кратчайший путь к победе чаще всего лежит через жертвы. И вопрос только в том, готовы ли вы на это пойти. Какой риск сможете принять. Что должно случиться, чтобы вы решились на кратчайший путь.

— Очень интересная задача, — задумался Веретенников.

— Одна из моих любимых, — согласился Александр Дмитриевич. — Вы ведь думали, я ослабну от потери коней, признайтесь, вы так думали? Что эти фигуры для меня должны быть важны? А на самом деле меня беспокоили совсем не они. Суть победы была в том, чтобы мыслить неожиданно.

— У вас многому можно научиться.

— Иван Дмитриевич, — наклонился Бланк к Веретенникову, — я должен теперь поговорить с вами кое-о-чем другом. Очень важным, совершенно сурьезном.

— Слушаю.

— Я составил завещание, — увидев, что его зять собирается что-то возразить, Бланк замахал руками. — Просто послушайте, прошу вас, Иван Дмитриевич. Вот это имение — здесь триста сорок десятин. Сто двадцать я отдал крестьянам. Когда мы с Екатериной Ивановной продали дом в Петербурге, то взяли ссуду в земельном банке. Она еще не вся выплачена, осталось немного. Я завещаю это имение только Анне.

— Почему? — удивился Веретенников.

— Я... я так решил, — ушел от ответа Бланк. — Просто вы должны знать, что ссуда

еще не вся выплачена, но я надеюсь, что вы все равно его примете. Анна здесь выросла, для нее это не просто домик у реки. Для нее — это дом... Такое мое решение. Она моя старшая дочь... Конечно, я бы хотел, чтобы здесь был Дмитрий, но... — слезы навернулись на глаза Александра Дмитриевича, и он больше не смог ничего сказать.

— Мне жаль, что все так произошло с Дмитрием, — попытался его утешить Веретенников.

— Мне тоже жаль, — тяжело вздохнул Бланк. — Мне тоже жаль.

— Папенька! — окликнули с улицы. — Когда вы освободите мне моего мужа?

— Идем, Аннушка, идем, — склонился через перила доктор.

— Надеюсь, вы не собираетесь обедать шахматами?

— Ни в коем случае! — заверил Веретенников, и мужчины зашли в дом.

* * *

Пока малыш спал, Мария Александровна тихо-тихо, едва касаясь клавиш рояля, наигрывала в гостиной вальс-фантазию Глинки. Анна сидела рядом с ней и читала вслух письма от сестер. Едва уловимая мелодия растекалась по комнате и улетала через открытое окно.

— Саша поступает в этом году в гимназию, — читала Анна письмо из Перми от Любушки. — Твердо уже заявляет нам, что станет юристом, как папенька, представляете? Александр Федорович так умиляется, когда это слышит. По нескольку раз на дню теперь переспрашивает: «Ну-с, Сашенька, так кем же ты хочешь стать? Когда ты это уже решишь?» — «Юристом обязательно, папенька, как вы. Я решил уже». А сам такой сурьезный-сурьезный. Александр Федорович — ну прямо млеет. Отойдет, а потом повыждет-повыждет и снова к нему: «Что же, Александр Александрович Ардашев, ты уже обдумал, кем хочешь стать, или еще не решил твердо?» — «Да, точно, папенька, твердо решил стать юристом, как вы». Это так мило... А Феденька говорит, что будет врачом, как дедушка и как прадедушка...

— Помнишь, — прервала ее Маша, — как мы напели однажды венков в день перед Иваном Купалой и подарили их папеньке и Дорофею Федоровичу?

— Да, и они с этими венками так и сидели весь вечер.

Девушки рассмеялись. Аня развернула второе письмо, вложенное в тот же конверт — от Залежских.

— Соскучилась я по вас — сил нет, просто ужасно. И по Кокушкино соскучилась, и по папеньке. Как у него здоровье? Передайте ему от меня поцелуй. Андрей сказал, что ему могут в скорости предложить должность Казанского окружного инспектора. Я была в таком восторге, когда об этом узнала! Вот если бы это случилось — мы бы переехали в Казань. Как было бы здорово! Я теперь только это и загадываю... Машенька растет такой здоровенькой, румяненькой — прямо колобочек...

— Ну вот зачем Катюше это надо было? — прервала чтение письма Маша. — Ну ведь просила же, не надо в мою честь называть. К чему это?

— Она тебя любит, ну что ты... и очень скучает по всем нам, — заступилась за сестру Аня.

В конце письма были приписаны несколько строк от Андрея Александровича. Он просил узнать у Александра Дмитриевича, сможет ли тот похлопотать насчет дома в Казани на случай, если назначение состоится.

Третье письмо пришло из Самары — от Софушки. Оно целиком было про детей. Как старшая Катенька учится читать по-французски и смешно картавит, как Любушка ловила вчера в саду лягушек, как Анята начала говорить первые слова, как Сашенька смешно гулит.

— Софушка такая счастливая, — по-доброму позавидовала Аня.

— Напиши ей, что если четвертой родится девочка, пусть обязательно назовет ее Машей, — съязвила Мария Александровна.

Анна промолчала.

Старшие дети Марии Александровны в это время дурачились в своей комнате с отцом, а старшая дочь самой Анны Александровны — накрывала на стол чай.

— Представляешь, и она хочет быть врачом, как ее дед, — кивнула Анна на дочь, когда та вышла. — У нас и так одни врачи да учителя, и она туда же... Представляешь? — Мария Александровна вдруг прервала игру и посмотрела на сестру. В ее глазах стояли слезы. — Что ты? — заметила Анна и подошла к ней. — Я вам всем так завидую, — ответила Мария. — И вы с Иваном Дмитриевичем так счастливы... и Любушка, и Катенька... и Софушка... только у нас с Ильей все не так.

— Что не так, Маша? Что стряслось? Ты сама не своя и ничего мне не рассказываешь... Почему не поделишься? Что с Ильей?

— Даже не знаю... он стал очень холоден, всегда чем-то где-то занят... А когда я его

спрашиваю, то говорит, что это я стала холодна... Даже самая мелочь выводит из себя... — Анна обняла сестру. — Вот вчера я кормила Володю, — продолжала Мария Александровна, — и мне вдруг почудилось, что это не он, а Оленька. Бедная моя маленькая Оленька... Я забрала грудь, бросила малыша в кровать и... убежала. Что со мной? Я схожу с ума?

— Ничего, ничего, — погладила ее по голове Анна. — Время лечит... Вы еще и на новом месте, в чужом городе, на наемной квартире... Пока все наладится, найдете себе дом, обустроитесь... время все вылечит. Все будет хорошо...

— Не в этом дело... совсем не в этом.

— Ты не хочешь сходить завтра со мною на кладбище к тетушке Катерине? И в церковь зашли бы? Тебе станет легче.

— Нет! — твердо отстранилась от сестры Мария Александровна. — Я не пойду.

— Почему? Поставим свечку. Вам пора примириться. Хотя бы так.

— Нет. Что мне там делать? Поставь две за меня.

— Что ж, не ходи... я схожу одна... или возьму с собой Анюту... — кивнула Анна Александровна на старшую дочь. — Я ей говорю, что тетушка Катерина — ее бабушка. Маша отвернулась и насупилась.

Анна вздохнула и пошла звать мужчин пить чай.

* * *

Вечером неожиданно приехали крестьяне с очередной хворью, и Бланк опять отправился в кабинет принимать их.

Откупорив наливку, Илья Николаевич и Иван Дмитриевич сели в гостиной.

— Ну а у вас что, как городская Дума? — поинтересовался Веретенников. — Такой же бедлам?

— Да и еще похлеще, — отмахнулся Ульянов. — Сам понимаешь, это новое городское положение — на всех одинаковое, а читается везде по-разному. В Петербурге одни буквы писаны, у вас в Перми другие видятся, а у нас в Симбирске слышатся третьи. Как и везде. Словом, как требовалось от учителя «покорность и повинение» — ничего не изменилось совершенно. Придется опять со всеми воевать.

— Ну, на этот раз ты как-никак губернский инспектор, первый человек в образовании. Уж если не ты развернешь эту старинную телегу, то кто еще?

— Это не телега, Ваня, а просто гора из недоразумений и пережитков.

— Все равно кто-то должен это делать, — развел руками Веретенников.

Мужчины выпили по стопке и налили еще.

— Идут большие перемены, Ваня, друг мой, идут! — откинулся на спинку Ульянов.

— Скоро будет война в Европе между французами и пруссаками. Большие перемены будут и до нас дойдут непременно.

— Почему ты так думаешь? — хмыкнул Веретенников. — Пока до нас дойдет, уже все рассеется, один ветер останется.

— На этот раз, я думаю, не может не закончиться ничем. Рабочие теперь должны сказать свое слово! Они вооружены — словом, знанием! Вот так! Ведь для них — это чужая война... особенно для французов. Самое благоразумное сейчас — скинуть царя и не ходить на бессмысленную войну... и объявить республику. Они должны пойти на революцию. Сейчас или никогда, — отрезал Ульянов. — Иначе следующая война станет еще кровопролитнее... И неизбежно все закончится республикой.

— Опять революция. Да неужели и вправду будет революция?

— Самое трудное, — продолжал Ульянов, — убедить рабочих, что одних экономических требований будет недостаточно. Они хотят, чтобы им повысили плату и сократили рабочий день. Но никогда этого не получат без революции. Они не понимают, что фабриканты им не уступят. Ведь ежели те один раз пойдут на уступки рабочим — тут же получат новые требования. Поэтому рабочие должны сразу бороться за полную власть. Они теперь организованы, им нечего терять.

Илья Николаевич говорил уверенно. Возразить ему было трудно.

— Тогда у этой борьбы не будет конца, — рассудил Иван Дмитриевич, — потому что не уступят ни те, ни другие.

— Пока бесповоротно не победит кто-то один, — кивнул Ульянов. — Про что я тебе и говорю. Но, впрочем, я с тобой согласен. То, что мы видим, — это только начало нового фазиса. А вот для России — это лучший момент вступить в свою борьбу. Наше общественное земледелие — готовая почва, чтобы миновать капитализм. Наша общественная система изжита, Ваня. Котел бурлит, мы достигли апогея, пора снимать крышку. Нужно пробудить пугачевское сознание.

— А мне вот страшно от этих слов, — признался Веретенников. — Многим не понравится то, что вырвется из этого котла. Какая вековая... ярость, ненависть!

— Ух, как ты сейчас точно сказал, — поразился Ульянов. — Я сразу вспомнил своего отца. Он был крепостным, сбежал в Астрахань. В его глазах я часто видел именно это — ярость и ненависть... Так что мы лучше снимем эту крышку сами, чем будем стоять в стороне и бояться, чтоб не ошпарило. Это совершенно неизбежно, теперь это уже все понимают, только вопрос времени. И ошпарит обязательно. И лучше бы в этот момент нашелся тот, кто будет способен направить стихию хотя бы в какое-то рациональное русло, а не в анархию. Потому что сила будет огромной и... трудноуправляемой. И даже не надейся, Ваня, что тебе удастся отсидеться на Урале. И оттуда достанут, когда придет время.

— Ты так горячо говоришь об этом. А вот я сомневаюсь. Чем дальше от Петербурга — тем все тише, тише, тише... Глухомань, глухомань. Все по-старенькому, все по-прежнему... какая еще революция, кому она нужна? Надо ли вообще всем нам идти по этому пути?.. Илья, куда мы пойдем, в какую пропасть? Все как с ума сошли. Полицейское государство — долой, тирана — долой, все остальное — долой. Выходим на митинги, берем власть. Хорошо, пусть все старое — долой. А что новое-то поставим на это место? Есть что поставить? А ежели нет — так не лучше ли вместо того, чтобы думать, кого первым пойти убивать, — подумать о том, что доброго и хорошего мы можем сделать. Ты, я, вот конкретно сейчас, вчера, сегодня. Каждый бы задал себе такой вопрос. Никого чтобы не убивая. Ведь мы учителя. Рядом с нами — дети. Мы каждый день можем делать для них что-то хорошее, доброе. Вот будет настоящая революция — когда они вырастут и тоже принесут добро. Революция в умах — без крови на руках. А не то, об чем ты сейчас говоришь. Уничтожить, переворотить, кровопролитие...

— Как же ты несознательно мыслишь, — расстроился Илья. — Ты идеалист. Ты не думаешь о том, что еще десять лет — и нынешние дети полицейских так же, как и их родители, без малейших раздумий пойдут расстреливать и вешать нынешних детей рабочих. Это они сейчас, в твоих глазах — дети. Нести добро! Ты посмотри на Европу. Как воля одного человека может изменить ход истории. Понял?

— Где у нас такой человек, Илья?

— Вот потому крышка до сих пор не снята. Пожалуй, теперь это осталась единственная причина. Поэтому мы должны быть исключительно строги и к себе, и друг к другу. И учить этому детей. Тогда такой человек и появится. Если даже не в нашем поколении — пусть будет в следующем. Уж на это мы можем повлиять. Ведь ты правильно говоришь — мы учителя! Так? Значит, все зависит от нас! — в соседней комнате заплакал малыш. — Маша! Маша! Да что за растяпа! Обожди, чуть позже продолжим, — вскопчил Илья Николаевич, — опять Володька буянит. Я сейчас, пять минут, — и Ульянов выбежал из гостиной.

* * *

Бланк сидел один в своем кабинете и следил за стрелкой на часах, считая пульс.

— Папенька? — постучалась Анна. — Ты не занят? Все в порядке?

— Все хорошо, моя милая, — встрепенулся доктор. — Все хорошо. Заходи.

Анна подошла к отцу. Тот взял ее за руку, стараясь медленно и глубоко дышать, чтобы скрыть одышку и не волновать дочь. Девушка присела рядом.

— Ты говорил, что у тебя кружилась голова. Я испугалась. Все прошло? Почему ты сидишь один? Мы начали беспокоиться.

— Ах, это... Не волнуйся, Аннушка, это ерунда. Конечно, все прошло, — отец погладил дочь по голове. — Как же ты похожа на свою мать... Я хотел немного поработать, — он кивнул на рукопись на столе, — но чувствую себя... уставшим.

— Ты так и не дописал? — перевела Анна взгляд на стол. — Я еще с детства помню, как ты что-то писал по вечерам. Мне всегда казалось, что ты работаешь над чем-то очень важным... даже великим.

— Великим? — Бланк грустно усмехнулся. — Уже не допишу никогда сей великий труд. Уж слишком он для меня оказался велик... Да это и неважно, милая моя, уже неважно, на самом деле... Теперь это меня ничуть не тревожит. Вот так, хорошая моя Аннушка, вот так... За чем-то все время гнался, а оно ускользало. Да... А я еще быстрее гнался. И чем больше сил прилагал — тем больше потом получал. И вот я сижу перед тобой, старик... Наверное, ты смотришь на меня и думаешь, что я вконец опустил руки. Что меня совсем пришибло.

— Ну что ты, — склонила голову девушка. — Не надо, не говори так. За что ты можешь себя корить?

— Потому что я сам иногда так думаю. Потому и говорю об этом. Вот если бы я, к примеру, остался в Петербурге. Или если бы я... Знаешь, почему мы не остались?

— Из-за смерти мамы? — спросила Анна.

— На самом деле — нет, — покачал головой Александр Дмитриевич. — Теперь я

думаю — что из-за моей гордыни! Да! И трусости. Я часто об этом вспоминаю сейчас. Знаешь, со временем память стирается и остаются какие-то мазки. Но иногда — такие яркие... Впрочем, мне не дают слишком долго об этом поразмышлять. Только присяду отдохнуть — опять зовут: «Доктора! Доктора скорее!» И вот я встаю — и снова весь день на ногах. Бинты, микстуры, скальпель... Иногда я думаю, что был ужасным человеком. Принес нелепые жертвы. Но потом, напротив, подумаю обо всех тех, кому за свою жизнь смог чем-то помочь, смотрю — нет, все же плохим человеком я, пожалуй, тоже не был... Мне жаль, что все именно так вышло. Хотя бы ты меня простишь? За то, что я был... обычным человеком. Слабым, обычным человеком. Растерянным. Глупым. Наивным... Гнал за какими-то видениями. Но я старался быть хорошим человеком. Я знаю, что должен был единожды выбрать... и не смог. Простишь?.. Как бы мне хотелось, чтобы у вас все сложилось по-другому. Что за время такое нам выпало, что обязательно приходится выбирать — по ту сторону ты или по эту?

— Отец, посмотри на нас, на свою семью! — воскликнула Анна. — Ведь у тебя есть мы. Посмотри на своих дочерей! Ну что ты? Что выбирать? Мы все тебя любим, гордимся тобой. А твои внуки? Ведь они все хотят быть врачами, глядя на тебя. Разве это не отличный пример? Ты разве не думал, что можно быть просто хорошим человеком и без великих дел? Что тысяча маленьких дел — однажды и могут стать одним великим?

— Ты очень похожа на маму, — улыбнулся доктор. — Очень похожа, милая. Она была совершенно права. Да, я счастлив, счастлив... Конечно же, когда я гляжу на вас, то я счастлив. Конечно же, называть дурные поступки великими делами — это мошенничество, верно. Только иногда вот, бывает, нахлынет... вот как сейчас. Поболит, потом перестанет. Так что не слушай меня, это скоро пройдет... Старческое ворчание. Хандра... Ты говорила с Машенькой?

— О чем?

— С ней что-то происходит, — обеспокоенно заглянул в глаза дочери Бланк. — Но она со мной не говорит. Что с ней происходит? Я не могу понять. Что-то с Ильей? Мне кажется, он недобрый человек. Как жаль мне, что она меня не послушала. Впрочем... какой-нибудь глупости в этом роде и стоило ожидать.

— Она любит тебя, — искренне заверила Анна. — В глубине души она тоже тебя любит. Просто ей трудно. Ей трудно. И ты должен ее понять. Я попытаюсь с ней поговорить. Я постараюсь ей помочь.

— У нее камень в груди... Да, у вас у всех есть полное право держать на меня обиду, — тяжело вздохнул Бланк.

— Ну что ты! Я знаю, что ты делал все возможное. Я тебя люблю, — обняла его дочь. — Мы все тебя любим, поверь.

— Спасибо, милая моя. Это все, что я хотел услышать. Это даже незаслуженно больше, чем нужно. Более чем достаточно для меня. Спасибо.